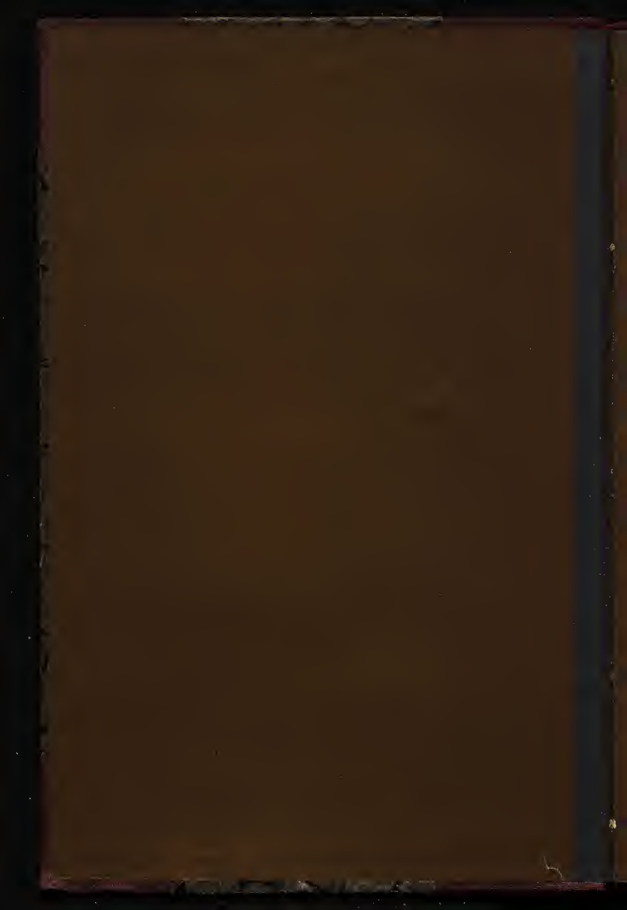
ОКТЯБРЬ
на
КРАСНОЙ
ПРЕСНЕ

НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

РАЙОННАЯ
ОКТЯБРЬСК
КОМИССИЯ

ОКТЯБРЬ
НА
КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

★

ВОСПОМИНАНИЯ
К X ГОДОВЩИНЕ

ОКТЯБРЬСКАЯ КОМИССИЯ РАЙСОВЕТА
М О С К В А
1 9 2 7

1-й экз.

Мосгублит № 47712 Тираж 4.000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Срочность выпуска настоящего сборника воспоминаний героической борьбы пролетариата Красной Пресни, со всеми входящими бывшими районами, не позволила поместить ряд ценных воспоминаний ряда активных товарищей вследствие позднего присыла ими своих воспоминаний в октябрьскую комиссию.

Комиссии было дано задание выпустить сборник именно к юбилейным дням, что нами и выполнено при весьма тяжелых технических условиях.

Из непомещенного материала необходимо отметить интересные материалы т. Горшкова о профсоюзах в районе, воспоминания тт. Богачевой, Дорофеева, П. Кузькина, Радченкова, Я. Синицына, Варфоломеева, П. Жаравова, Герасимова, Карпова, Родионова, Жукова, В. Крылова, Солодова, Крумина, Ефременкова, В. Паршина, Старикова, Ульяновой, работницы—Овсянникова, Е. Петракова, Ишина, Матфина и др. о боях и работе Красной Пресни.

Все материалы, помещенные в настоящем сборнике, исходят от непосредственных участников октябрьских событий в районах—Пресни, Сущево-Марьинорощин., Бутырского, Петровского, Всехсвятского и Городского.

Редакция, не желая делать резких изменений в стиле того или иного товарища, сохранила в большинстве полностью порядок и последовательность воспоминаний так, как было изложено самим автором. Это сделано исключительно для того, чтобы сохранить правдивость рассказа самого участника.

Материал, представленный вниманию товарищей, является почти сырьем и слабо подготовленным. Видно, что в большинстве товарищи писали наспех, не придавая серьезного значения этим историческим данным, которые они излагают в своих статьях.

Но несмотря на все имеющиеся недостатки, сборник является необычайно ценным вкладом в историю революционного движения пролетариата Красно-Пресненского района.

Ряд товарищей пишущих впервые свои воспоминания,—и тем ценнее значение этого сборника. Ибо он с очевидностью гово-

рит (вопреки разглагольствованиям и нападкам противников Октябрьской революции) о том, что в Октябрьские дни Октябрьскую революцию именно совершил пролетариат под руководством коммунистической партии.

Авторы воспоминаний, в своем абсолютном большинстве,—это не профессионалы революционеры, а это рабочие от станков, от машин.

Из прочитанного можно убедиться, как пролетариат толкал вождей революции вести его в бой до последней победы над белыми юнкерскими войсками, охранявшими желания буржуазии, охранявшими последний оплот соглашателей и предателей интересов рабочего класса и крестьянства.

Этот сборник не претендует на исчерпывающий материал по истории борьбы Красной Пресни за диктатуру пролетариата. Он только лишний раз напоминает всем и особенно молодежи, с какими трудностями, с какими тяжкими потерями пришлось вырывать власть из рук буржуазии и ее наемников.

Задача каждого товарища, принимавшего участие в этой борьбе и в борьбе в последующие за 1917 годы с белыми бандами, с бесхозяйственностью, саботажем,—углубить и расширить эти воспоминания, с тем чтобы в ближайшие годы, не торопясь, можно было бы дать красочную историю нашего района, где каждая улица, каждый камень политы кровью пролетариата Красной Пресни.

О геройских подвигах наших товарищей, о наших достижениях и трудностях мы еще должны сказать в будущем. Для этого нам нужно крепко помнить дни Великой Октябрьской революции 1917 года.

Да здравствует Октябрьская революция!

Да крепнет мощь и единство нашей коммунистической партии!

Редакция
Октябрьской комиссии
Красной Пресни.

I. У ИСТОКОВ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

М. Рютин

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ НАКАНУНЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(К X годовщине Октября).

Открытие VIII Красно-пресненской районной партийной конференции почти совпадает с празднованием десятилетия пролетарской революции. 10 лет тому назад в эти же самые дни рабочие и большевики Красной Пресни, прошедшие еще до этого школу декабрьских баррикадных боев, готовились с оружием в руках бороться за низвержение господства буржуазии, за советскую власть.

Небольшая горсть Красно-пресненской организации большевиков, примерно, в 1 000 человек, вела за собой в бой десятки тысяч пролетариев и многие тысячи солдат, разбросанных в различных местах по казармам района. Им предстояло разрешить гигантские задачи.

Фабрики и заводы находились в руках буржуазии и были зажаты в тисках кризиса и развала. Костлявая рука голода протягивала свои костлявые пальцы во многие сотни и тысячи рабочих квартир; впереди лежала жесточайшая полоса разрухи и тяжелый кровавый этап гражданской войны.

Теперь все это тяжелое осталось позади, теперь мы переживаем трудности другого порядка—трудности, связанные с радостным чувством и успехами нашего социалистического строительства. Силы рабочего класса в районе растут из года в год. К VI районной партийной конференции в районе имелось 80 000 рабочих, к VII районной партийной конференции—90 000, теперь имеется 96 000.

Отдельные заводы выросли вдвое и втрое. На заводе «Пролетарский труд» бывшем Тильманса в 1917 году было 700 рабочих, теперь 1 000. На заводе «Борец» было в 1917 г. 600 рабочих, теперь 1 000. На фабрике им. Ногина (Марьинская чулочная) было 300, теперь 1 600.

Заработная плата рабочих перешагнула довоенный уровень.

10 лет тому назад рабочие не имели места, где бы можно было собраться, сейчас в районе имеется 50 с лишним клубов.

В эти самые исторические дни 10 лет тому назад районный совет готовился к захвату власти, он был тогда только боевым органом пролетарского восстания. Теперь это закаленный в работе в процессе своего развития орган пролетарской власти, орган руководства нашим социалистическим хозяйством, огромная школа социалистического строительства.

Количество рабочих, участвующих в практической повседневной работе районного совета, растет из года в год. В 1923/24 г. в секциях работало 1 027 человек, в 1924/25 г.—2 269, в 1925/26 г.—2 899, в 1926/27 г.—3 325.

При последних перевыборах рабочие массы района проявили огромную политическую активность и политическую зрелость. Посещаемость рабочих собраний для перевыборов советов выражалась по предприятиям металлической промышленности в 98%, швейной—в 97%, текстильщиков—в 95%, печатников—в 93% и т. д.

Ответ рабочих во время перевыборов на чемберленовскую ноту—их беззаветная готовность защищать Советский союз и наши социалистические завоевания.

Рабочие с каждым годом, вопреки всем фальшивым утверждениям оппозиции о свертывании, могуче расправляют свои плечи и полны бодрости для преодоления грядущих трудностей. Их роль в составе районного совета и во время последних перевыборов вновь значительно выросла. В прошлом составе районного совета имелось 64% рабочих, в этом составе мы имеем уже 68%.

Кроме совета и его органов рабочие массы широко развернули другие формы пролетарской общественности. В добровольных обществах района участвует более 150 000 рабочих и трудящихся. За последнее время, в связи с возросшей угрозой войны, рабочие, руководимые своим верным классовым чутьем, тысячами пошли в кружки военных знаний для обучения себя военному делу и подготовки к неизбежным предстоящим боям с буржуазией.

Одновременно с ростом рабочих росла и районная партийная организация. В 1917 г. мы имели лишь небольшую горсть членов партии. Теперь их целая армия. К настоящему времени в партийной организации района имеется 27 600 членов партии и кандидатов, из них рабочих 68,2%. Необходимо отметить, что за последний месяц приток рабочих в партию заметно усилился, так, например, на заводе «Газ» № 1 за последний месяц подано свыше 20 заявлений рабочих о вступлении в партию. Усилился приток заявлений о вступлении в партию на Трехгорной мануфактуре и на ряде других предприятий. В тот момент, когда кучка обанкротившихся оппозиционных вождей и одиночек интеллигентов подрывает единство партии, ее ленинские устои и ее мощь, рабочие заводов, движимые своим классовым сознанием, наоборот,

укрепляют силы партии и своим вступлением в ее ряды увеличивают ее боевые кадры.

Большевистская политическая зрелость организации за последние два года также сильно выросла. За прошлый год партийной учобы в сеть партийного просвещения в районе было втянуто 17 000 человек. В этом году партийной учобой будет также охвачено не меньше. Эта возросшая политическая зрелость организации дает ей возможность четко и правильно всегда отмечать верную ленинскую дорогу партии и Центрального комитета от оппозиционно-меньшевистского болота оппозиции.

Утверждения оппозиции об отсутствии у нас внутрипартийной демократии могут ввести в заблуждение лишь тех, кто сам желает быть обманутым. На деле именно развертывание внутри партийной демократии бьет оппозицию, именно боязнь большевистской внутрипартийной демократии загоняет оппозицию в подполье.

Красно-пресненская организация за последний год особенно активно всей своей массой участвовала в разрешении и обсуждении всех важнейших вопросов жизни и развития партии.

Вопросы индустриализации страны, рационализации производства, вопросы китайской революции, Англо-русского комитета обсуждались с принятием решений во всех без исключения ячейках. Вопрос о внутрипартийном положении со всей серьезностью продуман каждым партийцем.

Для обсуждения и разрешения важнейших вопросов партийного положения, хозяйственного строительства и международной политики за год созвано было в районе свыше 15 активов, на каждом из которых присутствовало не менее 2 000 человек.

Вся практическая работа организации в настоящее время построена на началах широчайшей коллективности. В повседневную работу районного комитета вовлечено низового партийного актива 2 340 человек; в ячейках в практическую работу вовлечено 80% всех членов организации. Организация таким образом проверяет правильность линии партии в самом ходе и развертывании практической работы.

В отношении выборности за последние годы также имеется значительное улучшение. В 1924/25 г. в ячейки на руководящую работу было послано районным комитетом 35 человек, в 1925/26 г.—14 и в этом году—8.

Руководящие кадры организации систематически обновляются. Состав бюро ячеек в 1917 г. обновлен на 48%, состав бюро цехячеек—на 56%, состав секретарей ячеек—на 34%.

Развертывание внутрипартийной демократии, коллективность в работе обеспечивают максимальную сплоченность организации. Именно поэтому в Красно-пресненском районе, как и в других

организациях партии, оппозиция остается жалкой кучкой мелкобуржуазных паникеров, кучкой взбесившихся мелких буржуа.

Ко времени опубликования тезисов Центрального комитета к XV съезду партии в Красно-пресненской организации на 28 000 членов и кандидатов имелось, примерно, 250 оппозиционеров, из них подавляющее большинство кандидаты, комсомольцы, члены партии с 1925 и 1926 г. и отдельные растерявшиеся интеллигенты.

Во время дискуссии она едва ли на много увеличит свои силы, ибо не только каждый член партии, но и беспартийные рабочие видят, что оппозиция расшатывает пролетарскую диктатуру и вызывает радость наших врагов.

VIII Красно-пресненская районная партийная конференция, встречая десятилетие пролетарской революции и готовясь к XV партсъезду, как никогда, единодушно и сплоченно будет отстаивать ленинизм и единство партии против троцкистско-меньшевистской оппозиции.

Организация требует и уверена, что XV съезд разлагающей работе оппозиции и самой оппозиции положит конец.

С. Минайченков

СОВЕТСКАЯ РАБОТА КРАСНОЙ ПРЕСНИ.

В каком виде мы приняли район.

Наш район географически впитал в себя самую большую часть Москвы и приэтом в большей своей части—самую отсталую.

Только перевалив за Садовую черту к центру—бывший городской район,—мы имеем настоящее городское хозяйство.

Что имелось до Октябрьской революции в районах бывшей Пресни, Бутырок и Сущево-Марьине? На это можно получить ответ из тех архивных записей, которые имеются в райсовете.

Прежде всего на окраинах этих районов мы имели смешанное управление: земство и городское самоуправление.

Черносотенное земство с землями крупных помещиков, у которых город в силу естественного роста стремился отвоевывать землю. Затем монастырские земельные владения, не впускавшие городскую культуру, т. е. духовные правители никак не давали разрешения на проведение водопроводов, электричества в дома, построенные на их арендной земле (Антроповы ямы с переулками и Лавровские проезды).

И совершенно заброшенные окраины—Марьина Роща, Ямское поле, Пресненская застава, Всехсвятское.

В невозможно жалком состоянии был район и в смысле оборудования заводов. Единственная Прохоровская мануфактура была оборудована более или менее сносно.

Большинство же заводов владельцами только эксплоатиро-

вались с целью извлечения большей прибыли, и не было заботы об их оборудовании. В большинстве и заводы были по существу концессиями иностранных капиталистов: Густав Лист, Эрманс Реноме, Карл Зибрехт, Сиу, Дукат, Ява и т. п.

Словом, если взять и перечесть все заводы по именам, тогда станет ясно, что хозяева этих заводов жили за границей, а из этих заводов выжимали соки для своего существования.

К началу Октябрьской революции эти заводы были настолько разорены империалистической войной, что, по существу, каждый из них должен был механически быть закрытым.

Советы красной Пресни приняли хозяйство настолько разрушенным, район настолько необорудованным, что теперь, на пороге десятой годовщины Октября приходится с удовлетворением и радостью видеть успехи нашего пролетарского хозяйства.

Как мы работали и работаем.

Райсоветы разрозненного района и райсовет объединенного района основной задачей ставили главным образом вовлечение широких масс в дело руководства хозяйственной жизнью, привлекая к работе рабочих и работниц через секции совета.

Насколько был вовлечен рабочий актив—можно судить по следующим цифрам: например, в 1924 году было вовлечено до 500 человек, а в настоящее время участвует уже до 4 000 человек в этих секциях.

Сюда не входят ряд комиссий, здравячейки, жилтоварищества, комиссии оздоровления труда и быта на предприятиях и пр. Если перечислить весь актив с заводскими комиссиями, то цифра вырастет до 18 000.

Вся работа райсовета проходит перед глазами самих избирателей с их повседневным контролем.

Такая работа не дает возможности аппарату стать бюрократическим учреждением, не дает застывать в его построенных формах, а оживляется различными комиссиями, подсекциями райсовета.

Те недочеты, которые имеются при построении нашего хозяйства, благодаря тесной связи с населением быстро изживаются.

Благоустройство района, находившееся в первые годы советской власти в ужасных условиях, в настоящее время улучшилось примерно на 60—70% исключительно за счет рабочих окраин.

В течение последних трех-четырех лет, наряду с постройкой на окраинах ряда новых домов, в районе были произведены следующие улучшения:

1. Бесплатная электрификация рабочих квартир. Поставлено около 30 000 световых точек в течение последних четырех лет (ранее не производилось).

2. Наружное освещение улиц.

Поставлено 336 электрических фонарей в течение трех последних лет.

3. Водопровод.

Уложено новых водопроводных труб 15 264,71 погонных саж., или 32 513,85 погонных м.

4. Канализация.

Уложено новых канализационных труб 8 358,27 пог. саж., или 17 803,12 погонных м.

5. Обязательное присоединение домоуправлений к водопроводной и канализационной городской сети.

Домоуправлений 290—квартир 3 022.

В течение последних трех лет (ранее не производилось).

6. Разбито 14 новых скверов.

7. Отремонтировано 15 старых скверов.

8. Замощено вновь около 40 улиц и переулков—31 754 кв. саж., или 144 480 кв. м.

9. Перемощено около 60 улиц и переулков—65 853 кв. саж., или 299 631 кв. м.

Целый ряд достижений имеется в области обслуживания населения амбулаториями, больницами, диспансерами, ночными санаториями.

Открыты десятки новых клубов, школ, библиотек-читален.

Рост общего количества учащихся (отчет о работе школ Краснопресненского района за 1926—27 год).

ГОД	Число школ	Число групп	Колич. учащихся	Число курсов	Число групп на курсах	Число учащихся	Итого групп	Всего учащихся
1924/25 . .	99	—	38 548	—	—	—	—	38 547
1925/26 . .	102	1 163	42 668	13	60	2 202	1 223	44 760
1926/27 . .	103	1 298	43 908	14	62	1 893	1 360	45 801
1927/28 (на 1 окт. . .	101	1 386	47 595 [1]	14	59	2 188	1 445 [1]	49 783 [1]

[1] Составляется: 43 908—2 313 (выпуск) 6 000 (прием в 1-й гр.) 47 595.
[2] Составляется: 1893—800 (выпуск) 1 095 (прием)—2 188.
[3] Количество учащихся на 1927—28 уч. год ориентировочное.

Митинг рабочей молодежи Красной Пресни в 1920 году на площадке райсовета под лозунгом. „Долой неграмотность“!

Сведения по Ликбезу.

Годы	Число групп	Число обучаемых	Число обученных
1923/25 . . .	186	4 388	2 555
1925/26 . . .	237	4 076	2 479
1926/27 . . .	223	4 457	2 977

Все это делалось и делается при непосредственном участии самого пролетариата.

Население района в 1918 году было 300 000 человек; в настоящее время возросло до 500 000 человек.

Избирателей в 1924 году было примерно 180 000—190 000 человек, в 1927 году их было 350 644 человека.

Участие выборщиков с 60% выросло до 95% в прошлую перевыборную кампанию. Эта активность показывает рост сознательного отношения населения к выборам в Советы.

Жилстроительство.

Мы получили в районе такое ужасное наследие с жилплощадью, что сейчас не верится, что мы проделали такую большую работу за эти годы.

Прежде всего обратим внимание на некоторые части района. Так, например, в Сущевско-Марьинском районе было всего кирпичных домов 34%, в Бутырском—13%, в Пресненском—21%, Городском—79%, т. е. более или менее благополучным был Городской район. Три района, населенные беднотой, рабочими, были весьма неблагополучны. Все эти дома, принадлежавшие раньше частным владельцам, в значительной своей части были настолько ветхи, что требовали немедленно ремонта, иначе грозили полным разрушением.

В первые годы приходилось принимать очень срочные меры для того, чтобы переводить рабочих с окраин в дома более надежные и находящиеся в центре. Занято было все, что оставлялось бежавшей буржуазией, а те, которые остались, были уплотнены до пределов. Старые же дома, где ранее ютилась пролетарская беднота, были частью отданы на отопление школ и больниц.

Правда, с переселением было и есть весьма существенное неудобство—это отдаленность некоторых от места работы. Это было предусмотрено в последние годы, и принят целый ряд мер к тому, чтобы дома строились главным образом ближе к окраинам

ближе к фабрикам и заводам. Всего выстроено по Красно-Пресненскому району 44 дома с 1924 года с площадью в 50 175 куб. саж., вселено 11 000 человек и больше 100 домов построено Жилкооперацией.

Благодаря большому росту населения района с жилплощадью дело обстоит не совсем еще благополучно; на предстоящие годы еще нужно много усилий для того, чтобы с этим вопросом было улажено окончательно.

Негодность и ветхость старых деревянных домов, частые пожары на окраинах в связи с изношенностью печей и пр.—все это будет давать себя чувствовать не один год. Только увеличение средств на новое муниципальное строительство и рост жилкооперации дают полную уверенность в том, что мы в этом вопросе будем победителями.

Десять лет неутомимой работы, с годами гражданской войны, показали, что пролетариат может сам с успехом строить свое социалистическое хозяйство, свою жизнь—без господ и попов!

Правда, работа после некоторой передышки от империалистической и гражданской войны еще только понастоящему начата. Постройка новых заводов, мощных гигантов, вместо старых лачуг—идет успешно, и мы, с глубокой убежденностью в том, что пролетариат построит свое социалистическое хозяйство, вступаем с твердым убеждением и радостью во второе десятилетие Октября.

Пролетариат Красной Пресни будет в этой постройке не на последнем месте.

М. Костеловская

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В первые же дни после Февральской революции, когда самодержавие рухнуло, как дуб, сгнивший на корню, создалась обстановка широчайшей легальности. Все пришло в движение. Рабочие массы немедленно же использовали свой опыт первой русской революции 1905 года и стихийно приступили к созданию советов. Слово «советы» было у всех на устах. И в то же время недостаточная сознательность и организованность масс в этот первый период русской революции привела к тому, что власть в советах оказалась в руках буржуазии: эсеров и меньшевиков. Эти партии мелкой буржуазии в первый период революции получили большинство в советах. Наша большевистская партия оказалась в меньшинстве. И даже там, где нам в первые дни удалось занять командные высоты (например, первый председатель пресненского районного совета был большевик), нас вскоре оттеснили.

Массы заблуждались и добровольно уступали власть в руки своих классовых врагов. Так было. И перед большевистской пар-

На юнкеров. Ориг. рис. Дм. Моора.

тией во весь рост обрисовалась огромная задача—помочь массам найти себя, осознать себя, понять исторические задачи своего класса, сорганизоваться под руководством своего авангарда—партии большевиков—для великих классовых битв, для Великого Октября: свержения буржуазии и создания нового государства пролетарской диктатуры. Только тогда мы, разумеется, еще не знали, какой именно месяц из двенадцати нам придется в дальнейшем писать с большой буквы, ибо о сроках, о том, когда в точности придет день пролетарской диктатуры, никто в мире не знал.

Первое, что надо было делать на этом пути,—это собирание и сплочение большевистских рядов и укрепление большевистской партийной организации.

Так стала очередная задача перед большевиками в первые же дни легального существования.

У нас на Пресне собирание первого легального большевистского райкома относится к началу марта 1917 года.

На фабриках и заводах к этому времени были лишь одиночки-большевики, да кое-где небольшие группы. Так, на Прохоровке были тт. Меркулов, Горшков, Емельянов и др., на заводе Тильманса были тт. Шеногин, Ивановский, Анисимов и ряд др. польских и русских товарищей. На других фабриках и заводах—на сахарном, у Грачева, в типографии Машистова, на мебельной фабрике Мюра, на фабрике «Свет», на «Санитарной технике» и пр.—были лишь одиночки-большевики.

Кроме того, в первую пресненскую организацию вошли пропагандисты—тт: Григорий Коган, Попов-Дубовской, Горальд Крумин, М. Костеловская, т. Александр (Лейтман) и др.

В то горячее, неустоявшееся время, в обстановке непривычной легальности сразу же при самом складывании организации оказалось много трудных вопросов, которые необходимо было тут же быстро разрешить. Так, в первые же дни встал вопрос о том, как строить наши организации—вместе с меньшевиками или самостоятельно? На этом вопросе пресненцы задержались недолго. Защитников объединенной организации оказалось очень немного; на нашей пропагандистской группе, помнится, объединение защищал лишь один товарищ Александр. После нескольких горячих схваток вопрос был решен: строим свою, чисто большевистскую организацию.

В первые же дни всплыли тысячи мелочей,—ведь у нас ничего не было. Так, стоило немало хлопот добыть помещение для большевистского райкома. Собирались то у меня в комнате, то у других товарищей. Наконец кто-то отыскал домик на Малой Пресне, в Предтеченском переулке, № 4, откуда только что выехали полицейские. Домик был невероятно загажен, но выбирать не приходилось. Большевички—Гермина Крумина и Нина

Коган—вооружились ведрами и тряпками, целый день чистили, мыли, скребли, и на другой день у нас уже была своя резиденция.

Выборы первого пресненского райкома происходили в середине марта. В него вошли тт. Анисимов (казначей), Александр, Горшков, Емельянов, Коган Гр., Костеловская М. (ответственный секретарь), Крумин, Меркулов, Попов-Дубовской, Шеногин.

Работа закипела. Работали на Пресне очень дружно. В тот период необычайного подъема, общего возбуждения и почти полного отсутствия организованности в массах—работы был непочатый край. В первые же дни на Прохоровке была создана профсоюзная организация. При райкоме собралась группа молодежи—зародыш Комсомола,—в которую вошли: Анатолий Попов, Быстров, Дугачев, Нат. Костеловская, Литвейко, Рыбакова и другие. Скоро при райкоме начал работать первый марксистский кружок, в который вошло человек 12—15 наиболее активных рабочих, так сказать, вссь цвет пресненской организации. Кружком руководил т. Попов-Дубовской.

Основной, все поглощавшей работой была борьба за рабочие массы в районе. И здесь в центре внимания естественно стала Прохоровка с ее многотысячной рабочей массой. Мы поставили себе задачу отвоевать Прохоровку у эсеров во что бы то ни стало. И закипела борьба. Эсеры возили туда видных своих ораторов и даже свою «бабушку» Брешковскую. Мы напирали изо всех сил. Вряд ли когда-либо крышки столов видали такую бурю страстей, такие жаркие перестрелки, чем это выпало на долю столов прохоровской кухни. Здесь в то время не было сцены. Перед митингом сдвигали вплотную столы—получались подмостки; на эти столы ставили еще стол—трибуну для оратора. Чтобы попасть на эту трибуну, приходилось проделывать сложную гимнастику. Но было место еще выше: это—печка, на которую взбирались мальчуганы, надо полагать, теперешний Комсомол. Эти были целиком за нас. Они награждали наших ораторов неистовыми хлопками и скорлупой подсолнухов, которую щедро сыпали со своей вышки на наши головы. Борьба носила ожесточенный характер. Эсеры не брезгали ничем, подхватывая и пуская в ход всяческую ложь и клевету вплоть до «немецких шпионов». Поначалу наших ораторов эсеровские молодцы нередко стаскивали за ноги, не давали говорить. Но жизнь работала за нас. Прохоровка подавалась туго, но основательно. Наша ячейка росла и постепенно, но прочно завоевывала к себе доверие.

С меньшевиками у нас шла борьба на других предприятиях—на маленьком заводе Грачева, на мебельной фабрике Мюра и особенно в типографии Машистова, где меньшевики свили себе гнездо среди пожилых наборщиков и печатников. В этой типографии нам на собраниях трудно было добиться слова, а до-

бившись, трудно было его использовать: старики устраивали обструкцию. Здесь первое время был только один большевик, но вскоре его подкрепила целая группа молодых рабочих, вступивших в нашу партию.

Хорошо в те времена обстояли дела на заводе Тильманса. Там было в общем немного рабочих—человек 700, но еще до революции там была крепкая большевистская подпольная ячейка, которая потом быстро разрослась и пользовалась на заводе большим авторитетом. Ни эсеры, ни меньшевики не могли на Тильманс и носу показать. Эта ячейка выдвинула ряд активных товарищей. На заводе работало много поляков. Обычно мы ставили там доклады вперемежку—на русском и на польском языках. Тильманс дружно голосовал за наши резолюции и в полном составе выходил на демонстрации.

В общем сравнительно в короткое время мы закрепились на всех предприятиях района, везде имели ячейки и могли расширять и углублять работу по вовлечению масс.

На особом положении стояла работа с солдатами. Ведь в районе была Ходынка. Работа в гарнизоне на Ходынке стала одной из первостепенных наших задач. Наши лозунги против войны, за отобрание земли у помещиков имели здесь огромный успех. Любимым оратором у солдат был обладавший действительно крупным ораторским талантом Гриша Коган (умерший от чахотки в 1921 году).

Наряду с напряженнейшей агитацией и пропагандой значительное место в тогдашней работе занимали демонстрации. Они были не только смотром сил, но и крупным организующим массовым боевым действием: ибо редко по тем временам большевистские демонстрации обходились без «инцидентов». Особенно памятна в этом отношении наша июльская демонстрация к Моссовету. Обыватель, почуяв большевистскую грозу, взбесился и обнаглел. Котелки, модные шляпки свистели, выли, улюлюкали на нашу демонстрацию со всех тротуаров Советской, тогда еще «Скобелевской» площади. Эсеровские и меньшевистские члены Моссовета бросились отнимать знамена с большевистскими лозунгами у наших демонстрантов. Дело доходило до рукопашной.

Несколько времени спустя была еще одна острая демонстрация на Пресне с лозунгами—впервые—«Вся власть советам». Эта демонстрация имела конечным пунктом Сенную площадь. На площади развернулась цепь рабочих в несколько рядов, в центре грузовичек с ораторами и знаменами, а снаружи сползлись от своих лавок и облепили демонстрацию плотным кольцом осатанелые, готовые кинуться как собаки—лабазники.

Но были и веселые демонстрации, например, первомайская. Она была довольно многолюдной. Пресненская колонна удивила всех своим искусным исполнением «Интернационала». Наш рай-

ком, готовясь к демонстрации, сорганизовал хор и наславу разучил «Интернационал». В то время по тому, с какими песнями маршируют колонны, можно было судить о настроении масс: «Интернационал» являлся знаком большевизма, меньшевики предпочитали «Марсельезу», а эсеры—«Дубинушку».

Чтобы ближе подтянуть массы к райкому, мы организовали два клуба: один при самом райкоме, а другой—«Студенец»—на берегу Москвы-реки в бывшем имении какого-то великого князя. Этот последний клуб обслуживал не только рабочих, но главным образом солдат. Здесь происходили военные совещания и ставились почти ежедневно доклады. Клуб этот имел большой успех и собирал очень много народу. Доклады часто проходили в саду под открытым небом. Здесь нередко выступал т. Бухарин.

Работа шла на полный ход. Быстро росли требования на агитаторов и пропагандистов, на литературу, которой мы не успевали доставать в МК. Подчас нехватало ни сил, ни средств. А за плечами стояли меньшевики и эсеры, которые, как саранча, накидывались на все наши слабые места. Под таким перекрестным огнем наши работники быстро крепли и набирались необходимого опыта и сноровки.

Но кроме этих трудностей были еще и другие, так сказать, высшего порядка. В то время (март 1917 года) был целый ряд неразрешенных в общепартийном порядке спорных вопросов: об отношение к войне, к Временному правительству, о перспективах русской революции и другие.

По всем этим вопросам в нашей пресненской организации, как уже сказано выше, было полное единодушие. Но мы не всегда встречали поддержку. В то время у нас был слух, будто Питер по всем этим вопросам занимает более крепкую позицию, чем Москва. Райком предложил мне поехать туда и посмотреть на месте.

В Питер я приехала 1 апреля. Там, как и у нас, в массах было бодрое настроение. Но в организации шли споры с Каменевым, у которого твердой линии не было, или, вернее, была оппортунистическая.

Толкаясь в ПК [1] (дворец Кшесинской) и в Таврическом дворце, где в то время происходили заседания Всероссийского совещания советов, приходилось видеть много народа. Всюду носился колбасой авантюрист Керенский. 1 или 1 апреля приехал из-за границы Плеханов. Меньшевики устроили ему торжественную встречу. Рассказывали, что весь исполком совета и все правительство выезжало встречать на вокзал. Такова была общая обстановка. В наших организациях чувствовалась тревога, отсутствие ясности. Я уже собиралась уезжать обратно ни с чем, как вдруг

[1] Петроградский комитет большевиков.

стало известно, что вечером приезжает Ленин. Эта весть быстро разнеслась по Питеру, и встречать Ильича двинулись на Финляндский вокзал многие тысячи рабочих, матросов и солдат.

На перроне вокзала мы выстроились шпалерами. Подошел поезд. Матросы взяли на-караул.

Вот Ленин. Он идет быстро. Кого-то на ходу обнял, с кем-то поздоровался. Смотрит остро. Очень напряжен, подобран. Быстро прошел перрон, вошел во внутренние парадные комнаты (специально для его встречи открытые) и скоро вышел на площадь. В приготовленный для него закрытый автомобиль не полез, а влез на крышу автомобиля и произнес с него свою первую речь. У нас захватило дыхание. Вот оно! Вот здесь, в этом сгустке революции—все, что нам нужно. Вот вождь, который знает, который хочет и который может!

Вся площадь была залита питерскими рабочими. Снопы прожекторов вырывали из темноты красные знамена, и они полыхали, точно огромные красные птицы. Ленин перелез на броневик, и мы тронулись в город. Броневик двигался медленно. Мы шли плотно, взявшись за руки, вокруг броневика.

Он останавливался через каждые 10—15 минут, и Ленин говорит, стоя на нем, как на трибуне. Ленин говорит о том, что надо кончать грабительскую войну, что Временное правительство обманывает народ, что единственная власть—это советы и что пришла пора для социалистической революции. Вся огромная масса шла за броневиком, жадно впивая первые, еще неслыханные нигде и никогда, твердые и страстные указания и призывы вождя.

Но тут же в наших рядах начались и споры. Недоуменно и сердито говорили: «Как же так? Ведь социалистическая революция у нас возможна лишь после того, как она начнется где-либо на Западе».

Мы вошли в ПК (петербургский комитет). Забили доотказу большой зал, все помещения. С балкона кто-то из приехавших с Лениным произнес речь для оставшихся на улице. Ленин сел в конце стола. Открылось собрание. Один из товарищей (из Сибири) произнес приветственную речь. Ленин слушал, наклонив голову на бок. Мне все время был виден угол его крутого, широкого лба. Когда оратор кончил, Ленин быстро, не давая выступать следующим с заготовленными ими приветствиями, хлопнув обеими ладонями по столу, сказал:

— Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией.

Все смущенно переглянулись.

— Я думаю о перспективах русской революции следующее,— продолжал Ленин и закатил нам доклад часа на полтора.

Слушали, затаив дыхание, не сводя глаз.

Когда расходились, уже рассвело. В утреннем воздухе его башмаки крепко постукивали по тротуару. После десятилетней отлучки он шел по Каменноостровскому к себе на квартиру (к сестрам) в сопровождении нескольких товарищей.

На другой день, 4 апреля, утром Ленин делал доклад на фракции большевиков в комнате № 13, на хорах Таврического дворца. Было человек 40. Вот его прежняя манера двигаться во время речи вперед-назад. Только теперь он ходил еще круче, чем в 1906 году. Перед ним был длинный стол, а сзади деревянные лавки. Когда Ленин пятился назад, он натыкался на эти лавки и каждый раз с некоторым удивлением оглядывался на них. Мы с трудом растащили лавки в стороны, и Ленин стал ходить, как паровоз, вперед к столу и назад, пятясь к стене шагов пять-шесть, прижимая к себе локти и слегка сжимая кулаки.

Как только он кончил, сейчас же мы все перешли в думский зал, где уже собралось объединенное заседание большевиков и меньшевиков. Народу было человек 500. Здесь Ленин снова повторил свой доклад и предложил свои тезисы о задачах пролетариата в русской революции.

Меньшевики буквально взвыли. Их выступления носили исступленный, истерический характер.

5 апреля снова в комнате № 13 на хорах Таврического дворца собралась фракция большевиков. Когда я пришла, говорил Каменев,—он говорил против тезисов. У всех настроение было напряженное.

Потом слово получил шахтер из Донбасса. Он был высокий, черный, с проседью, коренастый, лет под 50, с большой черной бородой. Он смотрел на Ильича влюбленными глазами, как на родного, и сказал, примерно, следующее:

— Все, что тут товарищ Ленин предлагает, все это правильно. Надо брать нам фабрики и заводы. Вот у нас хозяев нет. На нашем руднике 10 тысяч рабочих, и мы теперь работаем сами без хозяина. Поставили охрану рудника, весь порядок исполняем, работаем без хозяина. Но только ораторов у нас нет, и объяснить все обстоятельства некому. Когда соберется народ, требует, чтобы я, как я есть большевик, объяснил им все. Ну я только одно могу сказать и говорю им всегда: «Братцы, держитесь крепче». А больше я ничего не могу сказать. И вот я прошу вас, товарищи, пошлите нам более образованных товарищей, которые могли бы лучше объяснить всем нашим шахтерам про политику, и как дальше пойдут дела. А товарищ Ленин во всем, что он говорил, во всем прав.

Во время этой речи Ильич вел себя очень бурно. Он радовался, вскакивал, садился, подавал реплики, смеялся.

Это выступление шахтера из Донбасса было первым откли-

ком пролетарской революции, первым ответом большевика-пролетария на призыв вождя.

Затем слово получила я. Я рассказала про нашу работу на Пресне, все наши московские споры, а также все, что знала о «самочинных захватах» по собственной инициативе рабочих и крестьян, о Шлиссельбургской республике, о петербургских пекарях и т. д. К этому времени фактов, говорящих о том, что массы инстинктивно берут курс «на экспроприацию экспроприаторов»,— таких фактов было уже много. Заключительная формулировка моя была приблизительно такова, что все то, что Ленин наметил еще за границей, как теоретик, практика первых дней революции уже полностью подтвердила, что пресненская организация большевиков полностью присоединяется к его тезисам.

На мою долю, как и на долю моего предшественника шахтера, досталось немало одобрительных восклицаний Ильича. Он тыкал в воздух указательным пальцем и кричал: «Слушайте, слушайте». Смеялся, хлопал. Он ободрял, шутил, вставлял язвительные словечки по адресу Каменева и других. Никогда в жизни не приходилось мне говорить с таким удовольствием, как в тот раз.

По окончании собрания подошли товарищи, вернувшиеся из эмиграции вместе с Ильичем: Усиевич и Инесса Арманд. Оба собирались работать в Москве. Я приглашала их на Пресню.

Этот день, 4 апреля, был поворотным пунктом для судеб русской революции. Как изумительный механик, Ильич в апрельские дни повернул, как на оси, весь сложный механизм революции и дал ему то содержание и устремление, которых инстинктивно жаждали массы.

В нашей работе на Пресне апрельские тезисы были праздником. Мы все воспрянули духом и принялись за работу с удвоенной энергией.

Через несколько дней после моего возвращения из Питера мы справляли открытие первого районного клуба, который назвали «Коммунист». Собрался весь наш пресненский большевистский актив. Стоял мой доклад о приезде Ильича, обсуждали апрельские тезисы. На открытии среди других присутствовали т. Усиевич, только что приехавший из Питера, и т. Сольц, тогда редактор «Соц.-демократа». Тов. Усиевич подробно обосновывал тезисы. Тов. Сольц полностью солидаризировался с тезисами.

Апрельские тезисы еще крепче спаяли всю пресненскую организацию. Теперь была ясность пути и твердая уверенность в его правильности.

Следующий за приездом Ильича период можно охарактеризовать как общую подготовку нашей партии к великому Октябрю. Большевистская партия под руководством своего Ильича готовилась сама и готовила широчайшие рабочие и крестьянские массы. К концу лета вся страна оказалась охваченной крестьянскими

восстаниями. Это было неопровержимым доказательством перехода народа на сторону большевиков. К этому же времени наша партия получила большинство и в руководящих профсоюзных органах и в советах. 31 августа (по старому стилю) Петроградский совет рабочих депутатов впервые большинством $^2/_3$ голосов принял большевистскую резолюцию о власти, в которой говорилось, что:

„единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти, в основу деятельности которой должно быть положено:

1) Декретирование демократической республики.

2) Немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов впредь до разрешения Учред. Собрания, с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

3) Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением. Национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической; беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

4) Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира".

5 сентября (ст. стиля) такая же большевистская резолюция была принята соединенным заседанием советов рабочих и солдатских депутатов Москвы. В московской резолюции, кроме того, говорилось, что необходимо «немедленное вооружение рабочих и организация Красной гвардии».

Запахло порохом. Диктатура пролетариата из мечты должна была перейти в действительность, стать фактом. Готовились боевые дружины Красной гвардии. Когда в центре был образован Революционный комитет для захвата власти и дан приказ на места об организации революционных комитетов в районах,— это был сигнал, по которому пришла в действие вся накопленная массами энергия и воля к победе.

И когда вы будете дальше читать воспоминания краснопресненцев—участников этих великих событий, то вы увидите, какой изумительный напор проявили рабочие в эти решающие дни Великого Октября. Все стали бойцами, все активистами, каждому есть что вспомнить, Сражались в отрядах с юнкерами, рыли окопы, строили баррикады, добывали продовольствие, доставали с Ходынки для центра артиллерию, ходили в разведку, давали подкрепления в центр, выбивали белогвардейцев из их штабов, захватывали телеграф, комиссариаты, организовывали походные лазареты, обезоруживали белогвардейцев и т. д. Тысячи геройств, тысячи революционных дел.

И в результате победа, в результате Великий Октябрь.

Это было 10 лет тому назад. Много пережито с тех пор и тяжелого, и прекрасного. И теперь, оглядываясь кругом, мы видим, как за 10 лет гигантски выросло наше дело, как утвердилась советская власть, как окрепла наша промышленность, как оправилась деревня, как страна наша идет вперед по пути строительства социализма. Растут симпатии трудящихся во всем мире к нашему делу. И всего этого наша страна достигла под руководством нашей закаленной в боях ленинской большевистской партии.

Но при всякой постройке получается строительный мусор. Великое историческое десятилетие Октября—эта гигантская историческая постройка—тоже дало свой человеческий мусор: уставшие, испугавшиеся, одряхлевшие, растерявшие на ухабах свой идейный багаж, разные обиженные собственной непригодностью к практической работе бывшие сановники,—весь этот, так сказать, «отработанный пар» вместе с накипью и нагаром.

Эти обломки революции ныне объявляют себя «солью земли» и пытаются внести разлад и разложение в ряды нашей партии. Тем самым они подрывают дело Великого Октября.

Этого мы им не позволим. Это—покушение оппозиции с негодными средствами. Наша партия и вся страна неуклонно будут продолжать свой победный путь, твердо установленный еще под непосредственным руководством Ильича.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ СОВЕТОВ И ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

В. Попов-Дубовской.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Всего десять лет отделяют нас от того времени, когда мы приступили к организации первого Пресненского райкома. А между тем нужно порядочное напряжение памяти, чтобы освежить перед собой тогдашнюю обстановку—и приемы работы, и состояние партии, и особенно состояние рабочих масс.

Февральская революция не то чтобы пришла, а обрушилась на нас. Конечно, мы ждали ее. Были грозные нарастающие признаки ее приближения. Но не было той планомерности и длительности нарастания, какая была в 1904/05 году. А война оказывала страшное давление, создавая уверенность, что опасность разгрома наших армий и завоевание страны немцами не допустят «внутреннего развала», как окрестила буржуазия грядущую революцию. В отличие от 1905 года буржуазия была вся целиком, вплоть до меньшевиков и эсеров, настроена свирепо-оборончески. Революцию ждали после войны, а она вдруг пришла в феврале 1917 года и одним махом стряхнула начисто весь царский режим. Разлетелся вдребезги старый полицейский аппарат, сразу исчезло вековое организованное давящее насилие, и мы все очутились неожиданно «в царстве неограниченной свободы».

После первых дней ликования началась нарастающая борьба за овладение массами, сначала осторожная, а потом все более острая, лихорадочная, жестокая. Обнаружилось, что борьба эта идет между блоком эсеров, меньшевиков и буржуазии, с одной стороны, и большевиками—с другой. Силы были неравные. А между тем борьба осложнялась еще тем, что у нас в партии не было опыта, достаточного для такой гигантской революции. Правда, у «стариков» был некоторый опыт по работе среди масс в 1905 году. Но этот опыт прошел в иных условиях и теперь во многом не годился в новой обстановке. Надо было учиться революционной работе, но прежде всего надо было делать ее, эту работу. И мы учились на работе, находили ощупью ее методы и приемы. Что и говорить—мы часто обжигались, тыкались невпопад, мазали, и все же огромная, напряженная работа шла вперед.

Если во всяком процессе организации масс огромную, можно сказать—решающую роль играют твердая стратегическая установка, тактические приемы и единообразные лозунги, т. е., попросту сказать, крепкая партийная линия,—то ведь в первые дни после Февральской революции, как известно, в нашей партии дело обстояло не так-то хорошо. Сама партия только-что выскочила из подполья и должна была перестраиваться на-ходу, на тяжелейшей и ответственнейшей работе, изживая старые навыки, преодолевая правые настроения своих работников. Ведь—странно подумать—в первые дни нам пришлось решать вопрос о том, как нам строить наш районный комитет: вместе с меньшевиками или отдельно? И это не только на Пресне; в некоторых районах строились смешанные—с меньшевиками—организации.

Такова была наша внутренняя обстановка. И приэтом наш партийный Центральный комитет был за границей, отрезанный от нас огненным рубежом войны, и не было с нами Ильича.

Теперь—рабочие массы, их общий политический и культурный уровень.

Эти массы, можно сказать, обнажились мгновенно в своем первобытном состоянии—такими, какими они жили, зажатые в железных тисках полицейского режима. Для царского строя эти массы, глубоко революционные, закаленные в боях, были грозной боевой силой, о которую ломало себе зубы всесильное самодержавие. Эти массы не боялись самой жестокой борьбы и самых свирепых преследований. Но борьба ведь шла тогда в очень узких рамках—стачки, волнения, демонстрации. Эти массы верили своим вождям и политкомандирам и упорно ломили по узкой тесной дороге. А тут вдруг дорога необъятно расширилась, точно все сразу вышли из лесу на широчайшую равнину, где множество путей и множество опасностей. Теперь, прежде всего, надо было разбираться в сложнейших вопросах, в обстановке, потрясаемой войной и надвигающейся разрухой. И надо было наметить ясные, твердые пути, потому что массы чувствовали, что они выступают в качестве решающего фактора.

С тех пор, за десять с лишним лет, эти массы прошли труднейший путь и грозные испытания. Они приобрели великий опыт, который выдвинул их далеко впереди других отрядов мирового пролетариата. Только теперь отчетливо видна та несравненная воспитательная работа, которую проделала в рабочих массах Октябрьская революция. Только теперь видна огромная разница между сырым рабочим середняком начала 1917 года и середняком современным. Теперь рабочий отлично разбирается в таких сложных и трудных вещах, как себестоимость, падающая валюта, роль государственного займа, экспорт и импорт и т. д. Точно так же он хорошо знает различие между буржуазной демократией и демократией пролетарской, знает природу не только меньшевиков, но

и меньшевистских разновидностей вроде троцкизма. Он прекрасно понимает природу управления государством—как пролетарским, так и буржуазным. Точно так же и в общественном и в культурном отношении наш средний рабочий неизмеримо двинулся вперед. Если «Правда» имеет свыше полумиллиона рабочих читателей, выписывающих или покупающих эту газету, то это является показательным признаком политического и культурного роста рабочей массы. Передовая часть этой массы фактически—уже те широкие культурные кадры, которые при царском строе представляла собой низовая интеллигенция.

Так обстоит дело теперь. А тогда, в первые дни Февральской революции?

Тогдашний массовый рабочий был наивен в основных вопросах, которые революция поставила перед ним как вопросы жизни и смерти. Он, например, был склонен считать бывших подпольщиков меньшевиков и эсеров не то что друзьями, а союзниками в деле революции. Ведь они тоже боролись с самодержавием «за свободу». Надо иметь в виду, что меньшевики и эсеры владели целыми островами пролетариата; например, эсеры были господами положения на нашей Прохоровке. Самодержавие слишком свирепо давило рабочего, он слишком долго ждал политической свободы, и этот народнический термин «за свободу» был очень популярен в рабочей массе. Вырвавшиеся из подполья, эти массы, так сказать, нащупывали дальнейшие пути. Но зато у них теперь особенно остро проявился их пролетарский инстинкт. Они ненавидели не только царизм, но и буржуазию. Они подозрительно следили за всеми ее махинациями и постепенно научались разбираться в сложном политическом и экономическом переплете. Точно так же научились они разбираться и в тех лукавых ухищрениях, которыми союзники буржуазии старались ласково опутать рабочих и крестьян.

Этот инстинкт давал рабочим возможность нащупывать в горячей борьбе партии правильное направление и заставлял все чаще и внимательнее прислушиваться к голосу большевиков.

Часто можно было видеть такую странную картину. Выступает блестящий эсеровский оратор, умело играющий на привычных старому рабочему представлениях, и масса волнуется и, видимо, соглашается. Но вот выступает рабочий-большевик, который гвоздит корявыми словами совсем не по правилам грамматики, закрутит иной раз так, что и понять труднавато, а масса впилась в него тысячью глаз, слушает как завороженная. Почему? Потому что слышит то, что идет к ней от оратора между словами: знакомый, свой язык пролетария, свою работу мысли; она чувствует в нем то железное упорство, с каким сама она вела многолетнюю борьбу с царизмом; она сама вместе с ним нащупывала новые пути. И обаяние эсеровского оратора сломлено. Рабочая мысль,

раздвигая привычные старые рамки, работает поновому—за большевиками.

Таковы были первые, трудные шаги рабочей массы на путях революции.

Это были общие условия большевистской работы во всей стране. На Пресне же были и свои, местные, особенные.

Прежде всего это был не фабрично-заводский район (в старых его границах). Из больших предприятий здесь были лишь Прохоровка, да фабрика Сиу, а затем средние и мелкие предприятия. Мы, например, порядочно возились с мебельной фабрикой Мюр и Мерилиз, а там всего-то было 70 человек рабочих. Сахарный завод, Электролампа, мастерские Земсоюза, Тильманс, заводик Грачева, типографии—вот приблизительно и весь фабрично-заводской состав тогдашнего района.

Далее, у нас не было солидной базы металлистов, этих испытанных рабочих-передовиков. На предприятиях района работало много женщин—Прохоровка, Сиу, Электролампа и другие, т. е. наиболее отсталая часть пролетарской армии. К этому надо прибавить сравнительно невысокую квалификацию основной рабочей массы и ее крепкую связь с деревней.

В таких условиях приступила к работе наша небольшая группа.

Было нас, партийцев, бывших подпольщиков, человек 8—10 Но к этому ядру тотчас же начали стягиваться десятки активных рабочих с предприятий. И все вместе мы и составили основную руководящую и деловую группу организации.

Здесь были остатки рабочих-подпольщиков, которых так неутомимо выгребала из предприятий царская охранка. Были просто революционно настроенные рабочие, причислявшие себя к большевикам. Были даже рабочие из эсеровской партии, примкнувшие в первые же дни после Февральской революции к нашей партии, куда их увлек пролетарский инстинкт.

Здесь, в этой кучке, которая толклась в скромном домике на Предтеченском переулке, были и организаторы, и посыльные, и инструктора, и пропагандисты, а главное—ораторы. Тогда все были ораторами. Рядовые рабочие и работницы, которые, что называется, лыка не вязали, обладая «полстяным языком», выступали и на заседаниях, и на собраниях, и на митингах. И по мере опыта, связанная речь их понемногу расправлялась, слова, застревавшие в горле, научались укладываться в речь, а раскаленная атмосфера, неотступное повелительное требование тысяч людей перед глазами—сжигали нерешительность и застенчивость. В наше время уже умеет держать себя и выступать на собраниях не только рядовой комсомолец, а любой пионер; а тогда этому искусству учились сорокалетние многосемейные рабочие и работницы, и это давалось очень нелегко.

Но это было дело сравнительно второстепенное. Неизмеримо

было важнее для оратора, организатора или инструктора из рабочих уменье отчетливо разбираться в общей политической обстановке, чтобы уметь отвечать на коварные вопросы, которыми их прижимали меньшевики, эсеры и сами рабочие. Надо было уметь обосновывать свои положения в борьбе против искушенных противников. Стало быть, надо было усвоить основные положения большевистской программы. И вот мы решили устроить пропагандистский кружок.

Я плохо сейчас помню подробности этих занятий. Мы, конечно, не могли устроить что-либо похожее на школу или вообще на систематический, хотя бы коротенький курс. Занятия шли в порядке бесед и, надо сказать, довольно беспорядочных. Речь шла, конечно, о войне, о земле, о крестьянстве, что такое экспроприация, как быть с буржуазией, можно ли верить в бога и т. д. Насколько помнится, таких бесед было четыре-пять, а потом они сами собой кончились. Работа становилась настолько напряженной, что было не до бесед: за продолжение их взялась сама живая школа революции.

Этот сам по себе крошечный случай, затерявшийся в гигантских масштабах революции, среди гигантских событий, вспомнился мне накануне дней нашего великого юбилея Октября. Вспомнился потому, что пришлось увидеть несколько участников этой школки, которые теперь занимают весьма ответственные посты на хозяйственной и советской работе. Только революция умела так перерабатывать и закалять пролетария, что делала из него не только борца, но и крупного политического и общественного деятеля в нашей сложнейшей обстановке. Она подняла к сознательной жизни миллионы рабочих, и эти миллионы выделили передовые отряды работников, которые вынесли на своих плечах ее неизмеримую тяжесть и построили здание пролетарской диктатуры. И в эти передовые железные ряды дала свою долю и наша Красная Пресня.

С. Филлер.

ПЕРВЫЕ РЕВКОМЫ.

Городской районный комитет РСДРП(б) после Февральской революции поместился в Кривом переулке в помещении союза печатников. Комитетом в апреле месяце было поручено мне и т. Шоричеву подыскать помещение, где можно было бы развернуть работу. Такое помещение нами намечено было в городском училище на Цветном бульваре, в доме № 25, освобождавшееся в связи с летними каникулами. Когда, по нашему предложению, был собран школьный совет в лице нескольких учителей, и когда мы настаивали на предоставлении нам помещения в школе, нас

учителя опрашивали, не большевики ли мы, не хотим ли превратить школу в партийный центр. На это они отказывались категорически предоставить нам школу. Когда мы уверили их, что берем помещение исключительно для культурно-просветительных целей, помещение школы было нам предоставлено. По переезде в школу нами широко развернута была работа. К нам еще переехал союз печатников. После поместилось у нас Московское военное бюро. Все вечера были заняты то собраниями, то лекциями. Были организованы комсомольская организация и собрания женщин. Продавалась нами же агитационная литература. Раза два или три у нас происходили общегородские партийные конференции.

Совет Городского района тогда помещался в другом училище, на Рождественском бульваре. В совете работали тт. Усиевич, Никитин (б. раньше интернационалист), Монахов и др.

После неудавшегося июльского восстания Городской район наравне с другими районами приступил к организации Красной гвардии. Руководил у нас Красной гвардией сначала т. Штеренберг (умер). При посредстве т. Подбельского мы достали два ящика винтовок от бывшего тогда «Союза городов», и партийцы обучались у нас военному строю. Но вскоре выяснилось, что местная власть, состоявшая тогда в большинстве из меньшевиков и эсеров, запрещает организацию Красной гвардии в районах, и мы из помещения районного комитета убрали винтовки и упрятали их у одного товарища. На второй день в помещении районного комитета был произведен обыск во главе с юристом Никитиным, видным в Москве меньшевиком, занимавшим пост комиссара г. Москвы, но ничего найдено не было.

С окончанием каникул нам пришлось оставить школу, и мы переехали на Троицкий пер. в помещение союза металлистов, где тогдашний секретарь союза т. Полонский предоставил нам подвальное помещение. Нужно отметить, что жильцы дома № 25 по Цветному бульвару весьма были рады нашему отъезду и устроили нам «проводы». На Троицком пер. мы прожили месяца два, и к октябрю мы переехали в помещение совета Городского района, в трактир б. Романова на Сухаревской площади.

После июльского восстания отношение обывательской массы к большевикам резко изменилось к худшему. Обвиняли большевиков в измене в пользу Германии, не давали на открытых митингах говорить про Ленина, были случаи ареста большевиков. С другой стороны, симпатии рабочего класса и солдат все больше переходили на сторону большевиков, и это явно выявлялось при выборах в районные думы (в августе месяце), где список большевиков за № 5 проходил с большим энтузиазмом. Только в центральных районных думах было меньшинство, а на окраинах в рабочих районах большинство составляли большевики. Я был

выбран в Мясницкую районную думу, где большинство составляли эсеры и кадеты. По постановлению МК я был намечен в члены управы Сущево-марьинской районной думы, состоящей в большинстве из рабочих большевиков. В управу входили: т. Камаринец—председатель, я и т. Денисов—членами.

В Московской организации в это время обсуждался вопрос о подготовке к вооруженному восстанию и захвату власти. Я помню такое общегородское собрание в клубе Бутырского района на Брестской, уг. Садовой, где выступали тт. Землячка, Подбельский и др. В районах происходили усиленные занятия Красной гвардии. В одном из трактиров 24 октября происходило собрание всех членов районных дум под председательством т. Шлихтера. Тут были и меньшевики, и эсеры, и кадеты, как, например, князь Шаховской и другие. Собрание было очень бурное. К концу заседания на трибуну поднимается один из товарищей, член совета Городского района, для внеочередного сообщения. Он заявил, что, по полученным им сведениям, переговоры с эсерами ни к чему не привели, и военные действия между юнкерами и большевиками неминуемо должны начаться с минуты на минуту. После этого заявления заседание было прервано, и все большевики ушли в свои районы. В районах были организованы ревкомы, штабы Красной гвардии, и все большевики и сочувствующие были мобилизованы. Начались Октябрьские дела.

Ревком Городского района.

Ревком Городского района состоял из следующих товарищей: Веньяминов, Борщевский, Филлер, Монахов и Пилацкая Ольга. Штаб Красной гвардии—тт. Воронцова О. А. и Бабинский. Начальником Красной гвардии в октябрьские дни был т. Варземнек из Алексеево-ростокинского района. Ревком Городского района помещался в трактире б. Романова—Сухаревская площадь, уг. 1-й Мещанской—в помещении совета Городского района. На Сухаревской площади были сооружены баррикады и сделаны окопы. К Городскому району присоединена была Красная гвардия Алексеево-ростокинского района. Части Красной гвардии, направленные в Москву близлежащими районами на подмогу (Тушинский), также присоединились к Городскому району. Для размещения и кормежки красногвардейцев был взят напротив ревкома Народный дом—на Сухаревке, уг. Сретенки. Обслуживали в столовой главным образом женщины—товарищи из союза портных.

При штабе Красной гвардии имелся также санитарный отряд. Машины были конфискованы и находились в распоряжении ревкома. Связью ведал т. Самарин.

Мы сейчас же связались с воинскими частями, находящимися в Спасских казармах (с 252 и 192 полками).

Главное внимание Красной гвардии было обращено на взятие телефонной станции, почты и телеграфа, которые были заняты юнкерами и белым студенчеством. Во время боев у телефонной станции был убит начальник Красной гвардии т. Варземнек. На его место был назначен т. Петров—печатник, который впоследствии на фронте умер от тифа. Ближайшая связь была с ревкомом Сущево-марьинского района. Я был один раз на заседании ревкома Сущево-марьинского района, на котором присутствовали тт. Ходоровский, Людвинская и др. В милицейских участках поставлены наши товарищи, и мы время от времени их объезжали.

При взятии телефонной станции было взято много пленных, которые были приведены к ревкому Городского района, а оттуда под усиленным конвоем под руководством Усиевича отправлены в Московский совет. У некоторых работников Центрального ревкома, во время напора юнкеров и обстрела здания Московского совета, была мысль эвакуировать помещение Московского совета и переехать к нам, но мы протестовали против этого и считали, что такой переезд ничем не вызывается. Меньшевики, работавшие в совете Городского района в октябрьские дни, никакого участия в восстании не принимали.

После взятия Кремля, почты и телеграфа и телефонной станции остатки юнкеров и белогвардейцев были быстро ликвидированы, и всюду была восстановлена советская власть. Красная гвардия Городского района потеряла во время октябрьских боев около 30 человек. Жертвы Октябрьской революции были похоронены московским пролетариатом на Красной площади.

После Октябрьской революции я опять начал работать в Сущево-марьинской районной управе. Управа вначале помещалась в помещении Сущевского комиссариата в двух комнатах. После мы для работы управы заняли помещение б. Александровского института благородных девиц. Я ведал в управе жилищным отделом и вопросами социального обеспечения. Приходилось выдерживать большую борьбу с саботажем чиновников. Была проделана большая работа по вселению рабочих в буржуазные дома путем уплотнения буржуазии и выселения. Местные попечительства, состоявшие главным образом из дам-патронесс, выдавали ежемесячные денежные пайки солдаткам-вдовам, мужья которых были убиты в империалистической войне. После революции работающие в этих попечительствах отказывались работать и приходящим солдаткам говорили: «Идите к большевикам, они вам деньги дадут». Не всегда своевременно получались деньги для раздачи. Тут приходилось выдерживать большую борьбу. Особенное внимание было уделено управой продовольственным делам, своевременному доставлению муки в пекарни, своевременной выпечке хлеба, и ликвидации хвостов. Также пришлось уделять

много внимания налаживанию работы в отделах народного образования, здравоохранения и др.

Когда налажена была работа в совете Сущево-марьинского района, районная управа была ликвидирована, и все функции работы районной управы перешли к совету.

Кондратьева.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ СОВЕТОВ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА.

Я была секретарем совета с июня 1917 г. За этот период председателями совета перебывали: Гольдман—меньшевик, т. Шеногин, затем Борисов, Слесарев и эсер Аносов. Пресненскаяя организация находилась тогда главным образом под влиянием эсеров, в меньшей части меньшевиков и в еще меньшей части большевиков. Вся работа совета протекала за овладение рабочей массой. В начале августа большевики начинают овладевать рабочей массой, и в конце августа на съезд советов было избрано три большевика: Шеногин, Слесарев и третий кто—не помню. Собрания происходили самые бурные. Большевики и меньшевики чуть не дрались. За несколько дней до Октября было собрание на Красной Пресне в доме Новожилова. На этом собрании председателем совета был избран Слесарев. Таким образом можно считать, что к Октябрю большевики овладели массой в достаточной степени. Перед началом октябрьских дней, когда уже в центре назревали бои, на Пресне было довольно спокойно. У меня в памяти интересный факт о человеческой трусости. Как было принято утверждать, что царские офицеры были очень трусливыми. Но вот что случилось: когда еще в центре не было боев и была частичная перестрелка, мы в это время с Наташей Богачевой занимались тем, что разоружали офицеров. Командуешь бывало: руки вверх, берешь оружие—и отдаешь нашему постовому. У нас на Кудринской площади, около Зоологического сада, у Горбатого моста стояли наши постовые. В самом начале у нас был выбран военно-революционный штаб, председателем его был Слесарев, помощником Калачев. Василий Калачев и Слесарев организовали два отряда и с этими отрядами пошли занимать Пресненский комиссариат. Заняли довольно быстро, потому что милиционеры не шли против. Затем я ушла в Моссовет и пришла только тогда, когда военно-революционный комитет находился на Прохоровке, откуда он быстро переехал. На Прохоровке военно-революционный комитет находился всего лишь несколько часов, а затем переехал во 2-й Пресненский комиссариат. Там был организован военно-революционный комитет. В состав его входили: председатель Меркулов, члены—Александров, Беленький, Златоверов и Шеногин, секретарем я. Заведывал хозяйственной частью Емельянов, заведующие оружием—Дугачев Александр и Зубков Иван. Помню,

был организован госпиталь. В этом госпитале работали Чайкина, Таня Рыбакова, Волгина и Васильева.

Надо сказать, что настроение среди красногвардейцев было очень хорошее, но одно время у нас нечего было есть. Затем Шеногин доставил консервы и затем не помню кто еще доставил галеты. После боев военно-революционный комитет был переведен в дом Базыкина, затем в здание, где сейчас находится райком партии. Здесь был избран первый совет: председателем его был Меркулов, президиум состоял из 5 человек: председатель Меркулов, члены—Александров, Горшков Владимир, Николаев В. Н., Емельянов и Беленький; секретарем совета—Кондратьева-Златоверова. Надо сказать, что в то время, когда был военно-революционный комитет, обращались сюда по всем вопросам жизни района. Иногда обращались даже с такими пустяками, вроде того, что муж побил жену и т. д. Это происходило вследствие того, что никакой другой власти в районе не было. Тотчас же как сконструировали совет, приступили к организации всех отделов. Были организованы в первую очередь отделения милиции (кажется, всего было 3 отделения; заведывал 2-м комиссариатом Николаев, остальных я не помню). Были организованы продовольственный отдел, отдел труда, социального обеспечения и затем все другие отделы; тогда уже жизнь вошла в норму.

Связь с фабриками и заводами была очень большая. По первому зову, и даже без зова, всегда приходили представители рабочих. Каждый рабочий в отдельности очень интересовался жизнью совета; на заводах были везде дежурства, которые были связаны с самим советом. Как на пример очень хорошей связи можно указать на то обстоятельство, что когда было покушение на Владимира Ильича, я помню, у нас чуть ли не весь район собрался втечение одного часа. Заводы вносили в совет один процент своей выработки с момента первой организации совета.

Н. Меркулов.

„ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ НА ПРЕСНЕ".

Чтобы дать картину Октябрьских дней на Пресне, необходимо немножко вернуться назад. Февральская революция создала советы, в том числе и на Пресне, большинство в которых были меньшевики и эсеры. Но не взирая на это, большевистское влияние на рабочих было обеспечено, так как председателем совета был т. Рыкунов—большевик. Президиум совета точно так же был в большинстве из большевиков. Так продолжалось до тех пор, пока Московский совет не вынес, решением большинства, введение явочным порядком 8-часового рабочего дня. Районный совет, будучи большевистским, начал решительно проводить это в жизнь. Восьмичасеой день проводился как на крупных, так и на мелких

предприятиях. Меньшевики и эсеры, объединившись, переизбрали исполнительный комитет районного совета и выбрали большинство меньшевистско-эсеровское. Председателем совета стал эсер. Мы же свою работу продолжали по расследованию всевозможных конфликтов на заводах, фабриках и на мелких кустарных предприятиях. Районный совет, большевистская его часть, имел также хорошую связь с Ходынкой, которая играла решающую роль в смысле военной организации. Большевистское влияние на солдат было огромное. Имея связь с Ходынкой мы имели и военные совещания, которые устаривались на Студенце (куда была перенесена вся работа на лето).

Таким образом, Ходынка непрерывно была связана с районной

Группа участников октябрьских событий 1917 г. на Красной Пресне.

партийной организацией и с районным советом. Подошли июльские дни. Небольшая группа большевиков, которая в то время находилась в Пресненском районе, точно так же вышла на демонстрацию со всей Московской большевистской организацией на Советскую площадь к Моссовету, с протестом по поводу репрессий на большевиков. Надо еще отметить, что в Москве кроме Московского совета, который в то время имел номинальную власть, находился еще Комитет общественных организаций, возглавляемый комиссаром г. Москвы Кишкиным. Таким образом Московский совет, будучи в большинстве своем меньшевистско-эсеровским, не имел мужества свергнуть этого комиссара и давать свои распоряжения непосредственно от Моссовета, а как бы находился в подчинении этого Комитета общественных организаций. Только с его согласия можно было проводить мероприятия на-

меченные Моссоветом, не противоречащие Комитету общественных организаций. Сам комитет был направлен не в пользу рабочего класса.

После июльских дней в московской большевистской организации, а в частности на Пресне, началась организация Красной гвардии для защиты от налетов меньшевистских и эсеровских банд. У нас на Пресне организатором Красной гвардии был т. Шенберг. Причем вопрос ставился в районном комитете, как должна быть организована Красная гвардия—легальная или нелегальная. После больших споров все-таки постановили организовать Красную гвардию легальную.

Крупные события, которые были в нашем районе—это переговоры с фабрикантами текстильной промышленности о прожиточном минимуме. Надо сказать, что как только советы в районах стали меньшевистско-эсеровскими, мы, большевики, не покладая рук, стали работать в профессиональных организациях, где также стали завоевывать большевистское влияние. При выборах в Московский совет по профессиональной линии были выбраны исключительно одни большевики в количестве 300—400 человек. Выбранные явились с мандатами в Московский совет к тогдашнему председателю Московского совета т. Хинчуку (бывшему тогда меньшевиком). Он был поражен. В это самое время была торговля с фабрикантами о прожиточном минимуме рабочего класса. Эти переговоры вел союз текстильщиков. Переговоры велись свыше недели. Во время переговоров весь бюджет рабочего класса был разобран по косточкам. Было договорено о всех нуждах рабочего класса. Со стороны фабрикантов было получено полное согласие, нарушенное в момент подписания со стороны хозяев.

Перевыборы рабочих и солдатских депутатов как по районно, так и в Московском совете дали полную победу большевикам. Приблизительно 25 октября старого стиля (6—7 ноября) был собран объединенный пленум Московского совета рабочих и солдатских депутатов, который после больших прений и возражений меньшевистских и эсеровских лидеров принял лозунг и решение большевистской партии: «Вся власть советам!». В этот же день были отданы циркуляры во все районы об организации Красной гвардии и боевых дружин в районах, а также из районов все возможные силы дать в Московский совет для защиты Московского совета. В Москве—в Московском совете и районных советах—были организованы революционные комитеты, с комиссарами во главе. В ночь с 25 на 26 октября старого стиля около 1 часу ночи по телефону из Кремля, который, надо сказать, внутри находился в руках восставших рабочих и солдат, а снаружи находился в руках контрреволюции—юнкеров, было сообщено, что «двинцы» направляются к Красной площади. Юнкера их стали обстреливать. Таким образом, первые пролили кровь не восставшие рабочие

и солдаты, а белогвардейцы. Московский совет представлял из себя лагерь. Часть дружинников осматривала оружие, знакомилась с этим оружием, приводила его в порядок, часть дружинников готовилась к смене. Тут же закусывали и отдыхали. Это был лагерь рабочих, солдат и работниц, которые решили защищать революцию до последней капли крови. С нами рука-об-руку шли анархисты, а также и часть левых эсеров.

Так протекала борьба первые два дня.

В ночь на третий день борьбы явились меньшевики и эсеры с переговорами о том, чтобы большевики, а за ними весь восставший рабочий класс и солдаты, сложили оружие и подчинились бывшему Командующему московским округом полковнику Рябцеву. Из этих меньшевиков, я точно помню, были Кипин и Юсупов. Совещание революционного комитета, выслушав их заявление, категорически отвергло их предложение; рабочие и солдаты еще сильнее сплотились для защиты пролетарской революции. Числа 28 октября мы вернулись в район, чтобы в районе сорганизовать и послать помощь в центр. Вся борьба в это время находилась в центре. В районном комитете, который помещался на ул. Большевиков, дом № 4, мы никого не нашли из членов революционного комитета. В этот же районный комитет пришел т. Рудниченко, который был дан для связи от Ходынского революционного комитета. Мы стали просить т. Рудниченко подать артиллерию к Московскому совету. Он заявил, что нужно достать человек 200—300 для прикрытия артиллерии, которая может быть дана немедленно.

Посоветовавшись, мы решили поехать в Хамовнические казармы за отрядом для прикрытия. Туда поехали т. Рыкунов, кандидат Революционного комитета г. Москвы т. Лихачев, т. Рудниченко и я. По приезде в Хамовнический совет, где находился Революционный штаб, мы встретили т. Ангарского, от которого получили пароль. В казармах мы немедленно сорганизовали собрание. После небольших наших выступлений товарищи-солдаты 195 или 194 полка в количестве около 300 человек изъявили свое желание пойти на Ходынку, а оттуда отправиться вместе с орудиями к Московскому совету. Тов. Лихачев, Рыкунов и Рудниченко уехали на Ходынку, чтобы предупредить о приходе к ним прикрытия. Мне было поручено привести этих солдат. Когда мы шли с солдатами через Девичье поле, нас обстреливали с Пречистенки юнкера. Мы не растерялись. Была отдана команда «ложиться». Пришлось Москвой-рекой обходить до Дорогомиловского моста. Мы шли совершенно свободно. Не доходя Дорогомиловского моста, нас известили о том, что нас юнкера хотят обстрелять из дома, находившегося на горе около моста. Была дана команда итти ближе к стене. Этот пункт прошли без приключений. Придя в район Прохоровки—ныне Трехгорной м-ры,—

мы совершенно спокойно отправились на Ходынку. С этим отрядом отправилась артиллерия к Московскому совету. В целях большего обеспечения артиллерии пришлось вторично ехать в Хамовнические казармы и просить солдат для прикрытия оставшихся на Ходынке орудий.

Белогвардейцы пускались на хитрость. Они снаряжали Красный крест и посылали шпионить. Это было нами обнаружено. Наделала хлопот нам и милиция, которая нападала на отдельных солдат и отбирали оружие.

Но мы, установив связь с Ходынкой и Хамовническими казармами, быстро начали организацию дружин.

Так началась первая борьба в районе.

В ночь с 28 на 29 октября мы получили оружие из центра. Был организован Революционный штаб, состоявший из тт. Рыкунова, Меркулова, Александрова, Николаева и Беленького, который начал вести работу по вооружению рабочих и организацию охраны района. Тут же было дано распоряжение т. Владимиру Горшкову взять 1-й Пресненский комиссариат. Второй и третий комиссариаты брал т. Слесарев с дружинниками. Тов. Горшков выполнил первую задачу удачно. Тов. Слесарев свое задание не выполнил и ему помогал т. Горшков. При охране застав мы задерживали много офицеров и юнкеров.

Вскоре нам были доставлены новые винтовки, и мы стали вооружать рабочих. Надо сказать, что самой большой большевистской ячейкой в районе был завод бывш. Тильманса, откуда пришло сразу 200 человек. Все товарищи были вооружены. Когда пришел к нам т. Златоверов, на Пресне был организован штаб, который возглавлялся т. Златоверовым, Шиногиным и Рудниченко. Секретарями штаба были тт. Надя Штерн и Кондратьева. В числе разведчиков были: тт. Попов, Быстров, Дугачев, Нилов Борис и Васильев Петр. Сестрами милосердия были:: тт. Чайкина, Литвейка, Рыбакова. В продовольственную комиссию по снабжению боевой дружины и Красной гвардии входили: тт. Емельянов, Горшков Владимир и Малиникин. Выдача оружия была поручена тт. Зубкову и Дугачеву.

Все это были в большинстве молодые товарищи, готовые отдать жизнь за революцию.

Первого ноября к нам приехал т. Смидович и объявил о том, что юнкера сдались. Мы прекратили стрельбу. Получив от него директивы об охране Брянского вокзала, так как имелись сведения, что к белогвардейцам едет помощь по этой дороге, мы немедленно организовали отряды, которые заняли вокзал. На вокзале мы встретили массу уезжавших офицеров, у которых мы отбирали оружие и отпускали, согласно распоряжению Революционного комитета г. Москвы. Правда, мы тогда спорили и доказывали, что нужно не отпускать белогвардейцев, а расстреливать

на месте. Но решение Московского революционного комитета в боевые дни для нас было законом. За всю битву, продолжавшуюся втечение 8 дней, мы на Пресне потеряли убитыми около 17 человек и тяжело ранеными около 30.

Очень дорогой ценой была завоевана рабочая власть, которой исполнилось десять лет, вопреки крикам буржуазии, а также меньшевиков и эсеров. Теперь мы празднуем праздник всех трудящихся нашего Советского союза, а также и трудящихся всего мира. В эти дни мы должны еще больше сплотиться вокруг коммунистической партии, которая является единственной защитницей рабочего класса. Только коммунистическая партия, и никакая другая, может вывести рабочий класс всего мира к победе над буржуазией и к мировой революции.

Златоверов.

В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

Будучи в 1917 году секретарем военной организации Смоленского комитета партии и членом исполнительного комитета Смоленского совета, я был командирован Смоленским комитетом партии для связи по вопросу организации Красной гвардии. Мне была дана явка в Московский комитет.

Приехал я сюда за день до начала боев. Когда я приехал, положение было такое: Кремль занимался юнкерами и офицерами, они рыли окопы и устанавливали пулеметы. В районе Шелепихи сосредоточивалась тяжелая артиллерия, которая была в колеблющемся положении. Затем казаки группировались тоже по отдельным районам и также в районе казарм. Нужно сказать, что офицерство в это время провоцировало солдат, призывая их разбегаться по домам. Придя в Московский совет, я застал там полный хаос. Помню, при мне принесли раненых—жену рабочего и одного солдата. Всюду раскиданы были бумаги, газеты и пр. Никто не брал на себя командования. Одна часть товарищей говорила, что нужно во что бы то ни стало начинать наступление, вызвать артиллерию с Ходынки и бросить силы против белых, начав наступление. Другая же часть, в которой был Ногин, настаивала на отклонении начала стрельбы, указывая на то, что мы сейчас не подготовлены к наступлению. В это время я наткнулся на Яковлеву, и она меня представила Грише Когану, назвав последнего художником. Я ему предъявил документ Смоленского комитета партии. Он посмотрел: «Вот видишь,—говорит,—тут какая обстановка, ваше дело военное, спускайся, бери, что можешь, и возьмите под охрану этот район. Потом, надо как-нибудь забаррикадироваться от всех этих банд, которые нас окружают». Направил он меня к Штейнбергу. Штейнберг мне сказал, чтобы мы начали организовываться, как можем и как умеем. Мы и группи-

ровались в отряды по 10—15 человек, которыми затыкали улицу. Оружия было мало, и плохо шло с правильным распределением сил. Помню, позвали нас, военных, в маленькую комнатку в Московском совете. Там мы встретили Пейче и Ведерникова. Здесь же мы получили задание: заткнуть, как возможно, проходы и начать связываться с районами. Выхожу и смотрю—подошло человек 60—70, с ними один товарищ. Ну, думаю, если 70 человек с собой возьмешь—будут убиты. Веду переговоры как бы разбить отряд. Тут Шеногин из Пресненской организации мне говорит: «Ребята у нас есть, а вы будете руководителем». В итоге, получив задание, пошли мы по Петровке вниз, как говорил Шеногин. После боя по линии между Большим театром, мы влезли на Большой театр, хотели ставить пулемет, но дело в том, что бронзовые кони, украшающие театр, оказались под прямым огнем, с одной стороны, из Думы, а с другой—под огнем из Метрополя. Тогда мы решили не подвергать обстрелу Большой театр[1]. Спустились вниз и решили занять позицию одним отрядом по левую сторону Большого театра и прекратить выход белым по Петровке. Здесь мы устроили баррикады из дров между Большим театром и театром Незлобина и стали вести перестрелку в район выставки птицеводства, что между Думой и Метрополем к Кремлю, откуда стреляли белые из пулеметов. У них стоял где-то в здании или в воротах Метрополя бомбомет, которым они нас угощали; из здания Метрополя обстреливали нас из винтовок. Наши красногвардейцы не умели стрелять, но рвались в бой. Нужно было каждого укладывать, показывать, как заряжать винтовки, и затем смотреть, как он выстрелит. Этим делом обучения занимался Шеногин. После полутора суток нас сменила воинская часть. Мы пошли в Московский совет. Шеногин с отрядом был брошен по Чернышевскому переулку, а меня направили занять гостиницу Люкс, где была булочная Филиппова. Из этой гостиницы нужно было прикрыть огнем наши части, которые подходили к Московскому совету. Помимо этого нужно было очистить Тверскую до Тверской заставы для того, чтобы соединиться с Пресненским районом, который в это время был отрезан от нас.

После того как задание это было выполнено, нас созвали в Моссовет, для того чтобы выработать общий план действий. В это время броневики юнкеров влетели в наше расположение и стали палить по Московскому совету. Была подана команда: «Военные, на линию!»

Мы с винтовками и гранатами бросились на улицу. Здесь

[1] Этот факт очень характерен, т. к. воочию доказывает, как бережно относились большевики к памятникам искусства даже в такие наисерьезнейшие моменты.

Примечание редакции.

мы увидели два броневика, которые обстреливали Московский совет. В Моссовете были уже раненые, причем очень много красногвардейцев. Нам удалось залечь и при помощи гранат отогнать броневики. После этого мы пошли в наступление. Наступление было очень беспорядочное, но думать было некогда, так как дело шло о спасении военно-революционного комитета. Обстрел белых нам удалось отбить, и мы прошли половину Чернышевского переулка; даже удалось дойти некоторым частям до Охотного ряда, а некоторым до половины Петровки. Мне с нашим отрядом товарищей пришлось итти по Тверской до Садово-Триумфальной. Здесь нужно было оставаться на постах. Занимаю пост. Стою. Через два-три часа подъезжает ко мне автомобиль. Товарищи показывают мне записку, в которой указывается, чтобы я немедленно приехал на Пресню. Но я отказался ехать, так как с поста сниматься нельзя. Тогда товарищи поехали в Московский совет и оттуда меня вызвали. В Моссовете я получил бумажку о том, что я назначаюсь командующим Красной гвардией Красной Пресня. Явившись на Пресню, я попал на Прохоровку. Там я застал Меркулова, Александрова, нескольких комсомольцев (Надя Штерн, Наташа Богачева, Рыбакова, Литвейко, Чайкина). Затем была целая группа товарищей, которых я первый раз в жизни увидел. Товарищи были обеспокоены тем, что у нас нет вооружения. Ввиду неясности расположения неприятеля мы решили наметить штаб. Я пошел начальником штаба, начальником Красной гвардии рабочей части—Шеногин, начальником воинских частей назначен был матрос Рудниченко, командиром батареи—Олешников, начальником наблюдательных пунктов и постов—Софьин и секретарем штаба (адъютантом) была назначена Надя Штерн. От военно-революционного комитета в состав штаба входил т. Меркулов. Выработано было положение, что штаб действует на основе положений, которые разрабатывает и утверждает Центральный военно-революционный комитет. Где же организовать штаб так, чтобы можно было стягивать рабочие и армейские части? Здесь нужно было считаться с тем, что задачей Пресни является во что бы то ни стало сохранить рабочий район от нападения белых. Нами было выяснено, что белогвардейские части уже подходили с Александровской и Брянской дороги. Нам во что бы то ни стало нужно было обеспечить сохранение Московского военно-революционного комитета со стороны Александровского военного училища и одновременно создать такое положение, которое обеспечило бы нам возможность широко развить наступление на Александровское военное училище и Алексеевскую школу прапорщиков. В итоге заняли под штаб пожарную часть Прохоровки. Потом мы с Прохоровки переехали в дом Новожилова; отсюда мы послали разведку в составе одного комсомольца, солдата и одного рабочего (если не ошибаюсь, это

был Попов) на Александровскую железную дорогу. Разведке поручено было узнать, нет ли у кого-нибудь оружия в вагонах. Оттуда рабочие сообщили нам, что в вагонах есть винтовки. Благодаря им нам удалось привезти два грузовика с оружием. За ними ездили Меркулов и Емельянов. Привезли винтовки, патроны, один бомбомет и гранаты. Когда нам сообщили об оружии, мы сейчас же поставили штаб в пожарную часть на Кудринской улице. Нужно сказать, что белые заняли церковь Покрова как наблюдательный пункт. Теперь мы решили эту церковь использовать как наблюдательный пункт. Обратились к попу. В это время началась перестрелка, и поп нам ключей не дал. Тогда мы взяли попа, как заложника, и заявили попадье: «Если дашь ключи от колокольни—поп твой будет свободен». Попадья повертелась, видит, что положение попа пиковое и в конце концов ключи принесла. Получили мы колокольню Покрова как наблюдательный пункт. Там мы нашли телефон, оставленный юнкерами. Рабочие части рвались в бой, но были недостаточно боеспособны, так как имели плохую воинскую подготовку. Ввиду этого мы старались часть линии оборонять для того, чтобы остальную обеспечить для дальнейшего наступления. Шеногин был назначен для заведывания фортификационными работами. Нужно было из чего бы то ни было создать ряд баррикад. Баррикады намечались: у Горбатого моста, на улице Дружинников для связи с Ходынкой, на Новинском бульваре, на Поварской улице, на М. Никитской и на Садовой. Затем громаднейшая баррикада из камня и насыпи на берегу реки Москвы. С этого и началось развертывание наших боев. Основной базой Красной гвардии являлся завод Тильманса, который почти весь целиком принимал активное участие в революционном движении. Потом присоединились и другие заводы. Осложнялась работа на Прохоровке. Там засела эсеровщина, и было большое брожение со стороны отдельных групп рабочих. Бои разворачивались по определенному, предварительно выработанному плану. Мы начали наступать по Новинскому бульвару, Садовой, Поварской, Сенной площади, Владимиро-Долгоруковской, заняли позицию линии Садовой и соединились с Московским советом. Затем через Малую Никитскую, через Поварскую, по Скарятинскому переулку, по переулку, прилегающему к Новинскую бульвару и Смоленскому рынку, и оттуда почти до Дорогомиловского моста, где мы вошли в огневую связь с Алексеевским училищем и закончили полубатареями на берегу реки Москвы. На другом берегу был один взвод только для прикрытия и установления связи с охраной радиостанции. Здесь у нас нехватило артиллерии. Военно-революционный комитет командировал специальных товарищей. С Ходынки была подана трехдюймовая батарея трехорудийного состава. Два орудия были поставлены около Зоологического сада, а одно орудие опе-

рировало, как подвижное: первые три дня бои проходили очень успешно[1], но потери красногвардейцев были большие. Поэтому стали требовать, чтобы прислали на подкрепление хотя бы роту солдат на наиболее опасные места. Нужно сказать, что не только штабу, но и членам военно-революционного комитета приходилось выходить на линию, чтобы удерживать красногвардейцев, которые лезли слишком большим напором. До первого перемирия все шло успешно. Нам удалось выделить отряд на Брянскую железную дорогу для преграждения пути приезжающим частям белых и для их разоружения. Тут интересно отметить одно явление: в штаб все время прибегали меньшевики, фамилий их я не помню, но они все время предлагали нам прекратить огонь и одновременно просили у нас оружия для охраны. Штаб их арестовал. Военно-революционный комитет предложил выгнать их так, чтобы они не могли попасть в район военных действий, и мы их выгнали в район Шелепихи. Одновременно с этим удалось установить связь с тяжелой артиллерией, чтобы она не выступала против нас. Впоследствии они пришли к нам на помощь. Мы здорово поколотили юнкеров, дело доходило до штыковых боев, в которых юнкера потерпели поражение. В это время военный революционный комитет и центральный штаб издали приказ о том, чтобы прекратить огонь и остаться на местах. Тотчас после этого приказа нашей разведкой было обнаружено, что белые перегруппировываются. На наиболее ответственные участки они назначили офицерские части и юнкеров, а молодую буржуазию они ставили на второстепенные боевые участки. Мало того, они начали воздвигать укрепления и постепенно накапливать силы на тех пунктах, из которых сразу можно было переходить в атаку. Об этом мы ставили в известность и Центральный штаб Красной гвардии и военно-революционный комитет Москвы. Нами были обнаружены их планы и действия. У белых были дела неважные: их сжали с Замоскворецкого района, у Лефортова, и они были разбиты; Двинский полк, стоящий в центре, был на стороне военно-революционного комитета, конная милиция перешла на нашу сторону, а потому для них был единственный выход—итти на соединения с частями, подходившими по Александровской и Брянской железным дорогам, что они и намеревались сделать. Об этом мы сообщили военно-революционному комитету. В ответ на это был приказ: стоять во что бы то ни стало на месте и не стрелять. Однако в ночь же, не дожидаясь конца перемирия, белые начали передвижку. Тут мы увидели, что это и есть начало наступления белых. Долго раздумывать было некогда, и на 3-минутном совещании штаба и военно-революционного комитета было

[1] Подробно о боевых операциях и сводка боев имеется в книжке „Молодая Пресня в Октябре".

решено всеми имеющимися силами перейти в контрнаступление. Мы сосредоточили все, что могли, так как и нашей главной задачей было удержать район нашего расположения и перейти в контрнаступление. В ответ на это белые выбили нас с Садовой-Кудринской, с Новинского бульвара (кроме дома номер 1), с Смоленского рынка, от Александровского военного училища, отрезав Дорогомилово из района Сенной площади, почти до Александровского вокзала, разорвав нас таким образом с центром. В этом оттеснении мы потеряли очень много убитыми и ранеными. Об этом мной было доложено военно-революционному комитету. Там присутствовали тт. Меркулов, Александров, Беленький, Николаев и Кондратьева-Златоверова. Я указал, что положение критическое, что вся надежда на то, чтобы бросить все оставшиеся силы в наступление. Положение было такое, что все наше расположение простреливалось, и кроме того нужно сказать, что все наши батареи благодаря такому положению очутились под пулеметным огнем противника и бездействовали. И тут мы повели решительное наступление. Группа товарищей—сводный отряд Красной гвардии—прорвала юнкеров двумя штыковыми атаками на Кудринской площади; распространяясь по Новинскому бульвару, мы разбили юнкеров и в районе церкви Ермолая. Одновременно артиллерийским огнем мы сломили сопротивление Алексеевской школы прапорщиков, выпустив 62 снаряда. Затем, чтобы выбить юнкеров с Поварской и Никитской, нужно было проверить все дома перекрестным огнем до Александровского военного училища. Специальные отряды Красной гвардии были выделены для ликвидации последних отрядов юнкеров и офицеров, которые застряли у нас в тылу между Александровской железной дорогой по Камер-Коллежскому валу и в районе Предтеченского переулка. Затем дальнейшее наступление развивалось по всем прилегающим переулкам, по Смоленской площади, Арбату, Поварской, переулкам между Поварской и Арбатом. Центральный удар—Никитские ворота и Александровское военное училище. Левый фланг работал главным образом по очистке района между Малой Никитской улицей, Бронной, Спиридоновкой и до Московского военно-революционного комитета. Целым рядом упорных боев, которые за это время проходили с частичным переменным успехом в нашу пользу, только на шестые сутки нам удалось достигнуть Александровского военного училища.

Очень большие потери мы понесли у Никитских ворот. Здесь создалось такое положение, что живая связь между Красной Пресней и Никитскими воротами и той частью, которая наступала от Московского совета, была перебита белыми, и благодаря этому наши отряды понесли от артиллерийского огня из центра значительные потери. Особенно было тяжело на шестые сутки, когда кончились военные действия и Центральным штабом Крас-

ной гвардии было предложено разоружить части, которые проходили по Александровской и Брянской дорогам. Это было возложено на Красную гвардию, и она выполнила это втечение полутора суток.

Интересен здесь следующий эпизод: на четвертые сутки при наступлении на белых (мы наступали таким образом: пулемет, орудие, отряд) проходили мы на половине Никитской. Только стали устанавливать орудие, в это время было донесено о том, что броневик белых прорвался на Кудринскую площадь. Тогда мы это орудие на руках докатили до Кудринской площади, и тотчас же броневик смотался. Мы открыли огонь по юнкерам, которые выступили на помощь броневику со стороны Новинского бульвара, белых разбили, но здесь у нашего орудия лопнули накатники. Это было наруку юнкерам, и они нас немного потеснили.

Еще одно: во время боев от Никитских ворот нас особенно сильно стегали. Там посреди улицы был большой дом с аптекой, где теперь памятник Тимирязеву, а напротив него был большой дом. В доме, который стоял на площади, юнкера поставили пулемет, а в большом доме были установлены наши пулеметы. С площади они крыли нас. Было решено во что бы то ни стало их снести. Мы решили перекрестным огнем разбить тот дом, где засели белые. Эта задача оказалась очень сложной и долго нам не давалась. Тогда мы решили избавиться от него следующим образом: угостить его зажигательными снарядами. Послали за снарядами на Ходынку—и таким образом дом сожгли. Так мы ликвидировали один из крупных оборонительных пунктов белых.

На штаб Красной гвардии была возложена охрана района, борьба с бандитизмом и с контрреволюцией под руководством военно-революционного комитета.

В конце 1917 г. мы сформировали военный комиссариат. В него вошли: военным комиссаром я, Лапидус (впоследствии был помощником комиссара 38-го рабочего полка; он был убит под Царицыном), затем Бирюк и военным специалистом был полковник Пейче (не-коммунист). Военный комиссариат был занят формированием отделений, рот, батальонов, минометных команд, пулеметных команд, команды связи и команды гранатометчиков. Эти части пошли на пополнение 2-й Московской бригады, стрелковых частей на Киевском участке, на восточный и южный фронты.

Все эти отряды и ряд мелких специальных отрядов, которые отправлялись на фронт, были исключительно из добровольцев Красно-Пресненского района.

Горшков.

ТЯЖЕЛЫМ ПУТЕМ.

Несколько слов хочется сказать относительно событий до Февраля. Во время объявления войны я был членом правления союза текстильщиков. В это время в союзе текстильщиков состояло всего 10 человек. Несмотря на это, мы дали друг другу слово сохранить союз и не распыляться. Эта маленькая организация сделала то, что нас революция врасплох не застала. Как только подошли события Февраля, мы сейчас же распределили между собою обязанности. Членов правления мы выдвинули в районный и Московский советы.

Помимо этого я был членом районного комитета. Тяжело было в это время вести партийную работу, особенно на Трехгорке. Как только, бывало, появится большевик на митинге, то ему не давали говорить. Там с трудом говорили Смидович, Ильич, Слесарев, а остальным тогда кричали «долой». Прохоровка тогда изобиловала эсерами, и нам, горсточке в 14 человек, было очень трудно.

Когда формировались фабрично-заводские комитеты, союз текстильщиков уже начал развивать большевистские течения. Мы выбрали в правление союза текстильщиков Трофимова, и уже на 75 процентов союз текстильщиков был большевистским.

Относительно Октября осталось в памяти многое. Особенно ярко засел в памяти третий день боев, когда мне Военно-революционный комитет поручил взять первый Пресненский комиссариат, для чего мне дали 10 человек. Наган имел я один; у остальных ребят ничего не было в руках. Я не военный, но кричу: «Ребята, за мной!» Пошли, рассыпались. Подходим к комиссариату, кричим «Выходи!». Выходят 75 человек. Вытянулись в струнку. Мы их пригнали в фабрично-заводской комитет, но так как оружия у них не было, мы их сейчас же распустили.

Вообще с вооружением у нас было плохо. Мы имели 14 револьверов, приобретенных таким путем: у Н. И. Прохорова мы выудили 2000 руб. для того, чтобы купить револьверы якобы для защиты фабрики; на эту удочку Прохоров попался, потому что он трусил наступления, которое вели на фабрику с Киево-Воронежской железной дороги. Это оружие сыграло для нас колоссальную роль.

Сразу же после октябрьских боев Пресненский районный совет мне и Емельянову поручил принять всю Ходынку. Там мы проработали полтора-два месяца. Работать приходилось при тяжелых условиях, так как мародерство и грабеж процветали. Вот что бывало. Мы с вечера принимаем ценные предметы, а утром оказывается, что у нас все украли. На пост дежурить некого было поставить, пришлось организовать основательную чистку и весь ненужный элемент вывести оттуда. Помню, там пристроился, например, князь Голицын (к 6-й батарее) и др.

ОКТЯБРЬ НА УЛИЦАХ МОСКВЫ

Кузнецов.

Участник Октября Кузнецов Александр Семенович, член РКП (б) с октября 1917 года п. б. 133210.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОКТЯБРЕ 1917 года.

Я работал на заводе Тильманс в качестве тянульщика проволоки.

В момент восстания рано утром на завод прибегают тт. Шепогин и Ивановский (рабочие-слесаря завода). Кричат:

— Товарищи, кто не трус—все на баррикады!

Нас собралось около 250 человек, в том числе и работницы и даже старые рабочие лет под пятьдесят-шестьдесят. Направились мы к дому Моссовета (бывшему губернаторскому). Погода была пасмурная. Не успев переодеться, шли в рабочем платье, в засаленных блузах, с грязными лицами. Подходя к дому совета, мы встретили отряд человек в 20 от Краснопресненского сахзавода.

По дороге мы разбились на две части; одна пошла к солдатам на Ходынку, другая осталась на Красной Пресне, у заставы.

Вечером при холодной погоде слегка моросил дождь. Мы стали у Страстного монастыря на посты.

Из совета нам сообщают, что сейчас будет итти полк солдат с Ходынки—нам в подкрепление.

Мы были рады, очень рады этому известию. Но оказалось, что подкрепление пришло без оружия.

Простояли мы без смены до утра не евши и изрядно прозябли.

Наутро нам говорят, что Пресня не в силах выбить белых с Кудрина. Мы все направились туда. Получили еще по пять штук патронов каждый, и вечером мы уже Кудрино взяли, поставили у Зоологического пушки и начали обстреливать особняки на Поварской улице.

Наутро на третий день мы заняли помещение пожарной команды у Кудринской площади под штаб. На Поварской несколько раз столкнулись с белыми. Результат—несколько раненых (человек 5). По Новинскому бульвару тоже шла перестрелка. Также были раненые.

Помню, как сейчас, вечером Беленький кричит:

— Товарищи, идем, забаррикадируем Поварскую!

Отправились. Сломали ворота одного дома, вытащили все, что там было, повалили несколько столбов—и дело сделано. Баррикада вышла очень удачной.

Взяв власть в Москве, мы сейчас же выехали на Украину, а оттуда—на Западный фронт.

Шеногин.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ НА ЗАВОДЕ ТИЛЬМАНСА.

Этот завод был эвакуирован из Ковно и находился в военном ведении. Как только начались волнения в Петрограде и в Москву долетели слухи о роспуске Думы, рабочие на заводе Тильманса заволновались. Мы решили на следующий день остановить наш завод. Это было, кажется, числа 26. 27 февраля утром мы завод останавливаем.

Ивановский имел большое влияние на слесарный, механический и токарные цеха, я же—на прессовочный, головообделочный и винторезный цеха. Мы условились остановить завод в девять часов утра. Без четверти в девять Ивановский не вытерпел и повел слесарей, благодаря чему и мне пришлось бежать по другим цехам и останавливать работу.

Полковник Вейдеман, управляющий технической частью в механическом цеху, остановил рабочих (повидимому, ему донесли о беспорядках) и стал толковать, что протестовать мы можем мирным путем: послать в Петроград телеграмму, а самим оставаться на работе, так как наша работа крайне необходима для фронта.

Благодаря Ивановскому и другому товарищу, Анисимову, которые приглашали товарищей выходить вперед на двор, удалось вывести рабочих, причем, будируя их, я налетел на штабс-капитана. Тем самым я открыл свою физиономию, и мне пришлось действовать в открытую. Когда рабочие вышли во двор, то полковник вышел и стал командовать:

— Военнообязанные, на работу!

Несмотря на такую команду, рабочие двинулись за ворота и вышли на улицу. Перед нами стал вопрос: что же нам делать дальше? Куда же нам и т т и—домой или еще куда-нибудь? Киверт наталкивает, сообщает: сахарный завод работает. Тут мы спохватились. Действительно, в нашей окружности еще работают фабрики и заводы—и возникла мысль остановить их. Одна группа пошла на сахарный завод «Оссовец», другая—на заводы «Чугулит», Мамонтовская фабрика и завод Грачева. На заводе «Чугулит» нам удалось работу остановить легко, ворота были не заперты,

и мы ввалились в самый завод и стали останавливать ребят. Рабочие быстро снялись. Часть пошла с нами, часть—по домам. Подходим к «Санитарной технике». Ворота заперты. Завод окнами выходит на улицу. Барабаним в стекла. Ворота отперли, вошли туда. Рассыпаемся частично по заводу, и в конце концов вся масса рабочих с завода высыпает к воротам. Здесь открыл митинг эсер Аносов, который звал рабочих разойтись по домам. Наши же товарищи призывали не расходиться, а итти на Красную площадь. Наш призыв возымел действие, и часть рабочих двинулась с нами дальше.

Пришли мы на фабрику Мамонтова. Здесь мы обезоружили сторожа. Пришлось лезть через ворота и отпирать их. Сняли там с работы. Когда уже мы шли от фабрики Мамонтова, навстречу проезжает отряд казаков. Казаков я хорошо помнил по маевке в 1906 году в Сокольниках, а потому я призывал товарищей подобру-поздорову рассыпаться во-время. Однако казаки на нас не обратили внимания. Пошли мы по Пресне. Толпа сгрудилась. Пошли мимо Зоологического сада. Здесь интересный эпизод: при подъеме к Вдовьему дому на дороге стоят солдаты и офицер. Нужно было пройти мимо них. Идем шеренгой. Смотрю—никаких мер солдаты не принимают. В заключение солдаты слились с толпой и оказались среди нас. Мы приглашаем их на Красную площадь, но они с нами не идут. Офицер их спрятался в высокий дом в парадное. После этого мы беспрепятственно подошли к Думе. В это время здесь была громадная волна народа. Прислушиваемся. Слышу, речь идет о выборе в Московский совет рабочих депутатов—от 500 человек по одному представителю.

На другой день рано утром являюсь на завод Тильманса и информирую рабочих о том, что нужно делать. В Московский совет намечаются кандидатуры—моя и Киверта. Теперь перед нами стоит задача иметь какое-нибудь удостоверение. Обращаемся к полковнику, просим, чтобы он нам написал удостоверение. В конторе написали, и он это удостоверение подписал. Итак, мы попадаем в Московский совет на первое заседание—оно было в Думе, в Екатерининском зале. Сначала приглядываемся к тому, что происходит. Тут перед нами целая галлерея типов Февральской революции: один офицер отдает честь и спрашивает наших распоряжений, другой кричит, что Кремль пал к «ногам нашим». Словом, первое впечатление—сумбурное. Помню, что собранием тогда руководил бывший меньшевик Хинчук, а от имени большевиков выступил т. Аванесов. Информировали нас об аресте Штюрмера и других. Точно припомнить дальнейшее не представляется возможным.

Теперь—непосредственно о самой жизни в Пресненском районе. Тут же, вскоре организуется районный совет, председателем кото-

рого избирается т. Рыкунов, а секретарем—я. Был там и т. Меркулов и еще другие товарищи. Из меня оказался плохой секретарь, и за меня всю работу вела Бархтун. Первое время нашей боевой задачей было провести восьмичасовой рабочий день. На заводе Тильманса, еще до того как мы приступили к работе, нами уже был проведен восьмичасовой рабочий день. Отменены были обыски, и был выставлен ряд других требований. Всего предъявлено было около двенадцати требований, которые и были все удовлетворены. В одном из заседаний Московского совета был поставлен вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Председательствовал тогда т. Хинчук. Будучи меньшевиком,—а партия меньшевиков и эсеров (они тогда были близки) были против введения в этот момент восьмичасового рабочего дня,—он вопрос поставил на голосование. Соотношение партийных сил в это время в Московском совете было такое: у фракции большевиков голосовало 30—35 человек, а эсеров и меньшевиков (они голосовали вместе) было человек 170—175. Всего же, всех членов Московского совета было около 600 человек, т. е. основная масса была беспартийная. Но за восьмичасовой рабочий день голосовали все, и даже рядовые меньшевики и эсеры.

Провести это решение в нашем районе выпало на нашу долю. Меркулову пришлось организовать фабрику Мамонтова по вопросу о восьмичасовом рабочем дне и в отношении зарплаты, а на мою долю выпала борьба с хозяйчиками. Здесь, на Красной Пресне тогда было много вязальных мастерских, и у каждого хозяйчика работало 20—30 вязальщиц. Когда я предлагал им явиться в совет, то совет действовал на них довольно внушительно, и они на наши требования соглашались.

На нашем заводе в ответ на скобелевский законопроект об ограничении заводских комитетов нами был введен рабочий контроль на производстве, причем этот рабочий контроль занимался в то время не только разрешением вопроса в смысле увеличения заработка рабочих, но и вопросами поднятия производства. Благодаря рабочему контролю удалось разбить шахер-махерскую историю владельца завода Тильманса, служащие которого затеряли при эвакуации завода бухгалтерские книги, и переоценка станков была произведена неправильно. Скажем, станок вместо 350 рублей оценивался здесь, на месте в 800 и 1 000 рублей, и на амортизацию списывалось 30%. На другое же недвижимое имущество, на стены и здание (в недвижимое имущество были включены и моторы) у них списывалось 20%. Конечно, точное вздутие цен установить не удалось, но все же стоимость станков, эвакуированных из Ковно, удалось установить. Этому помогли показания рабочих, эвакуированных из Ковно вместе со станками. Благодаря этому контролю нам удалось повысить зарплату рабочим. В это время там чернорабочий получал 6 рублей, теперь

же, мы постановили из тех остатков, которые образовались от первоначального неправильного учета, каждому рабочему прибавить 4 руб. 5 коп. на день независимо от квалификации того или иного рабочего. Надо сказать, что о нашем заводе в Петрограде зять Тильманса хлопотал в отношении изъятия завода, благодаря чему нам пришлось послать делегацию в Главное артиллерийское управление. Первый раз я сам ездил туда на предмет закрепления завода за Главным артиллерийским управлением и вместе с тем чтобы получить отпуска рабочим, благодаря чему мы в то же лето имели двухнедельные отпуска.

На «Санитарной технике» был проведен рабочий контроль над производством (так говорилось), но из разговоров с тамошними рабочими было видно, что никакого рабочего контроля у них, по существу, не было, а вместо рабочего контроля они выдвинули свое содействие в Торгово-промышленный комитет.

Хорошо остались в памяти первые митинги на Прохоровке. Помню, туда приезжала Брешко-Брешковская, и против нее выступил наш товарищ, слесарь Кульман, причем Брешко-Брешковская тогда определенно говорила, что землю от помещиков взять нужно, но нужно взять ее организованно, а как организованно—она не договаривала. Заезжал на Прохоровскую один профессор-кадет. Он вел линию в отношении Дарданелльских проливов, поддерживал Керенского—«борьба до победного конца»—и говорил, что нужно взять Дарданелльские проливы. Тогда из Одессы проездом был один товарищ-большевик, редактор одной газеты; фамилии его я не знаю. Он выступил против довольно основательно—и основательно настолько, что вся масса Прохоровки аплодировала нашим товарищам, и профессор стушевался.

В отношении Красной гвардии.

Она стала подготовляться примерно с июля месяца. Стали производить запись, стали хлопотать относительно оружия. Привезли оружие: 5 берданок без патронов. Положили их и в результате не практиковали.

Наступает момент Октябрьских дней. В Московском совете было постановлено взять власть в свои руки.

Я возвращался к себе в район, и, кажется, в тот же вечер на углу Красной Пресни было общее собрание в трактире, где рабочие постановили взять власть в свои руки и избрали Революционный комитет. В Революционный комитет были тогда избраны: Беленький, Зубков, я и еще кто-то. Всего 5 человек. Когда нас избрали, мы тут же пробовали наметить общий план работы. Однако мы ни к чему не пришли, потому что никто из нас не знал, что же нам делать и как к делу подходить.

На следующий день приходим мы в наш райком, сидим, ожидаем, толкуем, обсуждаем, но опять ни к чему не приходим. Главное—оружия у нас нет. Так толковали до вечера. Вдруг

вечером прибегают комсомольцы. Среди них, кажется, и т. Дугачев. Приносят под пальто ружья. «Патроны,—спрашиваем,—есть?»—«Нет,—говорят,—патронов нет». С оружием у нас вообще тогда было очень плохо. Так, у меня был Смит-Вессон, из которого от стены отпадают пули, у некоторых были револьверы; всего штук пять от силы. До Октябрьской революции мы подбирали оружие, какое бы нам ни попадалось под руки, зачастую платили за него порядочные деньги. Но все же оружия у нас не было. Так до вечера сидели мы в райкоме партии, не зная еще, что делать. Вдруг звонят из Московского совета. Слышим, что в центре началась перестрелка. Выходим на двор и слышим редкую перестрелку. Через некоторое время слышим, что на Ходынку напали казаки и оттуда увезли орудия. Стоим на дворе, слышим, как прогромыхали орудия по нашей Красной Пресне. Через некоторое время звонят из Моссовета, просят подкрепления с ломами и лопатами для рытья окопов. Срочно отправляюсь сам на дачу Студенец, и на своем заводе раскрываем везде склады. Достаем ломы, лопаты, организуем отряд около 100 человек и этот отряд отправляем в центр, в Московский совет. Все еще перед нами стоит задача: что же делать?

Не можем ориентироваться. В Московский совет нужна помощь. Посылаю записки на свой завод, на Прохоровскую мануфактуру и на «Санитарную технику»—зову всех: «Кто хочет итти на защиту Центрального московского совета, приходите рано утром в районный комитет партии». Смотрим, утром явились к нам многие товарищи, и мы отправились в Московский совет. Здесь во дворе мы увидели подъезжающий автомобиль с оружием. Оказались берданки. Дали патроны, кому по пять-шесть штук и самое большее—по десять. И у меня ружье—что с ним делать? Я сам человек не военный, в старой армии не учился. Когда-то ходил с отцом на охоту, стрелял по галкам, а из винтовки не стрелял. Вижу, ходит военный; приглядываюсь к нему, а он—ко мне. Начинаем разговаривать. Он мне предъявляет документ—член Совета солдатских депутатов города Смоленска т. Златоверов. Он мне и говорит: «У тебя много народа, давай поделимся пополам». А я ему: «Давай команду, а я буду помощником. Мои ребята все идут за мной». Пока мы толковали, до нас доходит слух, что в гостинице «Дрезден» георгиевские кавалеры убили одного нашего солдата. Нужно итти туда. Вваливаемся туда—оказывается огромный домина. Бегали-бегали—ничего не нашли. Забрались на чердак, видим—в стороне от гостиницы «Люкс» кто-то постреливает. Начинаем учиться стрелять. Златоверов растолковал мне, а я—ребятам. Начали стрелять по крыше гостиницы «Люкс». Наш враг скрылся. После этого Златоверов отправляется с половиной отряда занимать гостиницу «Люкс».

Так прошел первый день в Московском совете. Вечером мы

4*

ввалились в Московский совет, переночевали. Утром встаем и под командой Златоверова отправляемся на Петровку и к Большому государственному театру. У дома сзади театра Незлобина были дрова. Располагаемся за этими дровами и ведем обстрел по гостинице «Метрополь». От выставки птицеводства у Китайской стены раздается пулемет. Тов. Златоверов учит нас приподняться за дрова и опять вниз.

Мы пробыли здесь больше полдня. Привезли питание, потом нас сменили, и мы отправились обратно в Московский совет. В Моссовете опять подзакусили, и я с частью отряда (другая часть была у Златоверова) стал на угол Дмитровки и у Козмодамианского переулка. В этом направлении стояло орудие, и мы были поставлены на защиту этого орудия. На Дмитровке была типография, в которой печаталась газета «Копейка». Видим, там стоит автомобиль и какие-то люди в серых шинелях. Смотрим, оттуда идут двое. Мы рассуждаем, как быть: стрелять или не стрелять? Вдруг один из военных хватает одного из наших красногвардейцев, взял у него берданку и отвесил ему по шее. Думать уж было некогда, и мы открыли пальбу, а автомобиль тут же повернул и ушел обратно, а эти двое скрылись в один из дворов. Откуда ни возьмись, солдаты стали около орудия и начали лупить по Столешникову переулку. Чуть-чуть нам от них не попало, но мы во-время скрылись. Они дали два залпа и ушли в пожарное депо.

На нашем посту так застала нас ночь. Мы лежали на земле и следили за «неприятелем». Здесь получалось и курьезно. Проезжает автомобиль, один, другой; все они груженые народом, винтовками и другими боевыми припасами. На наши окрики они не останавливались, и мы в заключение не знали—неприятель проехал или свои. Поздно ночью нас сменили. Я отправился с товарищами ночевать в Московский совет.

После этого, на следующее утро мы действовали слабо, потому что у нас не оставалось ни у кого патронов. Мы решили в Московском совете добиться патронов. Пошли туда, но там патронов уже не было. Решили подождать. Вдруг прибегает какой-то товарищ и кричит:

— Выкатывайтесь, так как неприятель наступает на Моссовет!

Что делать? Те ребята, которые имеют два-три патрона, не выступают, не решаются. Тогда я отбираю у некоторых патроны, раздаю другим, более стойким, и отправляюсь с этими товарищами в Чернышевский переулок. По дороге видим картину: ведут человек 20 юнкеров, которых забрали в плен. Это придало нам бодрости. Заворачиваем в переулок и видим, что там с нашей стороны сыплет пулемет. Тут мы решаем наступать на неприятеля. В результате несколько человек и пулеметчика ранили в голову. Пулемет выбыл из строя, и его потащили обратно. Часть солдат,

а вместе с ними и я, отправились через двор и сарай на соседний двор, чтобы выбить лежащего за тумбочками противника. Перелезли. Там какая-то лютеранская церковь. Влезли на этот двор, но были обстреляны юнкерами. Там же из-за церкви, где дом с садом, в нас тоже стреляли. Мы вернулись обратно во двор. Я пошел опять следить за садом, нет ли там противника, но в это время солдаты спрыгнули обратно на сарай, через который мы перебрались на этот двор.

Когда я возвратился обратно в Московский совет, то из своего Пресненского района не видел ни одного красногвардейца. Вскоре я узнаю, что в заводском комитете Прохоровской фабрики раздают оружие. Отправляюсь туда и вижу там массу народу. Тут встречаю тт. Меркулова, Александрова, Лейтмана, Литвейко, Рыбакова и других. Начинаем толковать, как быть дальше. В это время начинают говорить: «Кому вы даете оружие, ведь это же жулики!» Начинаем кое у кого отбирать. Является мысль, что нам нужно вопрос организации нашей Красной гвардии вести как-то лучше. Я тогда переговариваю с Меркуловым и выдвигаю вопрос об организации боевого штаба. Тут участвует и Александров. Соглашаемся, что нужно организовать. Говорим, что в центре был Златоверов вольноопределяющийся—значит командир у нас есть. Уцепились за эту мысль и посылаем ребят разыскивать в центре Златоверова. Его находят на посту, на углу Тверской и Садово-Триумфальной. Является к нам, и мы организуем так называемый Боевой штаб. Начальник Боевого штаба—Златоверов, потом я и Меркулов. От артиллеристов были Рудниченко и Киверт. Секретарем штаба была Надя Штерн. Затем мы задумались, где поместить наш штаб. С Прохоровского заводского комитета мы перекочевали в угольный дом Новожилова и там ящиками забаррикадировали наш штаб. Внизу был оружейный склад. Влево во дворе Чайка, бывшая сестра милосердия, организовала лазарет, а с правой стороны была какая-то канцелярия, и был телефон, около которого у нас сидела Кондратьева.

Достали карту и начали разрабатывать вопрос, где нам забаррикадироваться и где наступать. Решили поставить баррикады около Зоологического сада, в переулке, рядом с кино, потом баррикады на Новинском бульваре, чтобы не мог подъехать броневик, на Поварской улице и на Никитской. Эта часть работы была возложена на меня. У Зоологического сада в работе сложения баррикады участвовало двое наших ребят, причем один из них—Борька Нилов. Нам подсобили здесь обыватели. Там были лестничные петли, часть бочек. Устроили баррикаду, так что броневик подъехать не мог. На Новинском бульваре мы соорудили баррикаду с правой стороны к Кудринской площади. На Новинском бульваре был дровяной склад; вытащили оттуда все, что было. На левую сторону таскать дрова было далеко, пришлось

таскать рухлядь из дома. Дошла очередь до Поварской. Здесь подходящего материала не было. Из одного дома для баррикад стали таскать мебель. Таким образом смастерили баррикады. На Никитской баррикаду построили из разного хлама, но вышла она прочной. Так мы забаррикадировались..

Подъем у Красной гвардии был большой, и драться было громадное желание. К ночи обычно вся публика разбредалась по домам, и перед нами встал вопрос: а ну, как наш штаб заберут голыми руками? Поэтому по ночам спать не приходилось, приходилось обходить посты.

Вели мы наступление по Новинскому бульвару. Продвигались мы, самое дальнее, до шереметевского дома и оттуда сворачивали. Нас там обстреливали довольно основательно. Причиной нашей осторожности служило то, что наши красногвардейцы, бывшие военнообязанные, не были в старой армии, стреляли коекак. Некоторые стреляли совсем неумело: приклад клали не на плечо, а просто на грудь и так стреляли. Но мы брали упрямством и напористостью, оттого юнкера поддавались. Это говорило за то, что подъем масс в данный момент был громадный.

Необходимо тут дополнить, что на нашем заводе ячейка была организована 8 апреля, и, по тем документам, которые имел Жаров, ячейка доходила до 150 человек. Председателем ячейки был Анисимов, а секретарем—я. Председатель завкома—Ивановский и секретарь завкома—я. Несмотря на то, что в заводской ячейке было только 150 человек, всего на заводе было 700 рабочих. Тут нужно отметить, что громадная беспартийная масса нашего завода была на баррикадах. С Прохоровки тоже на баррикадах было не менее тысячи, но с Грачевского завода было очень мало. С завода «Санитарной техники» на баррикадах тоже были небольшие единицы. На помощь нам приезжали кольчугинцы на автогрузовике; но они были полдня и в тот же день уехали от нас. Работы ячейки в эти Октябрьские дни, я бы сказал, не было, а была целиком работа Революционного комитета и целиком работа штаба. По существу, тогда ячейка и не работала.

Теперь перейдем ко времени военного коммунизма.

После того как мы взяли власть в свои руки, тут же на Пресне организуется отряд для поездки на Украину. На нашем заводе записалось 150 человек, но ввиду того, что громадное большинство из них были высокие специалисты, так называемые штолера, большинство их мы оставили на заводе, так как иначе завод мог бы остановиться, а нам это было невыгодно. Уезжая на фронт в отрядах Красной гвардии, мы оставляли нашим семьям возможность получить полный наш заработок. Таким образом с нашего завода мы половину отсеяли, и поехало всего 75 человек. Весь же отряд Красной Пресни в Московском совете при Центральном штабе Красной гвардии составил 150 человек, и

от других районов тоже самое 150 человек. Весь отряд в 300 человек под командой Павла Егорова, бывшего лейтенанта французской армии, вернувшегося оттуда, проводили на Курский вокзал, откуда мы и двинулись в путь.

Когда я вернулся, это было в феврале, то у нас пошла чисто организационная работа, которая не представляет чего-либо особенного. Мы взяли завод целиком в свои руки, перевели его в ведение районного экономического отдела и таким образом подняли производительность труда. При девятичасовом рабочем дне производительность труда была на 21% выше, нежели при десятичасовом. Это послужило к тому, что меня вызвали в комиссию при Московском совете по поднятию производительности труда на заводах, где мы и принялись за работу.

Вот что еще необходимо припомнить. У нас до Октябрьской революции райком металлистов был меньшевистский. Секретарем райкома металлистов был т. Борухин. Он являлся к нам на завод несколько раз с докладами относительно единых ставок по металлопромышленности. Он предлагал тогда максимум чернорабочему в день 6 рублей,—у нас же в это время чернорабочие получали 10 рублей с пятачком. Ясно, что Борухин успехом не пользовался, и его речи освистали. После этого он носа своего на завод не показывал. Так встречали Февраль и Октябрь рабочие нашего завода и так на них реагировали.

Гришин-Борисов.

МОСКВА—ВООРУЖЕННЫЙ ЛАГЕРЬ.

В этот год я работал на заводе Бромлей на Калужской улице, квартиру же имел в Марьиной Роще.

Во время октябрьских боев я лежал в больнице.

Здесь больные втечение двух суток были оставлены на произвол судьбы, потому что врачи к нам не показывались. На всю больницу (600 больных) был оставлен только один врач.

Несмотря на то, что моя болезнь еще не прошла, я все-таки решил выписаться из больницы. Мне хотелось поскорее узнать, что делается на улицах Москвы, которой не видал два с половиной месяца.

Идя по улицам Москвы, я видел большие 6-дюймовые орудия. У Чугунного моста мостовая вся была изрыта окопами. Везде по улицам патрули из рабочих, с винтовками. Кое-где раздавались одиночные ружейные выстрелы. Словом, Москва напоминала собой вооруженный лагерь.

Квятович.

ОТ МИРНОГО „ФАРЕЙНИКТЕ" ПОД ГРАД ПУЛЬ.

В 1917 году я был членом московской организации «Фарейникте»—объединенной Еврейской социалистической рабочей партии. Эта организация представляла из себя группу еврейской идеалистически настроенной интеллигенции и, за очень небольшим исключением, состояла из людей с высшим образованием. Несмотря на то, что время с Февральской революции до Октябрьской революции было самым золотым периодом в жизни Московской организации, она все же никогда не насчитывала в своих рядах более 200 человек и вместе с тем в ней можно было найти все революционные оттенки, начиная от правых, левых эсеров и наконец марксистов всех толков: оборонцев, интернационалистов, новожизненцев и большевиков.

Самое значительное место в деятельности Московской организации «Фарейникте» занимала работа еврейской общины «Кегиле». Здесь объединенные марксисты концентрировали лучшие свои силы и вели борьбу главным образом против сионистов—справа и «Бунда»—слева. Некоторые товарищи так увлекались национальной работой, что забывали элементарную азбуку социализма и доходили до курьеза настолько, что находились даже такие, которые поднимали вопрос: не лучше ли социализм—постольку, поскольку он содействует возрождению еврейской нации? Это значило: социализм ради национализма.

Большевистская группа была очень незначительна по количеству, всего 5-6 человек: товарищи З. Хайкин (погибший в Вильне от поляков), Гольде, Косаковский, Файнберг, Мандельберг и автор этих воспоминаний.

Наша работа в те времена заключалась в том, что мы защищали большевиков на наших собраниях, доказывая, что они—не германские шпионы, и агитировали за сотрудничество с комиссариатом после октябрьского переворота, во главе которого стоял тогда т. Дименштейн.

Это было 7 ноября. Накануне октябрьского выступления было созвано экстренное совещание Московского комитета объединенных марксистов «Фарейникте» в гостинице «Дрезден», где в то время находился штаб всех партий. На этом заседании присутствовало около 20 человек. В воздухе пахло порохом... Вот-вот начнется. Но не знали, кто начнет первый. На этом заседании должно было быть принято решение: с кем идет наша партия, если действительно начнется. Споры затянулись до глубокой ночи—и все безрезультатно. Оказывается, в этой группе из 20 человек были представлены все политические оттенки. Были эсеры, меньшевики-интернационалисты и большевики.

Ясно, что эсеры предлагали резолюцию за поддержку Город-

ской думы, где фактически засели эсеры с юнкерами, а большевики предлагали свою резолюцию за Моссовет, который уже тогда был в руках большевиков. В результате большинство голосов получила компромиссная резолюция, осуждавшая эсеров и большевиков; мы же остались нейтральными, возлагая большие надежды на приезд из Питера группы меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым, который якобы принимает все меры к тому, чтобы не допустить кровопролития. Надежды эти не оправдались.

После одиннадцати часов вечера явился на заседание бледный и встревоженный т. К., через которого мы держали связь с Городской думой, и он заявил, что мы сию же минуту должны оставить помещение «Дрезден», так как переговоры между Думой и большевиками прерваны, и дом этот будет обстреливаться в первую очередь. Тотчас же единогласно было решено, что заседание переносится на частную квартиру, где и будет продолжаться.

По выходе на улицу у памятника ген. Скобелева мы встретились с рабочей дружиной в несколько сот человек; все они были одеты в черные кожаные куртки, с винтовками на плечах, и тихими равномерными шагами направлялись к Моссовету. При взгляде на эту дружину у меня невольно мелькнула мысль: «А ведь мы идем сейчас на заседание, которое, быть может, вынесет резолюцию против этих героев-рабочих». И, движимый внезапно проснувшимся чувством, я громко воскликнул:

— Да здравствует Красная рабочая гвардия!

Для всей нашей группы этот возглас явился полной неожиданностью; в ней были люди, которые готовы были отвечать как-раз наоборот: «Долой!»—и таких было значительное большинство. Этот момент расколол нас окончательно. Тут я почувствовал, что с этими старыми товарищами нам уже не по пути. Я остался. Вместе со мной семидесятипятилетний старик, т. Файнберг, самый старший по возрасту на этом собрании.

И вот, оставшись вдвоем под холодным осенним дождем, только двое из всей группы, доказавшие необходимость итти за большевиками, мы задумались над вопросом—что же нам делать? Мы бродили по затихшим переулкам, наблюдая, как продвигались к совету отряд за отрядом, как всюду выростали посты. Прощаясь со мной, старый Файнберг, бывший народоволец, с нескрываемой завистью сказал:

— Как жаль, что я так уже стар и слаб. Если бы я был в твоем возрасте, я бы знал, что мне надо делать.

Я пошел по Петровской. Все дворы были заперты. Дома тогда все охранялись дружинами на случай появления бандитов. Я решил эту ночь также провести в дружине в том доме, где я жил тогда. Это было на Петровке, 26. Тут же помещалась большая типография, где печатался бюллетень Военного ревкома. Утром

была сильная канонада. Люди суетились, всюду встревоженный говор, сплетни: «Кремль взят, убито десять тысяч человек. Никто ни в чем не разбирается». В нашем доме проживал некто, что называется приличный господин, и вдруг он мне рассказывает, что вот сейчас «им» покажут—«германским шпионам»—и рассказал, что переодетые юнкера, пробравшись в дом на Петровке, 17, расставляют на крышах пулеметы. Я выслушал его как будто равнодушно, но... я вспомнил слова Файнберга: «Если бы я был в твоем возрасте, я знал бы, что делать». Я разыскал своего друга, солдата Федора, с которым я подружился здесь же во дворе. Он был одним из караульных охранников, охранявших типографию. Я рассказал Федору, что мне нужно во что бы то ни стало пробраться в военный ревком. Федор достал разрешение, и мы вместе отправились. Попасть в военревком было не так-то легко. У Федора был только один пропуск, но постовые требовали пропуск и на меня отдельно Все же благодаря стараниям Федора нам удалось пробраться.

Придя в Московский военный ревком, находившийся в помещении нынешнего Моссовета, я обратился к т. Розенгольду, говоря, что мне нужно говорить по важному делу, потому что хочу хотя чем-нибудь быть полезен революции. Выслушав меня, он проверил мои документы и направил меня к т. Морозову. Последний дал мне задание по разведке.

Мое задание сводилось к исследованию положения противника (юнкеров) в Арбатском районе.

В залах военревкома я встретил одного еврейского рабочего, и мы сразу сговорились с группой солдат, во главе которой стоял рабочий, и направились по направлению к Арбату, по Страстному бульвару. Это был второй вечер революции, около одиннадцати часов вечера.

Я с еврейским рабочим отправился впереди, а с рабочим в кожаной куртке, предводителем нашего отряда, мы сговорились, что мы будем держаться на расстоянии и в случае необходимости явимся на помощь. Сигналом должно было служить зажигание спички. Около М. Бронной улицы нас встретил гимназист, лет пятнадцати, с винтовкой в руках. Он скомандовал:

— Ваш пропуск?

Объясняю, что пропуска нет, но живу на Арбате, в Афанасьевском переулке, куда мне необходимо добраться. Гимназист поставил винтовку и начал обыскивать наши карманы. На помощь к нему подоспел еще студент. К моей досаде, у спутника моего оказались в кармане пули. Это нам не сыграло наруку, и решили нас обоих забрать пленниками.

Я вспомнил наш уговор, зажег спичку и стал закуривать папиросу. В один момент мы были окружены людьми из нашего отряда. Рабочий скомандовал:

[illegible]

— Руки вверх! Ни звука!

Забрали у гимназиста и студента винтовку и браунинги, а самих их увезли с собой.

Я отправился один дальше по Тверскому бульвару.

У Никитских ворот опять караул—два студента и прапорщик. Эта тройка ничего не хотела слушать и не пропускала.

Пустился я по М. Бронной, думал переулками пробраться к Арбату. Опять встретился с гимназистом. Стоит на посту с винтовкой. Долго объяснял я ему, что мне надо домой, что у меня мать беспокоится, поджидает меня. Видимо, на гимназиста подействовали мои слова. Он посоветовал мне итти через Кудринскую площадь, говоря, что здесь все равно не пропустят, так как вблизи находится главный штаб юнкеров. Из разговора с гимназистом я узнал, что он охранял квартиру, в которой помещался отряд студентов.

Пробравшись наконец на Кудринскую площадь, я столкнулся с отрядом солдат.

— Куда шляешься так поздно?—спросил у меня один из них.

— Пли!—закричал другой.—Что там с юнкерами разговаривать.

Я обратился с просьбой отвести меня к начальству, но тут подоспел солдат и заглянул мне в лицо.

— Это вы? Я узнал вас по голосу!—воскликнул он. И обращаясь к остальным солдатам, сказал:—Это наш, наш.

Этот солдат был Федор, тот самый Федор, мой недавний друг, который караулил типографию на нашем дворе. Я отправился вместе с ним и провел всю ночь до утра. Утром пошли вместе с Федором в группком.

На третий день боев ко мне подошла какая-то стриженая женщина и очень решительно объявила:

— Товарищ, вы поедете сейчас с нашим санитарным автомобилем.

— Куда?—спрашиваю.

— В город за ранеными. Вы врач или зам. врача?

В то время я носил военную форму В. З. С.

— К сожалению, ни то, ни другое,—ответил я.

— Ну, ничего, в такое время подбирать раненых и оказывать помощь может каждый.

— Хорошо, я не отказываюсь.

Прежде чем отправиться с автомобилем, я доложил об этом в разведчасть. Там одобрили мое решение и дали особое поручение наблюдать за положением в Газетном переулке.

Положение тогда было таково: часть Газетного переулка со стороны Никитской улицы была в руках юнкеров, а Камергерский переулок был занят красными.

На Тверской улице, между Газетным и Камергерским переулками, шли глубокие окопы на всю ширину улицы. Мы поехали

через Покровку на Театральную площадь. На всех перекрестках стояли и суетились люди.

Шла перестрелка между «Метрополем», где сидели юнкера, и Большим театром, где находились красные. По Театральной площади летали пули с обеих сторон. Одной из таких пуль свалился наш шофер; его тотчас же унесли в «Метрополь». Никакого движения, кроме санитарных автомобилей, на площади не было. На углу Кузнецкого Моста стояла толпа зевак.

Лил сильный дождь, и в это время мы попали между двух огней—с Газетного и Камергерского переулков. Здесь мы оказались под настоящим градом пуль. Происходила отчаянная схватка—не на жизнь, а на смерть. Чувствовалось, что этот бой—решительный, и велся он с большим упорством обеими сторонами. Одной из пуль был ранен студент-медик, сидевший рядом с нашим шофером нашего автомобиля; мы отвезли его в военревком, и на следующий день он умер.

Нефедов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Сущевско-марьинский район.)

У нас, в Сущевско-Марьинском районе, гражданская война началась с июльских дней. Скрытые формы гражданской войны имели у нас место с момента организации в районе на некоторых фабриках и заводах полулегальных кружков или отрядов. Это движение за организацию Красной гвардии стало иметь сильное влияние на рабочих, в особенности после августовского корниловского мятежа. Наш район еще до Октябрьского переворота, приблизительно в июле—августе, участвовал в одной заворожке в Марьинском районе. Там произошло убийство священника темным элементом. На этой почве началась антисемитская агитация, и это дало возможность забрать в комиссариат все имевшееся в районе вооружение.

Приближалась решительная схватка. В ночь с 26 на 27 октября, когда Московский совет постановил избрать Революционный комитет и передать всю полноту власти Московскому революционному комитету, этот последний предложил всем большевистским фракциям организовать такие же комитеты в районах и призывать рабочих к забастовкам. Я в это время работал вначале в Марьинском подрайонном совете, а потом в Сущевско-Марьинском районном совете. Мы, группа товарищей, участвовавших в заседании Московского совета, организовали собрание районного совета, и с 27 числа образовали Военно-революционный комитет. Первой нашей задачей было то, чтобы все важнейшие стратегические пункты были заняты нами. С этой целью Ревком немедленно связался с некоторыми воинскими частями, стоявши-

ми в нашем районе. Тут же выяснилось, что огромное большинство солдатских масс, несмотря на противосоветское настроение, офицерских масс, было на нашей стороне. Второй нашей задачей было захват и подчинение нам всех милицейских комиссариатов, почтово-телеграфных контор, а также установить охрану государственных касс и банков. Только в одном комиссариате (3-й Сущевский комиссариат) нам заявили, что там будут выполнять распоряжения, идущие из градоначальства. Там сидел меньшевистский комиссар Никитин. К 12 час. ночи, путем давления на союз милиционеров, нам удалось и 3-й Сущевский комиссариат подчинить власти Революционного комитета. В 12 час. ночи на Красной площади начались первые выстрелы. В этот же день, часов с 10-12, постепенно начали останавливаться работы на фабриках. В этот же первый вечер мы отправили в центр человек 200 невооруженных рабочих. Районный революционный комитет, для того чтобы развернуть свою работу, решил занять большое здание на Александровской улице, бывший театр «Олимпия». Туда стали направлять всех рабочих, там стали формировать рабочие дружины. Часов в 11 вечера звонит нам из Сущевского артиллерийского завода тов. Сыс и спрашивает: «Что у вас делается?» Сообщаем, что формируются отряды и направляются в центр. А он нам передает, что «Олимпию» захватили. Мы решили итти выручать. Часть поехала к солдатам, чтобы взять надежный отряд и нужное количество винтовок, а часть отправилась в Марьино-рощинский комиссариат, таким образом двумя отрядами мы должны были итти на «Олимпию». Подъезжаем к «Олимпии», видим, что там все освещено, много народу и видно, что там бегает рабочая публика. Входим туда. Оказывается, что юнкера только приходили узнавать, верно ли, что Военный ревком захватил электрический театр. Наша публика испугалась и разбежалась. В этот же вечер мы уже имели крепкое вооруженное ядро, человек 30 солдат привезли штук 30 винтовок. Вооруженных оказалось около 100 человек. Вся эта ночь прошла спокойно. Интересно отметить следующее: в тот момент, когда мы подъезжали к зданию «Олимпии», свои же оттуда нас жестоко обстреляли. Ермолаева ранило в ногу, Иванову ободрало щеку, шофера ранило в шею и т. д., и т. п. В результате мы учли это обстоятельство и для того, чтобы не стрелять друг в друга, наладили в своем районе дело с патрулями и дозорами. Это были характерные моменты того времени—свои стреляли в своих, благодаря неорганизованности. На второй день, когда по Москве с утра начали трещать пулеметы, мы отправили два отряда в центр (один по Столешникову переулку, один к театру «Континенталь») и обстреливали Думу, где сидели юнкера, «Метрополь» и угол Сандуновских бань. Помимо организации отрядов для боев в центре, будучи напуганы налетами юнкеров на наш район (первые ак-

тивные действия были в нашем Сущевско-Марьинском районе, где они начались часов в 10 вечера; на Красной же площади они имели место часов в 11-12),—мы с самого утра начали укреплять свой район. Укрепления эти теперь кажутся смехотворными. Начиная от Екатерининской площади прорыли большую канаву, через которую с успехом мог проехать легковой автомобиль. На трамвайные столбы натянули колючую проволоку и на этом успокоились. Такие же окопы прорыли на Бахметьевском и у дома Ревкома. Все эти баррикады не имели никакого смысла с точки зрения боевой, но имели огромный смысл с точки зрения боевого энтузиазма и поднятия настроения духа бойцов. В эти дни наш Сущевско-Марьинский район участвовал отрядами, которые стояли в разных пунктах центра (в самом районе боев не было). Кроме того, наш район сыграл большую роль в снабжении отрядов и всего центрального штаба, помещавшегося в доме генерал-губернатора,—провиантом. Мы доставили две кухни, в которых беспрерывно варили кашу. Сам Сущевский ревком был поставлен в такие условия, что к нему нельзя было поднести ни каши, ни супа. Он питался одной копченой селедкой.

Как мы вооружались в октябрьские дни? Как втечение всего переворота, так и в Октябрьские дни у нас в районе вооружение происходило в процессе боев. На второй день боев, 28—29 числа, мы привезли в свой район несколько грузовиков винтовок и патронов, причем одна наша экспедиция, которая отправилась за патронами, попала в плен к юнкерам, и втечение 2-3 дней была под их властью. Юнкера издевались над ними, морили их голодом, а некоторых расстреляли. Втечение всех дней борьбы мы изо дня в день имели все большее и большее количество оружия, и к моменту перемирия «Олимпия» представляла собой арсенал пулеметов и винтовок, и все, кто хотел, приходил и мог взять оружие. Но нужно отметить, что рабочие массы так быстро приходили к ревкому, что, сколько бы ни подвозили винтовок, их все равно нехватало бы. Мне самому пришлось дважды принять участие в уличной борьбе.

Е. Афонин.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ОКТЯБРЬ.

26 октября разнеслась весть по Москве о событиях в Петрограде. Московский совет после переговоров с командующим войсками Рябцевым и городским головой Рудневым о роспуске Думы и сдачи всей власти совету, постановил созвать совет районных дум, так как все большевистские силы были сконцентрированы в только что открывшихся районных думах.

В 8 часов вечера Сухаревский народный дом был переполнен. Председательствовал т. Владимирский. Тов. Шлихтером было про-

читано краткое сообщение о переговорах с Рябцевым и внесено предложение без прений принять постановление—немедленно приступить к вооруженному выступлению за власть советов, передав все полномочия вновь сорганизовавшемуся Революционному комитету. Правый сектор поднял невообразимый шум. С виду культурные люди превратились в бесчинствующих хулиганов: свистали, стучали стульями, топали ногами. Под эту дикую какофонию большевистски настроенный левый сектор принял решение вооруженного восстания и с лозунгом: «Все на свои посты», под звуки «Интернационала», сопровождаемый свистом правых, стал выходить из здания.

Группа Петровской районной думы в 9—10 человек, не имея ни одного револьвера, пришла к десяти часам вечера в свое помещение—Петровский дворец. Там же помещалась районная милиция. Первая наша задача была—взять в свои руки милицию и выбрать полномочную тройку. Комиссар милиции, кадет, сбежал еще с утра, а пом. комиссара т. Плят, парижский эмигрант, был на нашей стороне.

Собрав находившихся в помещении милиционеров, мы объявили им, что сегодня в ночь начнется бой между юнкерами и рабочими и что они как сыны трудящихся должны стать на защиту интересов рабочего класса. Все (смена в 30 человек) без колебаний согласились на наш призыв, и только конная милиция (в 4 человека казаков) осталась в стороне. Немедленно была избрана революционная тройка из тт. Матвеева, Афонина и Плята. Сняты посты и высланы патрули. К двум телефонным аппаратам поставлены дежурные; остальные были сняты. Срезаны были также телефонные аппараты у полковника—заведующего дворцом, и у заведующего лазаретом.

В городе началась перестрелка. Получились сведения, что группа юнкеров подъехала к артиллерийской батарее на Ходынке и сняла замки с орудий, а у нас, руководящей группы, еще не было оружия. Но вот наши патрули после двенадцати часов ночи начали приводить к нам вылезавших из трущоб Петровского парка подгулявших солдат. Патрули почти все были вооружены. Мы отбирали оружие, а их отпускали с миром, и только таким образом в первую ночь мы вооружились.

Так же организовался и соседний Бутырский совет, имевший несколько больше живых сил, с которыми мы все время держали связь. Революционная тройка состояла из товарищей—меня, Лисицына и Розовой.

На третий день боя наша руководящая группа усилилась до 30 человек. Присоединилась к нам также Украинская самокатная команда, стоявшая в парке, и мы завязали связь с артиллерийской бригадой, находившейся на Ходынке.

Петровский дворец в наших руках превратился в неприступ-

ную крепкость. На все угрозы, получаемые по телефону в продолжение первых 3-4 дней, мы гордо отвечали нашим врагам: «Мы вас ждем, встреча будет горячая, встретить есть чем»,—и ни на минуту не думали, что нас мало, и только теперь стало ясно, что наша сила заключалась в великом энтузиазме и вере в правоту своего дела. Ведь на баррикадах участвовали только передовые рабочие.

Бутырский Ревком.

Главная работа Петровского ревкомитета была—давать прикрытия артиллерийской батарее на Ходынке, выпускать ежедневно патрули для осмотра автомобилей и проходящих и поддерживать порядок, так как притоны Петровского парка жили своей обычной жизнью. Петровский ревком выпустил ряд воззваний, ограждающих граждан от бандитских выступлений, и поддерживал связь с центром, привозя ежедневно и распространяя среди войск выпускаемые бюллетени.

Несмотря на разносимые ложные слухи о приближающихся по Окружной железной дороге казаках и ударниках и на мало-

численность активных бойцов, район ни разу не пал духом. Даже в тот момент, когда центр после четырех—пяти-дневной бойни поколебался, районы не дрогнули, но ответили воззванием: «К оружию, товарищи, крушите эту буржуазную сволочь!» (Статья тов. Фрадкина.)

В центре мне пришлось быть несколько раз. Внутри здания совета все кипело, как в котле. Вооруженные группы приходили и уходили. Их кормили, перевязывали раны и отправляли на новые назначения. Наиболее ярко запечатлелся один боевой эпизод. Я приехал на автомобиле утром и пошел в МК, в «Дрезден». Выйдя оттуда и едва успев дойти до дверей совета, я увидел быстро приближающийся броневик со стороны Столешникова переулка. Артиллерист, стоявший с направленной на него пушкой, растерялся и пропустил его. Он быстро окружил памятник Скобелева и хотел направить выстрел на здание совета, но не рассчитал и выстрелил лишь в косяк двери МК, уложив на месте двух выходящих, только что выпущенных из-под ареста. В этот момент затрещал наш пулемет, и броневик скрылся в том же направлении. Была послана разведка, куда он скрылся. Проснулась наша артиллерия и начала усиленно обстреливать «Метрополь» и здание Думы. Тов. Закс, бегая по двору совета и нагибаясь после каждого залпа, ругался:

— И когда они, черти, бросят стрелять!

Разведка сообщила, что броневик скрылся на дворе гостиницы «Националь». Был отдан приказ двинцам: «Взять «Националь». Первая колонна была скошена перекрестным огнем пулеметов. Послали подкрепление. «Националь» был взят, и броневик победно был приведен во двор совета. Я оставался в совете до вечера, и еще долго раздавались наши артиллерийские залпы. В этот же вечер были пробиты Никольские ворота.

С разгромом градоначальства угрозы по телефону прекратились. Зато каждую ночь нам грозили приходом казаков то со стороны Всехсвятского и Лосиного Острова, то со стороны Петровско-Разумовского, но вместо них по парку каждую ночь разгуливали автомобили с кутящей публикой, разыскивая традиционные притоны цыган. Это характерное явление должно быть также отмечено, как оно было записано в историю парижских коммунаров. Веселые дамы и кавалеры, сдавая нам оружие, неизменно говорили:

— Вы там делайте себе революцию, как хотите, а нам, пожалуйста, не мешайте погулять.

На одиннадцатый день рудневские и рябцевские юнкера были побеждены. В здании Думы был созван совет районных дум с представителями районных советов и профессиональных союзов для выбора руководящего органа вместо распущенной Думы. Меньшевики и эсеры устроили и здесь нам очередной скандал,

назвав нас захватчиками и самозванцами, и с диким свистом вышли из здания. Здесь было выбрано бюро совета районных дум, куда был включен коллектив Союза городских рабочих и служащих из 5 человек, и эта группа вступила в заведывание огромным хозяйством города Москвы. Эта задача оказалась гораздо труднее, чем борьба на баррикадах, но усилиями передовых рабочих, создавших на местах руководящие коллективы, и эта трудность была осилена, и после трехмесячной каторжной и хаотической работы и усиленного саботажа трудовой интеллигенции работа начала входить в свою колею, и силуэт нового коммунистического строительства начал вырисовываться все ярче и ярче. История достойно оценит все трудности, которые пришлось перебороть рабочему классу, а 1919 год показал, что победа—за нами.

Дугачев.

ШАГ ЗА ШАГОМ К ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ.

Я буду говорить об июльских днях, потому что первую часть (февраль—март месяцы) я работал в Московском окружном комитете и в Хамовниках, сначала в революционном комитете общественной безопасности от пречистенских рабочих курсов, а потом и в районной хамовнической думе. К июльским дням я втянулся в работу пресненской организации и на этом периоде я остановлюсь. Я имею в виду завод Тильманса и фабрику «Свет и лампа», где нам удалось выкинуть из состава фабричного комитета этого предприятия меньшевиков. Это, примерно, основные предприятия, которые шли за большевистской организацией целиком и где влияние меньшевиков и эсеров было незначительным. На этих предприятиях были наши партийные ячейки, сильные количественно и сильные по своему партийному влиянию. Относительно Прохоровской мануфактуры: те воспоминания, которые уже имеются в печати о пресненской организации, помоему, несколько незаслуженно выпячивают роль Прохоровской мануфактуры в той работе, которую проделала наша партийная организация в э т о т п е р и о д. Мы имели много одиночек-большевиков с Прохоровки. Но основная масса рабочих этого предприятия шла не за нами, а за эсерами, и это положение продолжалось вплоть до Октябрьской революции. Живо помнится, как и я, Меркулов, Рыкунов и другие товарищи стремительно слетали с трибуны под пинки эсерствующих рабочих. Несколько позднее мы завоевали и другую «силу», находившуюся под влиянием меньшевиков. Там также мы имели сильную партийную ячейку. Из других предприятий, где были наши партийные ядра, помнятся заводы: «Санитарная техника», Грачева, «Мюр и Мерилиз» и др. На этих предприятиях наше влияние было значи-

тельно меньше, хотя партийные ядра были и здесь. В те дни, когда только и слышно было, как о состоянии партии, об «измене большевиков», о «немецком шпионаже», партийная организация встретила эту травлю совершенно сплоченно. Я помню собрание московского актива, где впервые выступил по этому поводу Сокольников. Настроение партийцев, несмотря на то, что травля была чрезвычайно активная и несмотря на недостаточное количество фактического материала, было совершенно определенное и единодушное. Среди рабочих некоторых заводов единодушия не было. Я помню выступления наши в этот период на многих предприятиях, например, на «Санитарной технике» и на заводе Грачева, которые отличались эсеровским и меньшевистским влиянием. Однажды в самый разгар июльской травли нам сообщили в районный комитет, что на один из этих заводов (завод Грачева) приехал член Учредительного собрания эсер. На это собрание приехал и тогдашний председатель райсовета—Гольдман—меньшевик. Мне пришлось выступить от районного комитета на этом собрании. Партийцев на этих заводах было не очень много. Несмотря на то, что они подошли довольно близко к трибуне, но после выступления этого члена Учредительного собрания и выступления Гольдмана, который иронически отнесся к нашему выступлению, нас стащили с трибуны, не дав даже закончить речь. Это же относится уже к моменту работы Беленького на Пресне. Не помню зачем, нам надо было остановить работу на ряде предприятий. Я, Анатолий Попов и Беленький идем на «Санитарную технику». Стучим. Двери открылись, и на нас обрушилось пять здоровенных детин. В результате бегство, и снять рабочих нам не удалось. Примерно такое же настроение было в эти дни на ряде других предприятий, которые были не под нашим влиянием. Между прочим, на упомянутых мною предприятиях были не только созданы в это время партийные ячейки, но и комсомольские. Часто созданию партийной ячейки предшествовала организация ячейки молодежи, которая была более подвижна и легка на подъем.

Следующий момент, который я хотел отметить, относится к кануну Октября. О составе Военно-революционного комитета. Я помню, что состав Военно-революционного комитета избирался на одном партийном собрании. На этом собрании был и Михаил Рыкунов, и Слесарев-Кульман. Комитет был избран из 7 человек, а не из 5. После этого собрания встал вопрос: а где же должен помещаться Военно-революционный комитет? Мы знали, что на ряде предприятий настроение среди рабочих было не за нас. И тогда возникло два варианта: либо перенести Военно-революционный комитет на дачу Студенец, либо на завод Тильманса. Было решено: Военно-революционный комитет перенести на завод Тильманса, где наше большевистское влияние было подавляюще и где рабочие могли бы в случае чего помочь нам и за-

щитить комитет. После этого Михаил Рыкунов, Слесарев и я ночью пошли в Хамовники. Надо сказать, что в Хамовниках был расположен ряд воинских частей. Там были казармы, а в середине, на границе хамовнического района и Пресни, помещалось Алексеевское военное училище, которое было не наше. Нужно было связаться с хамовническим районом, чтобы парализовать деятельность этого Алексеевского военного училища. На пути к казармам нас обстреляли. Приехав в казармы, мы договорились в военном штабе по части связи.

Несмотря на решение перенести Военно-революционный комитет на завод Тильманса, этого не удалось осуществить не знаю почему, так как я должен был уехать в один из уездов по поручению окружного комитета партии, а потом содержался в Кремле в качестве пленного, когда он был взят юнкерами. Приехал я на Пресню, когда Военно-революционный комитет расположился на территории Прохоровки.

Как относились в первые дни Октябрьского переворота рабочие массы? Когда Военно-революционный комитет поместился в музыкальной школе на Прохоровке, рабочие несколько побаивались итти к нам. Вся партийная и комсомольская организации были представлены в эти дни, конечно, полностью, но из беспартийных рабочих, за исключением предприятий Тильманса, о котором говорили рабочие с других предприятий—ходили к нам поодиночке. Масса пришла к нам несколько позже, когда начали развертываться бои. Тогда и у них проснулся боевой аппетит к борьбе, и влиянию меньшевиков и эсеров был положен конец.

О Красной гвардии: Шеногин правильно сказал, что по существу до Октябрьской революции говорить об организованных, реально существующих отрядах красногвардейцев, не приходилось, ибо те пять берданок, которые были у нас, были, конечно, незначительны. Они были использованы до момента Октябрьского переворота единственный раз для охраны комсомольской демонстрации, где, между прочим, был и Жаров. Больше они не использовались. В первый период октябрьской борьбы основой красногвардейских отрядов была наша партийная и комсомольская организация плюс беспартийные рабочие завода Тильманса, которые поголовно шли за нами, и Сиу. Только через 4-5 дней мы получили подкрепление оружием из Московского совета, а после того как Кремль был очищен от юнкеров, подкрепления эти усилились. Кроме того мы в это время связались с Ходынкой, которая очень основательно помогла нам в нашей борьбе.

Интересно сказать несколько слов о дисциплине. Мне вспоминаются такие моменты (я имею в виду грабежи): несмотря на то, что по существу никакой охраны лавок и магазинов не было, случаев массовых грабежей по району совершенно не замечалось.

Теперь несколько штрихов об октябрьской борьбе. Нас страшно нервировала политика нашего Московского центра по вопросу о перемириях с юнкерами. Помню одно перемирие: поступает приказ не стрелять в юнкеров, а стоять на тех позициях, которые у нас были. Мы решили выполнить этот приказ, и в результате, когда мы дисциплинированно выполняли этот приказ, ночью юнкера заняли Кудринскую площадь. Второй раз, когда поступил приказ о перемирии, мы этот приказ, по правде говоря, не очень выполняли, и не один десяток юнкеров мы сняли, когда они пытались использовать эту передышку для того, чтобы занять Кудринскую площадь.

Второй момент относительно наступления юнкеров по Б. Никитской и по Новинскому бульвару. Помню такой случай: одновременно наступают юнкера с Б. Никитской и Поварской и броневик с Новинского бульвара. Артиллерия наша работает во-всю. Вдруг трехдюймовка у Новинского бульвара пришла в бездействие. В результате броневик наступает уже к Кудринской площади. Был послан отряд ребят с Любимовым, который буквально почти голыми руками сумел этот броневик прогнать благодаря своей исключительной смелости. Броневик удалось отогнать на его исходное положение, т. е. к Смоленскому рынку, к Алексеевскому военному училищу.

Один момент в заключение, который я сейчас вспомнил, это относительно нашей печатной агитации: помню, колоссальное впечатление не только на рабочих, но и на обывателей произвела листовка Ярославского «Долой большевиков». Эта листовка была напечатана в самый разгар июльской травли. Разослали ребят по району для расклейки. Вдруг нам сообщают (я остался дежурить в районном комитете) по телефону, что около Зоологического сада толпа окружила наших расклейщиков и пытается их избить. В этот момент в районном комитете был также Жаров. Я был послан на разведку с поручением как-нибудь ликвидировать эту историю. Случаи избиения наших ребят в момент июльской травли были. Прибегаю туда; человек сто пятьдесят движутся по направлению к комиссариату. Несколько студентов злобно агитируют по поводу того, что большевики—немецкие шпионы, а что эти пареньки, которые раскидывают листовки Ярославского, являются вольными и невольными помощниками немецких шпионов и призывали проучить нас. В препирательства с этими студентами вступил и я. В результате и меня потащили в комиссариат. Нас задержали часа на два, пока разошлась публика. После этого нас выпустили, хотя одного все же избили. После Октябрьской революции я сразу уехал из Москвы по заданию Московского военного округа в качестве добровольца.

Бученков.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ НА БУТЫРКАХ.

Я сам из Всесвятского подрайона Бутырского района. Накануне Октябрьского восстания, я как организатор и начальник Красной гвардии получил от Бутырского райкома предписание, где говорилось, что нужно отправиться в Бутырский райком. Наш завод явился одним из первых застрельщиков революции. Здесь я узнал, что Бутырский военно-революционный комитет нашел необходимым создать во Всесвятском подрайоне свой революционный комитет (в связи с возможностью нападения). Там были части, стоящие на ст. Серебряный Бор. На наш революционный комитет возложено было договориться с этими ротами о том, чтоб они соединились с нами или, в худшем случае, дали бы свое оружие. Был послан туда наш товарищ Цветков, организатор Всесвятского подрайона. Он явился прямо в солдатский комитет, но в этом комитете большинство было офицерство,—его арестовали. Узнав об этом, мы отправились туда прямо к солдатам. После долгих переговоров солдаты настояли перед своим комитетом, чтобы Цветкова освободили, оружия же нам не дали. Сначала была организована тройка: Цветков, я и Барель. Первой нашей задачей было организовать красную гвардию, и это нам удалось. На 3-й день существования ревком сумел направить в центр, в распоряжение Московского революционного комитета, отряд в 30 человек. У нас все время ощущалась острая нужда в оружии. На 4-й, 5-й день подъезжаю к дому советов, и там мне сообщают, что где-то по Николаевской дороге выгрузился отряд казаков и двигается по направлению Петроградского шоссе. Для «встречи» казаков нам выдали 40 винтовок и 4 ящика патронов. Я отправился во Всесвятское. Пробраться туда было очень трудно. Москву мы знали плохо и в результате налетели на юнкеров. Прибыв на место, мы собрали товарищей со всех заводов и коекак вооружили. Ночью мы рассыпались по Петроградскому шоссе встречать казаков. Простояли ночь, потом день,—все спокойно. Потом сообщают нам из Московского ревкома, что эти казаки через Петровско-Разумовское обошли нас и ударили в другую сторону, по всей вероятности, зная, что на этом пути засада. Вспоминая эти замечательные дни, надо отметить, что было очень много тяжелых минут. Бывали случаи, что прибегали раненые просить подмоги, но никого не оказывалось. Радостная минута наступила в тот момент, когда явились матросы с крейсера «Аврора». Матросы оказали большую услугу нашей победе.

П. Бабкин.

БУТЫРСКИЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ.

(1918 — 1919.)

При слиянии Всехсвятского подрайона с Бутырским районом, постановлением исполкома Бутырского совета в конце 1918 года был создан Бутырский военный комиссариат. Политкомиссаром военкомата был т. Бабкин. В задачу военкомата входило: мобилизации граждан, формирование воинских частей Красной армии, обучение военному делу, снабжение вооружением, снаряжением, продовольствием и отправка сформированных частей на фронт.

В ведение военкомата входило также выделение нетрудового элемента в тыловое ополчение.

За все время существования Бутырского военкомата, с августа 1918 г. по апрель 1919 года включительно, его деятельность, насколько помню и основываясь на сохранившихся заметках, в деле организации Красной армии выразилась в следующем:

Мобилизовано было 16000 человек, взято на учет 15000, призвано к всеобучу 5000, сформировано и отправлено на фронт— 21 часть: 1) коммунистический отряд, 2) 47-й рабочий полк, 3) военно-санитарный транспорт, 4) 1-й полк N дивизии, 5) конный полк N дивизии, 6) 2-я бригада N дивизии, 7) 5-й полк N дивизии, 8) военно-санитарный транспорт N дивизии, 9) 1-я батарея 23 легк. артилл. дивизии, 10) восемь авиационных отрядов, каждый численностью по одному парку, 11) 118-й рабочий резервный полк, 12) 2-я батарея легк. арт. дивизии, 13) 3-я батарея легк. арт. дивизии, 14) кадр 109-го рабочего полка.

Отправляемые части снабжались всем необходимым.

В культурно-просветительном отношении, кроме усиленной работы в частях, отправляемых на фронт, в каждой из расположенных в районе воинских частей были сорганизованы: коммунистические ячейки, культурно-просветительные комиссии; открыты школы грамотности, а в крупных частях и клубы, снабженные в достаточной мере нужным инвентарем и литературой.

Помимо этого, все части были снабжены газетами, брошюрами, листовками. Было открыто свыше 10 библиотек-читален. Концерты-митинги устраивались в клубах частей и в районных театрах б. Скалкина и Яр.

В конце января 1919 г. по постановлению исполкома Бутырского совета была снаряжена делегация от совета с подарками 27-му рабочему полку, находящемуся на боевом фронте. Делегация эта состояла из председателя Бутырского совета тов. Лисицина и меня.

Прибыв на боевую линию Рижского фронта, мы настигли наш

47-й (бутырский) рабочий полк, около местечка Шавкяны и были приняты полком особенно радостно.

Полк был оторван от центра Советской России, а потому среди красноармейцев носились самые нелепые слухи о том, что в Москве и Петрограде не все благополучно. Нам удалось убедить красноармейцев во всей вздорности этих слухов и разъяснить положение и ход революции. Красноармейцы поняли нас, после чего отнеслись к нам особенно тепло и дружелюбно. Здесь же поделились с нами о своих потерях. Оказалось, что потери полка были незначительны; из командного состава пал жертвой начальник связи полка т. Хрусталев и 15 человек красноармейцев. Остались хорошо в памяти местные крестьяне: они каждый почти день, за время нашего там пребывания, обращались в штаб полка, выражая желание вступить в ряды Красной армии для защиты революции.

Таким образом по приезде в Москву мы знали, что нами налажена связь с 47-м рабочим полком и другими воинскими частями района, находящимися на фронте.

Г. Деев-Хомяковский.

БОРЬБА НА КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ.

(Из воспоминаний).

Историко-географическая справка.

Спустившись от Сухаревой башни на Б и обогнув до Смоленского рынка, мы оставляем направо и налево раскинувшийся район Красной Пресни.

Самой историей район к 1917 году был разделен так, что на левой его стороне жило самое бедное население с местечками: «Антроповы ямы», «Трифоновка», «Миусская площадь», «Бутырки», «Тишинские переулки» и, наконец, «Новое гулянье», «Проточные и Конюшковские переулки».

С правой стороны жило больше привилегированное сословие с ее особняками и освещенными улицами: Петровка, М. Дмитровка, Тверская, Б. Никитская, Поварская и пр.

Жизнь в этих районах складывалась поразному. 1905 год с его красочными баррикадными боями частично разрушил перегородки, но последовавшая реакция, задушившая первую пролетарскую революцию, потеснила еще дальше к заставам рабочих и помогала распространить влияние буржуазии за «Садовое кольцо».

Исходя из этого, складывалась и учебно-воспитательная и культурно-просветительная жизнь района.

Если просмотреть карту школ дореволюционного времени, то они в абсолютной своей части находились в районе Садовой.

И только немногие гнезда культуры к моменту империалистической войны стали появляться в рабочих кварталах.

Учительство района делилось в зависимости от учебных заведений района. Так, например, до «Садового кольца» в школах преподавали лица исключительно привилегированного класса. Начиная от Садовой до Камер-Коллежского вала, учительские группы состояли из разночинной интеллигенции, за исключением дворянских пансионов. Переваливая вал (черту оседлости), учительство в большинстве состояло из более демократических групп. Все школы и учебные заведения управлялись земством.

Все школьные помещения делились соответствующим образом. Жизнь и группировка около школ были также совершенно различны.

В таком состоянии застала Февральская революция район в области просвещения.

Естественно, начиная с мартовских дней 1917 г., и жизнь в этих школах и партийная ориентация шли в этом направлении.

До «Садового кольца» абсолютная часть учительства состояла из кадетов.

Начиная проникать вглубь района, можно было встретить кадетов, вперемежку с социалистами-народниками, и в очень небольшом количестве меньшевиков.

За Камер-Коллежским валом абсолютное большинство учительства сочувствовало народникам и эсерам. Правда, были и меньшевики, но с очень слабо развитой организацией.

Из этой группировки выделялись крупицы учителей интернационалистов, которые, впрочем, не имели твердой платформы. Некоторые из них были в тесной связи с большевиками, некоторые— с меньшевиками.

Особенно этой группой были заняты тов. Вадим Подбельский и В. П. Ногин. Они всячески стремились привлечь в 1917 г. к районным думам наиболее демократические части учительства.

В свою очередь кадеты стремительно организовали союз учителей, в который были вовлечены и учителя, настроенные народнически.

В летние месяцы этот союз развил интенсивную деятельность.

Гнездом их был бывший университет им. Шанявского (ныне Свердловский университет трудящихся). Правда, с этим гнездом повели усиленную борьбу все бывшие слушатели этого университета, примыкавшие, как с.-д.—большевики, так и анархо-коммунисты. Но последние достаточного веса, с точки зрения известности как педагоги, не имели. И в результате «союз учителей» захватил в свои руки почти все школы. Щупальцы меньшевиков и эсеров проникали только в школы на окраинах.

Контрреволюционное настроение среди «союза учителей», сказалось в знаменитые «корниловские дни». Тогда кадетствующие

учителя района сочувствовали явно авантюре Корнилова. Такое отношение верхушки этого союза заставило особенно насторожиться учителей-интернационалистов.

Поэтому последние начали около себя группировать членов культкомиссий из рабочих клубов с тем, чтобы создать новую организацию левых социалистически-настроенных культурников.

Когда была создана такая группа, решено было создать союз учителей интернационалистов, настроенный за передачу всей власти советам.

В свою очередь, контрреволюционная часть учительства вела усиленную пропаганду за Учредительное собрание.

В борьбе за эти два лозунга проходили осенние дни 1917 г. В таком состоянии застала школы и Октябрьская революция. По существу начало учебного года было сорвано еще в сентябре. Но все же учебные заведения свои занятия открыли.

Кадеты и эсеры стали вербовать из гимназистов «защитников Учредительного собрания». Готовили группы дружинников. В дальнейшем мы видели эти группы гимназистов выступающими против красногвардейцев в различных районах Красной Пресни.

Октябрьские дни в школах.

Итак из предыдущего мы видим, что вся школьная сеть в предоктябрьские дни по существу была в руках враждебных пролетариату классов и групп учительства.

Пролетариат района не успел овладеть школьной жизнью в летний и осенний периоды 1917 г. И естественно, когда прогремел гром Октябрьской революции, абсолютное большинство учебных заведений стало в явно враждебное отношение к восставшему пролетариату.

А некоторые, как, например, школа Воздухофлота, бывший пансион дворянских детей (где ныне Красно-Пресненский совет), институты Александровский и Екатерининский явно выступали враждебно, помогая юнкерским войскам.

Сам «союз учителей» выпустил воззвание, в котором призывал к борьбе с «узурпаторами-большевиками» и приказывал заведывающим школами ни в коем случае не допускать большевиков в помещения школ.

В «случае насильственного вторжения,—говорится в циркулярном приказе,—учитель или заведывающий должен уходить и уносить с собой или прятать все наиболее ценное, все наиболее необходимое для сохранения школы до прихода законного хозяина—Учредительного собрания».

Конечно, такие распоряжения в большинстве не приходилось в Октябрьские дни исполнять старым учителям.

Рабочим, дравшимся на улицах Москвы, не до школ было.

А те учебные заведения, которые юнкерами были превращены в военный лагерь, прятавший молодые кадетские дружины, должны были подвергаться обстрелу наравне с каждой враждебной единицей.

Не было сделано ни одной попытки со стороны отдельных групп революционных рабочих нападать на школы или занимать школы в военных целях. Несмотря на явно враждебное отношение учительства к восстанию,—со стороны Красной гвардии было чрезвычайно бережное отношение ко всем школам.

Ученики-комсомольцы, рабочие подростки Красной Пресни на экскурсии на Ленинские (Воробьевы) горы.

Был даже ряд инцидентов на этой почве с вооруженными группами анархистов, которые пытались то или иное учебное заведение захватить для своих военно-оперативных целей.

Со стороны военно-революционных штабов как Пресненского, так Сущевского и Бутырского районов, наоборот, были приняты меры к охране наиболее ценных музеев, носящих явно культурно-просветительный характер. В целях защиты от возможных случайных бандитских выступлений в приказе военно-революционного комитета рекомендовалось организовать домовые дружины для охраны школ и музеев.

Но сами школы после совершонного переворота, когда уже смолкла стрельба на улицах, отказались вести занятия.

Центральная верхушка ЦК союза учителей заявила нейтралитет и требовала от учителей и заведывающих школами не приступать к занятиям, пока не организуется правительство, состоящее из представителей всех партий.

Последующие дни за Октябрем.

Таким образом, победивший пролетариат не мог обучать своих детей из-за явного саботажа учителей, из-за явного непонимания учительской верхушкой происходящих событий.

Только очень немногие школы на окраинах приступили к работам сразу. Такое положение было учтено меньшевиками. Они начали по этим школам проводить свои собрания и устанавливать киоски для продажи литературы, подготовляя почву для выборов в «Учредительное собрание».

Вот, например, документ, подписанный т. Хинчуком—бывшим тогда меньшевиком, направленный в культпросвет одной из библиотек Марьино-рощинской окраины:

«Фракция соц.-дем. меньшевиков Бутырско-Марьинского района просит разрешить ей устройство народного собрания по вопросу об Учредительном собрании в субботу 16 декабря в 6 час. вечера. Уполномоченный района Хинчук».

С такими же, примерно, заявлениями обращались и социалисты-народники. Они пытались захватить не только школы, народные дома, но и рабочие клубы.

Так был захвачен в районе Камер-Коллежского вала Марьиной Рощи социалистический клуб «Братство народов».

Этот клуб долго находился в руках меньшевиков и эсеров, пока эти партии не умерли естественной смертью.

Незаменимую услугу в дальнейшей организации школьной жизни сослужили библиотеки-читальни. Очень немногие из них примкнули к «союзу учителей», так как библиотекари имели свой союз, и последний определенной линии не имел, а в большинстве случаев прямо заявил, что будет работать, так как он служит «делу, а не власти...»

Такое заявление развязало руки библиотечным работникам, и они начали около себя организовывать детвору, занимаясь с ними и лекционной работой.

В особенности это было хорошо проделано библиотеками: Петровско-Выселовской, Пресненской—им. Гоголя, Марьино-рощинской и библиотекой дома Каляева.

В борьбе за обладание работой школ, за влияние на школьных работников прошла вся зима 1918 года.

Учителя то приступали к работам, то снова закрывали школы.

Пока организовалась советская власть, пока шли споры и разговоры с меньшевиками и эсерами, пока еще была борьба

за единую печать, руки пролетариата не доходили до учебных заведений. А была ли возможность овладеть в первые же месяцы школой? Теперь нужно прямо сказать, что такой возможности у советов не было. Те немногие интеллигентные работники, которые не колеблясь примкнули к пролетарской революции, были нарасхват. Их посылали на целый ряд должностей.

Главной целью и первейшей задачей пролетариата было скорее захватить промышленность и наладить разрушенное империалистической войной и правлением Керенского народное хозяйство

Ученики рабочие подростки в колонии имени т. Усова за обедом.

и тыл, где еще шире шел саботаж квалифицированных работников, где дело безжалостно разрушалось порчей машин, отдельных частей.

Только летом 1918 года явилась возможность приступить к вопросу об организации школ.

Товарищи, выдвинутые для этой работы во главе с тов. Людвинской и Пискуновой, должны были опереться в первую очередь на союз учителей-интернационалистов, который к этому времени в районе насчитывал более двухсот товарищей, и на значительную часть технических служащих школ.

Школы с явно саботирующим учительством пришлось закрыть декретивным порядком и учителей объявить уволенными.

К этой мере в районе пришлось прибегнуть как к крайней, потому что происходивший весной 1918 г. Всероссийский съезд союза учителей вынес резолюцию, резко направленную против Совнаркома и призывавшую учительство к явному сопротивлению Наркомпросу.

Такое постановление съезда верхушечного учительства возмутило не только учителей интернационалистов и примыкающих к ним, но и все низовое учительство района. Особенно были этим возмущены учителя окраины. Они пачками стали подавать заявления о том, что не согласны с этим постановлением и уходят из союза.

Некоторые, более решительные, требовали немедленного роспуска районного союза учителей.

В деле организации школьного дела незаменимую услугу оказали выделенные завкомами делегатки. Они повели активную работу по обследованию школ и взялись первые за организацию детских садов и детских домов.

С утра до поздней ночи они ходили по району, отыскивая покинутые буржуазией особняки и квартиры.

Все, что было брошено и что было возможно занять без особого давления, занималось быстро.

Спешно оборудовались детской мебелью занятые помещения и вселялись ребята рабочих, желающих поместить в эти дома своих детей.

Но открывая эти нового типа учебные детские дома и сады, нужно было им дать и работников, а работники, как мы видим, не особенно-то были хорошо настроены к советской власти.

С получением распоряжения от Наркомпроса о преобразовании учебных заведений в Единую трудовую школу пришлось спешно создать комиссию.

В инструкции о реформе школы говорилось:

«Учащиеся старших групп и возрастов берут на себя изучение и предварительную разработку вопросов значения и организации трудовой школы, как то: социалистическое общество и трудовая школа; ручной труд, ремесленный и машинный; постановка отдельных видов ручного труда, мастерские, школьное хозяйство и т. д.».

Вопросы были весьма сложные, а работников, которые могли бы руководить этими работами учащихся, совершенно не было.

Те же, которые примкнули к советам, далеко не были подготовлены к этим вопросам.

Спешно пришлось организовывать курсы подготовки руководителей детских садов, детских домов и школ из работниц и

желающих рабочих, с тем, чтобы их через 5—6 месяцев, то есть на учебный 1918/19 год, можно было послать в школы.

Такое мероприятие вызвало живой интерес как среди самого населения, так и особенно среди учащейся молодежи, которой представлялась возможность занять учительские должности.

Эта работа особой важности, несмотря на саботаж со стороны «большого учительства», прошла с особым подъемом. К осени 1918 года во все школы района уже назначались новые заведывающие и учителя из числа окончивших курсы.

Такой оборот дела вызвал буквально панику среди старого учительства. Оно стало приходить и подавать заявления о принятии их на работу. Организованная по приему комиссия не успевала рассматривать заявления всех желающих.

При таких условиях наступало начало учебного года. На президиуме Моссовета решено было провести широкие конференции с привлечением представителей фабрик и заводов.

Конференции проходили с большим подъемом. На них ставились наряду с организационными докладами такие доклады, как: «Воспитание юных коммунистов», об организации «Юков» вместо буржуазной организации «скаутов».

Необычайно много энергии вкладывали в дело организации просвещения: Ал. И. Пискунов, С. И. Мицкевич, Русаков, Орлова, Карпова А. С., Смидович, Обух, Людвинская, Пугач М. Все эти товарищи с утра до поздней ночи организовывали конференции, педагогические совещания.

Как мера борьбы с вырождением, в программу новой школы клалась работа школы неотрывно от труда, бережное отношение к труду товарища, чистота и опрятность учащегося, настойчивость и трудолюбие.

Эти лозунги для старой школы были новы. Многие учителя, не знавшие иного пути и иной работы школы, как только формальное преподавание технических навыков, стали с увлечением приступать к работе.

«Привилегированная» группа учителей прошлого была окончательно отброшена. И живые новые творческие силы новых преподавателей из среды трудящихся с необычайным энтузиазмом приступили к работе.

Вот, например, что говорит резолюция учителей б. Сущевско-Марьинского района: «Общее собрание работников просвещения и социалистической культуры, обсудив план занятий на учебный год, считает, что в настоящий тяжелый момент все учительство должно напрячь все усилия к поднятию школьно-педагогической деятельности; всеми мерами способствовать проведению в жизнь тех основных мероприятий и положений, которые приняты Московским советом рабочих и красноармейских депутатов».

И дальше в резолюции говорится: «Те, которые не будут

проводить в жизнь начавшуюся работу, будут заклеймены как саботирующий элемент и должны быть наказаны по всем строгостям закона».

Эти любопытные места необходимо отметить потому, что в осенние дни 1918 года надвигалась темная туча контрреволюции с юга — во главе с Деникиным, и с востока—во главе с Колчаком.

Нужен был максимум выдержки и напряженной энергии для того, чтобы школы продолжали работу.

Средства на просвещение были весьма ограничены. Дров в школах не было. Пришлось принимать экстренные меры к тому, чтобы хотя кое-как поддерживать работу школ.

Президиумом совета решено было дать ряд старых домов на слом для отопления школ.

Для этой цели были организованы дружины как из учащихся, так и из учителей. И эта работа учителями, понявшими значение советской власти и задачи трудовой школы, проводилась с необычайной энергией.

Превратившись из учителей в заготовщиков дров, они добросовестно исполняли днем свои обязанности.

Особенно в этом отношении проявили себя учителя вновь организуемых школ рабочей молодежи.

Они совмещали колоссальный труд педагога действительно новой советской школы с работой чернорабочего.

Учителя этих школ по существу были работниками подлинной трудовой школы. Организовав рабочую молодежь около этих школ, они проводили в них настоящее коммунистическое воспитание.

Когда был сделан клич об организации добровольцев на фронт, то некоторые школы рабочих подростков выделили из своей среды по 20—30% учащихся. Пошли не только мальчики, но и девочки, надевая повязки сестер милосердия.

Историческое значение работы этих школ требует более детального освещения, что в этом очерке невозможно.

Во всяком случае, самый тяжелый и самый мрачный 1918/19 учебный год прошел под знаком глубокого сдвига среди учителей и в непрерывной работе по организации новой школы.

Весна 1919 года была теплая и ранняя. Она влила необычайно много энергии в молодежь. Решительная победа над контрреволюционерами необычайно подняла дух и уставшие силы трудящихся.

Первое Мая готовилось быть особенно торжественным. Решено было устроить насаждение деревьев.

Весь район Красной Пресни готовился к Первому Мая, как к дню необычайной радости.

Учителя на сломке домов для отопления школ в 1919/20 учебн. году.

Вместе с тем детей и подростков готовили вывезти в колонии. Все находившиеся в окрестностях Москвы имения были переданы в МОНО, которое распределило их по районам.

Началась подготовка к вывозу детей. Готовили необходимые припасы. Часть детей и подростков решено было вывезти на Украину.

В такой работе застал нас праздник.

Такой торжественности и такой радости московский пролетариат никогда не испытывал, как в этот праздник Первого Мая 1919 года.

Взрослые готовили украшения. Школы очищали пустыри, освобождая их от мусора, для посадки на них деревьев.

Все улицы жили творческой работой.

Мы не будем касаться самого праздника. Страницы наши слишком кратки для этого, а праздник был слишком грандиозен. Нужно не забывать, что в это время происходил Первый съезд III Интернационала.

Митинг комсомола Красной Пресни в саду быв. Александровского Института в 1920 году.

Летом 1919 года вывезены были почти все дети Москвы в колонии, не поехали только те, кто не хотел или не мог поехать в силу тех или иных условий.

Подмосковные особняки впервые встретили в своих стенах новых молодых хозяев, которым имя Великий коллектив трудящихся.

Обставлены колонии были сравнительно сносно. В этих колониях учащиеся впервые применили опыт самоорганизации, самообслуживания.

Это выходило не совсем плохо. Особенно у рабочих подростков.

Ученики рабочие-подростки Красной Пресни в колонии им. Усова. Раздача пищи дежурными по кухне.

Были избраны свои завхозы, товарищеский суд и целый ряд других комиссий. Все возглавлялось учкомом и советом колонии, во главе с заведующим.

Проведенная анкета по окончании колоний дает нам показательную картину, как были довольны дети трудящихся этой предоставленной им возможностью жить лето вне домашней обстановки.

Такого подъема и удивительной преданности среди молодежи к советской власти трудно было даже ожидать.

Вся молодежь горела необычайным желанием учиться. Лозунги Владимира Ильича об обучении ребят, сказанные им на

съезде внешкольного образования, красовались во всех школах и клубах молодежи.

На редкость прекрасная осень 1919 года, после дождливого лета, была полна энтузиазма и радостных порывов к победе.

Происходившие митинги в садах, в театрах, школах привлекали тысячи молодежи.

Глядя на энтузиазм молодежи, можно было с уверенностью сказать, что враги Советов, поддерживаемые Антантой и американскими деньгами, будут биты, хотя мы не должны никогда забывать, что в это время наступала решительная схватка.

Юг Советской России находился в руках злейших врагов советской власти—деникинцев. В Сибири Колчак, при поддержке японцев и чехо-словаков, вел смертную схватку с красными войсками. Вся эта объективно тяжелая обстановка требовала всех сил и внимания фронту.

В области просвещения незаменимую услугу оказывал комсомол. Члены ВЛКСМ были всегда и везде на передовых позициях. Помню, во всех педагогических комиссиях ближайшее участие принимали тов. Пугач, Елизарова, Смирнов, Гарнов и целый ряд славных комсомольцев. Некоторые собрания членов ВЛКСМ и частные митинги с выступлениями авторитетных партработников привлекали в ряды ВЛКСМ много рабочей молодежи.

И когда был в 1920 г. издан декрет о ликвидации безграмотности, члены ВЛКСМ первые откликнулись на это. В Красно-Пресненском районе было открыто до 257 школ по ликвидации безграмотности, и только за три-четыре месяца. Пункты были открыты в клубах, в чайных, в школах и жилтовариществах,—там, где было можно занять хотя какую-либо площадь.

В борьбе с злейшим врагом на гражданском фронте, в борьбе с менее опасным врагом на фронте безграмотности пролетариат к 1921 году оказался победителем.

Эта победа дала возможность перейти от военного коммунизма к новой экономической политике.

Я. Шляпников.

ВСЕХСВЯТСКИЙ РАЙОН В ОКТЯБРЕ.

Всехсвятский район территориально небольшой, но густо заселенный фабриками и заводами.

Прежде чем говорить об организационной работе Всехсвятского района, интересно упомянуть о первом митинге в этом районе, созванном кадетско-меньшевистско-эсеровским блоком в начале революции 1917 года.

Обширная изба земской управы. На трибуне стол и скамья. Народу полно. За столом инициаторы митинга—полковник Штейн

(эсер), Часовников (кадет) и меньшевик—три отборных экземпляра. Председательствует Штейн. Не открывая собрания, предлагает сладко-вкрадчивым голосом заслушать доклады с мест:

— Ну, граждане, царя больше нет, теперь «мы» свободны, высказывайте, что у кого наболело.

Молчат рабочие. Я окинул взглядом стены, увешанные царскими, княжескими и земскими дельцами, в золотых рамах, перевел взгляд на чистенький с перевязанным зеленой лентой рукавом и золотыми погонами новенький мундирчик полковника. Так и закипело в груди. Я не сказал, а крикнул:

Всехсвятско-Петровский Ревком.

— Вы собрали рабочих в помещении, которое увешано ненавистными рабочему классу рожами!

Дальше я говорить не мог. Товарищи рабочие меня поддержали, начали снимать рамы и рвать портреты. Инициативная тройка, жалобно пропищав «пощадите хоть золотые рамы», скрылась. Митинг был сорван. Говорить перед таким президиумом что-либо деловое—бесполезно. После этого раза три созывались митинги, на которых выступал т. Усиевич.

После митингов началась организационная работа. В этой же земской избе собираются представители от всех заводов района и мелких мастерских. После краткого доклада, по распоряжению центра, организуется совет керенских времен. Председателем совета избирается товарищ Бабкин, рабочий с завода Кертинг.

Совет собирался раз в неделю. Более передовые рабочие занимались организационными работами. Первым делом организовалась ячейка РСДРП(б). Первым секретарем ее был товарищ В. Ермаков, с завода «Изолятор»; затем был организован рабочий кооператив, общество потребителей, Народный дом и т. д. К Октябрьской революции ячейка РСДРП(б) была достаточно сильна и многочисленна.

В 4 часа дня 24 октября 1917 года созывается заседание совета. Товарищ из центра делает доклад о текущем моменте, о необходимости взять власть в свои руки рабочим. На пленуме большая часть присутствующих рабочих беспартийные, но они жадно, восторженно слушают оратора и решают стойко бороться за диктатуру пролетариата. Предлагается избрать революционный комитет. Он избирается из пяти товарищей и двух кандидатов—Бабкин, Белоусов, Шигаев, Бученков и я—председателем ревкома.

Вечером ревком приступил к организации боевой дружины. В нее записывались товарищи с окружающих заводов и мелких предприятий. Огнем горели орлиные очи рабочих и крепко, до боли, сжимались мускулистые, мозолистые кулаки при словах «бить буржуев». Начальником дружины был назначен рабочий с завода «Изолятор», бывший унтер-офицер, славный и храбрый товарищ (он был убит в 1920 году на одном из фронтов). Набралось 90 человек—почти все беспартийные, но знавшие, какая партия стоит во главе их; знали они и за что они борются; им было все объяснено, а потому и их нельзя назвать иным именем, как революционеры-большевики.

Что же происходило в Москве в эту неделю борьбы с золотопогонниками? Прежде всего, добывалось оружие, строились баррикады, рылись окопы. Во Всехсвятском районе мы начали вооружаться за счет местной буржуазии, производя у последней обыски. Таким образом нам удалось достать штук 15 револьверов разных систем. Этого было мало. Тогда один из красногвардейцев, мой однофамилец, не достигший еще 17 лет, несмотря на перестрелку, идущую в Петровском лесу, в первом часу ночи предложил свои услуги сходить в Бутырский ревком за оружием. Предложение было принято, и он благополучно возвратился оттуда, неся с собою 11 итальянских штыков. Московский ревком предоставил нам несколько винтовок старого образца. Из центра в наше распоряжение был выслан автомобиль-грузовик, на котором ездили товарищи, зорко охраняя въезд и выезд по Петербургскому и Виндавскому шоссе.

Приблизительно 80 человек удалось вооружить. По просьбе Бутырского ревкома ему в помощь был выслан отряд в 30 человек. Часть товарищей несла караульную службу и охраняла район,

часть держала связь с близлежащими Пресненским и Бутырским районами.

Во Всехсвятском районе переворот проходит спокойно. Охрана ни днем, ни ночью не спит, зорко за всем наблюдая, но богачи купцы, кулаки, во время царского правительства носившие на груди черносотенные значки, притихли. Из центра доносится то ружейная стрельба, то шипящие полеты и уханье трехдюймовых снарядов. Сердце сжимается и замирает: много погибнет товарищей. Но грустные мысли сменяет радостная уверенность: а все-таки мы победим. И победили! Пролетариат победил!

В Москве спокойно. Только изредка слышится отдельная слабая перестрелка. Хочется посмотреть на Москву после пролетарской победы над той буржуазией, которая, вместе с Керенским, еще восемь месяцев тому назад мечтала о буржуазной республике, дабы окончательно поработить пролетариат.

Но впереди много работы. По приказу Московского совета необходимо организовать на новых началах (избирается 1 представитель от 25 человек) совет рабочих и солдатских депутатов; надо избрать исполнительный комитет из 12 человек (фамилии товарищей, вошедших в первый исполком, следующие: Бабкин, Эгерь, Белоусов, Платонов, Ермаков, Терехин, Тихомиров, Бученков, Шигаев, Седошкин, Шляпников (фамилию двенадцатого товарища забыл). На первом заседании исполкомом был выделен президиум для постоянных работ из 3 человек: т. Шляпников (председатель), т. Бабкина (заместитель председателя) и т. Эгерь (секретарь).

Необходимо также упомянуть о тех крайне тяжелых условиях работы, в которые был поставлен, втечение первых трех месяцев, Всехсвятско-Петровский райсовет. Дело в том, что земство, которым снабжался райсовет, с Октябрьского переворота перестало работать, а город не успел еще принять на себя его функции. Рабочие требовали от райсовета снабжения продовольствием. Президиум райсовета обратился к городу, город посылал в Московскую земскую управу, последняя—в Московскую городскую управу. Однако отовсюду поступали отрицательные ответы. Рабочее население и 90 красногвардейцев, также требовавших хлеба, голодные и подстрекаемые меньшевиками, черносотенцами и эсерами, волновались.

Исполком, обсудив положение, по собственной инициативе, предпринял крайне рискованные шаги: На Виндаво-Рыбинскую железную дорогу была послана комиссия с поручением разыскать застоявшиеся вагоны с продовольствием. В тупике, среди множества пустых вагонов, был найден целый состав с продовольствием. Начальник ближайшего полустанка дать какие бы то ни было объяснения о том, кому принадлежит этот состав, отказался. Я обратился по телефону к командующему Московским округом

т. Муралову. Изложив ему критическое положение Всехсвятско-Петровского района, я просил его разрешить воспользоваться продовольствием. Тов. Муралов разрешил, предложив 15 вагонов продовольственного транспорта переправить Красной гвардии центра. Распоряжение т. Муралова было исполнено. Положение района улучшилось. Излишек продовольствия был сдан кооперативу.

На межрайонном заседании Московского совета было постановлено Всехсвятско-Петровский район считать подрайоном Бутырского района, а через несколько месяцев был образован один Всехсвятско-Бутырский район.

Жаров.

ЗА ОРУЖИЕМ В КРЕМЛЬ.

Горячая схватка, горячие дни никогда не забываются. Умирают борцы, живут их дела. Многих нет уже с нами.

Я в то время был заведующим клубом Российской социал-демократической партии (большевиков) и членом боевой дружины Красной гвардии Пресненского района. У меня в темном чуланчике в моей квартире хранились 5 штук берданок, привезенных из центра от т. Пече. Нужно сознаться, что не было ни одного патрона к ним. Тов. Пече в то время был начальником боевой дружины, а ответственным организатором нашего района был т. Слесарев, он же Кульман, Иван Густавович. Это—один из неутомимых работников Пресненского района и один из лучших агитаторов. Не помню, какого числа было дело, но мы отправили в наши районные комиссариаты своих представителей. В то время комиссариатами заведывали эсеры, и вся инициатива исходила от них.

Конечно, на нас посмотрели косо, но после некоторых пререканий и переговоров заведующий I Пресненским комиссариатом Плевако согласился принять наших представителей, но не как инициативную группу, а просто как рабочих. «Пусть, дескать, они посидят здесь, посмотрят, как мы управляемся».

Но нашим представителям было строго вменено в обязанность следить за всеми действиями и постараться в нужный момент захватить в свои руки комиссариат, арсенал или же, вернее сказать, пирамиду и узнать, где хранятся у них патроны. В каждый из комиссариатов было послано по три представителя в одну смену, но сутки были разбиты на три смены, по 8 часов. Словом, на каждый комиссариат было откомандировано 9 человек в сутки, а комиссариатов тогда у нас было 6: 1—на Нижней Пресне, 2—на Кудринской улице, 3—у Александровского вокзала. Как я уже ранее говорил, мы очень нуждались в оружии. У нас всего было около 5—6 револьверов. Как помню, у т. Цвелева,

Н. И. большой браунинг и около 30 патронов, у т. Горикова-старшего и у т. Шеганина—наган и у меня наган и 150 патронов, которые за год до этого были привезены с фронта и подарены мне моим знакомым А. А. Коленовым. Были револьверы еще у двух товарищей, фамилии которых не припомню. Как раз в тот день, когда были поставлены наши представители в комиссариат, вечером нам сообщили, что на сахарном заводе имеется интендантский склад, на котором хранится оружие. Из дому позвонили по телефону на завод бывш. Шмидта (это рядом с сахарным заводом), там все почти правление было из рабочих, наше большевистское. Звонили тильманцам, чтобы нам оттуда подали автомобиль. У тильманцев был свой гараж. Около 5 часов вечера автомобиль был подан. Садимся на автомобиль: я, Слесарев, Гризна, Беленький, Сибирцев и т. Ивановский от Тильманса из клуба или, вернее, из райкома, который помещался в Большом Предтеченском переулке, д. 4. Едем на сахарный завод. Вызываем заведующего складом и предлагаем открыть склад. После некоторых переговоров и вызова понятых от завода склад был вскрыт и начался обыск. При обыске за исключением одного нагана и нескольких 3 линейных винтовочных патронов найдено ничего не было.

После обыска составлен был акт, и мы около 11½ часов вечера вернулись в клуб райкома, где еще шла живая работа. Только расположились за чаем, раздался телефонный звонок. К телефону подходит т. Слесарев. Тов. Пече предлагает послать в центр в штаб боевой дружины трех хорошо вооруженных и надежных товарищей. Пришлось нам отправиться вдвоем с Цвелевым около часу ночи. По дороге в центр встретился т. Шеногин, которому я объяснил, в чем дело. Придя в штаб, явились к т. Пече, который велел обождать в одной из комнат, где мы нашли уже много собравшихся товарищей из разных районов и наших двинцев. Нам пришлось прождать до часу утра, и наконец мы получили мандат ехать в Кремль, взять для Пресненского района 1 000 винтовок и 300 000 патронов. В мое распоряжение был дан грузовой автомобиль, на который с нами сели наши двинцы, около 40 человек. Поехали в Кремль, к Троицким воротам, мимо манежа, в котором в то время стояли казаки и юнкера; впереди нас шел еще один грузовик из Лефортовского, кажется, района, хорошо не припомню, позади нас шел тоже один грузовик из района, следовательно, нас шло 3 грузовика. Подъехали к Троицким воротам. Там стояли человек 5 юнкеров с винтовками. Ворота были заперты. Когда мы подъехали, то юнкера удивились. Я постучал в ворота, открылась форточка, и часовой спросил, что нам нужно. Я попросил доложить об нас комиссару т. Берзину и предъявил свой мандат. Тов. Берзин немедленно явился и приказал отворить ворота, и мы въехали в Кремль. Но когда мы стояли у ворот, то за нами еще ехал один грузовик, который юнкера остано-

вили против манежа, и потом выяснилось, этот грузовик тоже шел за оружием, и когда его остановили юнкера, он предъявил им свой мандат, в котором говорилось об отпуске 1 000 винтовок и 30 000 к ним патронов. Тогда они поняли, в чем дело и зачем туда прошли 3 грузовика, и тут же оцепили весь Кремль кольцом. Таким образом нам после погрузки выехать из Кремля было нельзя. Кремль был окружен кольцом юнкеров, которыми в то время командовал командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев. Начались переговоры с эсерами, которые в то время заседали в Городской думе и которые требовали отмены вооружения рабочих и требовали для охраны Кремля и арсенала ввести туда юнкеров. Тогда охрана Кремля и арсенала состояла из 56-го полка и одной роты 193-го полка. 56-й полк был в большинстве своем наш, большевистский, за исключением 2-й и 3-й роты, которые шли за меньшевиками; еще там была броневая команда, состоявшая из 3 броневых машин, команда эта была чисто эсеровская. В течение двух дней туда приезжали представители обеих сторон. С нашей стороны: комендант Кремля Емельян Ярославский, Муралов, Ногин, со стороны же противной я знаю только одного полковника Рябцева, но других не знаю. Из их разговоров я понял, что полковник Рябцев оттягивает время и дожидается помощи с фронта.

На второй день команда броневиков предложила нам вывезти наши нагруженные броневики. По телефону я сообщил об этом т. Ярославскому и т. Муралову; т. Ярославский ответил: «Тов. Жаров, имейте терпение, или мы оружие можем отдать в руки наших врагов». Тут я, конечно, опомнился, с кем я имею дело, и больше не стал мечтать о вывозе оружия под прикрытием эсеровских броневиков. Вечером, когда приехали Ярославский, Ногин, Аралов и Рябцев со своей сворой, мы постарались пустить среди солдат агитацию против Рябцева и компании, который оттягивал время и не хотел снять блокады с Кремля и не желал вооружения рабочих. Тогда солдатская масса под влиянием нашей агитации закричала: «Какого с ним чорта рассуждать! Ежели он не хочет снять блокады, рви его на части! Бей его!» И с бешеным ревом: «Бей его, рви его», стали напирать на них, и, может быть, не обошлось бы без жертв, ежели не окружили бы Рябцева тт. Ногин, Аралов, Ярославский, Муралов и не начали уговаривать товарищей солдат. Тогда Рябцев, видя свое безвыходное положение, согласился снять блокаду под тем условием, чтобы мы вывели из Кремля роту 193-го полка оставили на охране лишь 56-й полк. Мы с этим согласились, и делегация уехала около 10 часов вечера. Утром на третий день осады, около 6 часов, рота 193-го полка, вооруженная новенькими винтовками и нагруженная патронами, совместно с нашими двинцами, оставила стены Кремля. Действительно, я видел, что блокада в ночь была снята, но тайно

осталась, и утром, по выходе этой революционной роты, Кремль опять был охвачен юнкерским кольцом. На третий день уже делегация в Кремль не приезжала. Около 5 часов вечера нам был предъявлен ультиматум о сдаче Кремля. Мы устроили общее собрание из оставшихся с нами, на которое была приглашена команда броневиков. Последняя нам заявила: «Дело ваше, как хотите! Мы со своей стороны участия принимать в этом никакого не хотим и против своих братьев не пойдем, мы будем нейтральны». После обсуждения всех вопросов, решили Кремль юнкерам не сдавать, так как хорошо знали, что у них артиллерии нет, а имеется один только бомбомет, который нам ничего сделать не может, а у Кремля стены толстые и винтовочной пулей их не пробьешь, а у нас имелись в достаточном количестве как винтовки, так и пулеметы. Тут же мы рассыпались по стенам, нагруженные патронами и винтовками; против каждых ворот поставили по два, а где и по четыре пулемета. Около 6 часов вечера начался обстрел из бомбомета. Первая бомба перелетела весь Кремль, вторая бомба разорвалась за памятником Александра II и третья разорвалась, чуть пролетев казарму, но настолько высоко, что совершенно безвредно. Больше у них снарядов, наверное, не было. После этого началась провокация по телефону, что якобы Совет народных комиссаров в Петербурге бежал. Тогда за телефоном учредили надзор из делегатов от района, и около 11 часов вечера я отправился на Никольскую стену. На стенах у нас тоже кое-где были поставлены пулеметы и около Никольских ворот слева стоял пулемет. Тов. Берзин пошел обходить кругом стены, я остался у Никольских ворот на стене. Около 11 часов команда двинцев, которая ушла с ротой 193-го полка в Хамовники, так как полк стоял там, пробиралась из Замоскворечья в совет, и только стала подниматься в гору от Василия Блаженного, вдруг с Никольской улицы развертываются юнкера, раздается команда, за командой залп по двинцам, которые дали ответ на залп. Мы с Никольской стены по юнкерам тоже дали залпы, помнится, залпа по три. Тогда юнкера тотчас открыли огонь из пулемета, но мы все лежали на стене, кто стоял за зубцами. Пострадало с нашей стороны 5—7 человек, не более, и то раненые в ногу, так как ноги приходились против бойниц. После этого все стихло. Около часу ночи меньшевики 2-й и 3-й роты 56-го полка устроили собрание, на котором протестовали против того, что мы стреляли по юнкерам: они по нас не стреляли, а стреляли по двинцам, из-за них, дескать, пострадало их человек 7. К меньшевикам присоединилась команда броневиков и потребовала от Берзина сдачи Кремля, так как все равно юнкера возьмут Кремль силой. «Они оттуда, а мы вас отсюда из броневиков». Положение наше стало критическим: против броневиков нам бороться нечем. Бомб у нас на этот случай не было, из винтовки броневику ничего не

сделаешь. После некоторых обсуждений, Кремль пришлось сдать. Около 5 часов утра т. Берзин открыл ворота, и один из броневиков вышел в Троицкие ворота к юнкерам; под защитой броневика юнкера вошли в Кремль. Началось разоружение 56-го полка.

Мне жалко было расстаться со своим наганом, к которому я так привык. Я спрятал в отверстие печи наган и патроны. Выхожу на лестницу, слышу, раздаются бранные слова одного из юнкеров. Тут же раздается выстрел: пуля прожужжала вверх, и я бросился по лестнице бегом. Нужно заметить, что я до этого жил нелегально, у меня была отпущена борода. Сбегаю вниз, и на меня бросается юнкер, стоявший у двери, со словами: «Ты зачем сюда попал, старый чорт?» Я, действительно, тогда был похож на старика: русская шуба, широкополая шляпа и борода—вполне старик. К этому нужно прибавить, что несколько суток провел без сна. Взмахнувши ружьем, юнкер ударил меня прикладом в спину. Отворяю дверь, выхожу на крыльцо. Здесь стоит юнкерский офицер, в правой руке держит английскую гранатную бомбу. Взглянув на меня, хватает за горло: «Ага, вот красногвардеец! Ну, старый чорт, тебе, собаке, и смерть!» Замахнулся на меня этой бомбой. Но сзади меня был унтер-офицер 7-й роты 56-го полка—старенький, рыженький старикашка и говорит ему: —«Какой это, батюшка, красногвардеец? Он вчерашний день вышел только из лазарета». Тогда офицер взглянул на меня и дал толчок в шею со словами: «Ну, иди, старый чорт».

На площади уже выстраиваются обезоруженные в шеренги. Я не знаю, куда мне деваться. Становиться в строй—я в шубе и шляпе. Старичок 7-й роты не покидает меня: «Иди, становись с нами и сойдешь за солдата нашей роты».

Я стал во фронт в шеренгу. Мы выстроились против казарм, лицом к красному зданию, другая партия выстроилась около Троицких ворот, против арсенала. Напротив дверей казарм остановился тот броневик, который выходил в Троицкие ворота за юнкерами. Вот всех собрали, выстроили; времени было около $6^1/_2$ часов утра. Раздалась команда: «У кого что есть в кармане, все вынуть и держать в руках». Я вынул портсигар, кошелек с деньгами, в котором хранился мой мандат. Увидев его, я тут же засунул его в рот и съел. Затем раздалась команда: «Руки вверх! смирно!» И начался обыск. Каждого обыскали, пересмотрели, что имеется, и после обыска отошли от нас к самой стене красного здания.

Вдруг раздалась трескотня пулемета. Потом раздается голос одного из наших товарищей: «Ложись!» Все, как один человек, растянулись на холодных камнях. Я стоял шестым или седьмым с правого фланга лицом к красному зданию, от меня невдалеке прошла ближе к казарме струя свинцового дождя, подымая пыль от камней. Трескотня пулемета замолкла. Из лежавших некоторые

вскочили и бросились бежать кто в казарму, кто за орудия, а кто за пирамиды ядер, лежащих против казарм. Но некоторые из наших не побежали, а поползли. Я, в свою очередь, тоже пополз, но не прополз и двух шагов, как опять затрещали пулеметы, струя пуль пролетела от меня не более, как на аршин. Лишь только она миновала меня и пошла дальше, я вскочил и спрятался за орудиями. Вернулся на седьмые сутки. Дома и в районе меня считали расстрелянным. Но зато было и больше радости. Был жив и мы победили.

Коробочкин.

БУТЫРКИ В ОКТЯБРЕ.

Февральская революция застала меня на фронте.

Вернувшись в апреле месяце в Москву, я сделал в районном комитете доклад о состоянии и настроениях на фронте и приступил к работе по вербовке членов в партию и профсоюз на фабрике, где работал до войны (ткацкая фабрика б. Козлова).

Как фронтовик, я начал выступать на митингах, одетый в солдатскую форму. Приэтом меня несколько раз стаскивали с пьедестала памятника Пушкину, где особенно оживленно происходили летучие митинги летом 1917 года.

При выборах в районную думу я был избран гласным Петровской районной думы. При вторых перевыборах, приблизительно в сентябре месяце, во время керенщины, точно так же, по спискам комитета партии, я был проведен в гласные районной думы и в члены управы. Работал там в качестве казначея и председателя думской фракции.

Большинство в районной думе и в управе было за большевиков.

Нами велась работа на Ходынке. Первое время работать среди солдат было трудновато, но потом эту работу удалось наладить. В результате симпатии и доверие солдатской массы были привлечены к нашей партии. В этой работе на Ходынке принимали участие следующие товарищи: Сергей Багров, работавший в районном комитете, Розова, один товарищ кооператор, очень хороший и искусный агитатор (фамилии его я не помню), а также доктор Гардени, который явился к нам в комитет с просьбой дать ему работу. Первое время он очень хорошо действовал на солдатскую массу, но потом начал оказывать обратное влияние, и его пришлось перекинуть в другой район.

Июльская демонстрация.

В районную думу было избрано 30 человек, из коих 20 были членами партии большевиков, а 10 состояли членами остальных партий: один-два меньшевика, четыре эсера и четыре кадета. При

выборах в управу им не дали ни одного места, ввиду чего они вынуждены были уйти и из думы. Было очень много шума, писалось много статей по поводу Бутырского района.

Приблизительно 24 октября было созвано совещание всех представителей районных дум в Сухаревском народном доме. В районах же были созваны экстренные общие собрания членов партии, а также членов совета, из которых т. Багров Сергей сделал сообщение о подготовке юнкерами выступлений против нас. Затем был выбран единогласно военно-революционный комитет, в который вошли товарищи: Багров, Розова, Коробочкин, Торованов, Соловянц,—остальных не помню. Всего было избрано 7 человек. Во время борьбы состав военно-революционного комитета подвергся изменению и обновлению. Тогда были избраны: Багров, Коробочкин, Соловянц, Кассиор, Гончуков.

На второй день после этого собрания и выборов военно-революционный комитет на своем заседании решил остановить фабрики. Мне лично пришлось поехать на фабрику Козлова, на авиационный завод «Москва», на завод «Изолятор» и в мотоциклетные мастерские б. Ефремова. Это задание было успешно выполнено. Фабрики и заводы были остановлены и отдали себя в распоряжение военно-революционного комитета. Оружия у нас совершенно не было, за исключением штук 5-6 никуда не годных берданок. Даже и револьверы были весьма у немногих товарищей. Патронов не было совершенно. Эти берданки служили нам для практических занятий среди членов партии. На меня была возложена обязанность связаться с военными частями, расположенными в нашем районе. Это были: 2 путиловские дружины в Серебряном бору, 1 тульская дружина в Петровско-Разумовском и авиационная школа. Когда я с тов. Соловянц приехали в тульскую дружину, то первым долгом нам задали вопрос, зачем мы приехали. Тогда мы собрали дружинников и разъяснили цель нашего приезда. У них был свой дружинный комитет, председателем которого был эсер. Фамилии его не знаю. Он заявил, что до тех пор, пока не будет решения солдатской секции Московского совета, которая заседает, никакой помощи с их стороны не может быть. Но все-таки в конце концов после долгих убеждений солдаты тульской дружины заявили, что они немедленно пришлют в наше распоряжение поддержку и оружие. Действительно, часть из них явилась в Всехсвятский подрайон Бутырского района, где был создан военно-революционный комитет.

На следующий день, 25 октября, мимо нашего штаба военно-революционного комитета проехали два броневика с юнкерами. Встретить их нам было нечем. Они безнаказанно отправились в ресторан, бывший «Мавритания», расположенный рядом с нами,

где находился самокатный батальон. Оцепили его, забрали большое количество револьверов, патронов, а также часть винтовок и два сломанных пулемета. Винтовки они взяли не все, часть оставили, надеясь, что самокатчики примкнут к ним. Во время хозяйничанья юнкеров в самокатном батальоне одному из самокатчиков удалось перелезть через забор и явиться в штаб военно-революционного комитета. Он рассказал, что там делается. Мы все-таки были бессильны что-нибудь сделать. Когда они уехали, забрав с собой оружие, я, т. Боровиков и т. Лейтман Александр, направились все вместе с этим товарищем из самокатного батальона к ним, чтобы позаимствовать у них оружия. В результате переговоров нам удалось получить больше сотни винтовок и патронов, которыми мы вооружили рабочих, находящихся в штабе. Правда, народа явилось так много со всех фабрик и заводов, что негде было их разместить. Частично мы их вооружили и направили в места, где требовалась поддержка. По приказу московского военно-революционного комитета мы отправили невооруженные отряды в его распоряжение.

На второй день после своего освобождения из Бутырской тюрьмы к нам явились солдаты, так называемые «Двинцы», которые сидели за отказ итти в наступление. Они требовали в штабе военно-революционного комитета оружие, чтобы итти туда, где требовалась их помощь, потому что в нашем районе больше военных действий не было.

Для поддержания порядка в районе были высланы патрули, вследствие чего у нас в районе было более или менее благополучно. Порядок поддерживался все время. Были отдельные случаи, когда сами работницы, жены рабочих приходили с жалобами на скандалы, которые производят пьяные.

Много пришлось нам повозиться со школой авиации. Там большинство учащихся были буржуазные сынки. Их удалось уговорить с большим трудом. Они заявили, что будут держать нейтралитет и не примкнут ни к одной из борющихся сторон. Только на четвертый раз, когда я приехал туда, удалось их расколоть. Большая часть пошла за нами, а часть отправилась по своим квартирам. Отколовшимся, желавшим держать «нейтралитет» дано было понять, что если они вздумают против нас итти, мы должны будем с ними расправиться, как с врагами. Был создан школьный комитет, немедленно были поставлены свои караулы около ангаров, в результате чего ни одной летной машины противнику не удалось взять. Здесь же поставили два пулемета на легковой автомобиль. Председатель военно-революционного комитета, фамилии которого я не помню, посадил туда же пулеметчиков, сам сел в качестве шоффера и поехал в штаб военно-револю-

ционного комитета, откуда был направлен в район Долгоруковской и в Петровско-Разумовское.

К нам в штаб явилась делегация с Яхромской фабрики по Савеловской дороге и заявила свою готовность приехать в Москву и присоединиться к московским рабочим для участия в боях. Они указывали, что недалеко от них имеется броневой поезд, который также может принять участие в боях. Часть из них явилась к нам и, поскольку у нас в районе не было непосредственных боев, была направлена в центр.

Я упустил один момент. 25 октября вечером нам передают по телефону, что грузовой автомобил с юнкерами и верховыми казаками ехал по направлению бывших Николаевских казарм, теперь Октябрьских. Я и еще два товарища отправились в разведку. Когда мы зашли за остановку трамвая номер 6, то меня окликнули. Надо сказать, что мы шли цепью на порядочном расстоянии друг от друга. Я вынужден был остановиться. Арестовавший меня оказался артиллеристом. Он повел меня в Петровский дворец, где помещалась наша управа. Туда приводились все, кого арестовывали. Когда меня привели туда как арестованного, то председатель управы тов. Афонин Ефим Лаврентьевич засмеялся.

После объявления перемирия, со стороны рабочих, находившихся в распоряжении военно-революционного комитета, было очень большое недовольство. Они заявляли: если вы нас обманете этим перемирием, заключать которого не стоило, то дело может худо кончиться. Мы будем смотреть на это, как на измену. В результате действия продолжались. Несмотря на то, что было перемирие, производились аресты. Во время этого перемирия нами были посланы товарищи к Александровскому и Савеловскому вокзалам, так как мы узнали, что там заседают банды. У Александровского вокзала юнкера сделали попытку обстрелять наш отряд. Один из наших товарищей, кажется, Квесис, был ранен в ухо.

За это время наш военно-революционный комитет оказал поддержку не только центральному военно-промышленному комитету, но также и районным. Оружия здесь было в достаточном количестве. Сначала привезли одни штыки, но потом достали ручные гранаты, револьверы и винтовки. Много оружия было отобрано у арестованных.

На второй или третий день была организована Красная гвардия, начальниками которой были: т. Григорьев, И. Н., рабочий с Дукса, и т. Качалин.

Настроение рабочих было все время превосходное. Даже те рабочие, которые до Октябрьской революции выявляли себя как противники большевиков, высказывали свое несогласие с их ло-

зунгами и тактикой, когда начались бои, принимали в них самое активное участие. Я помню, например, что подмастерья нашей фабрики в период с апреля до октября очень часто высказывали угрозы по адресу большевиков, но в Октябрьский переворот они были вместе с нами на баррикадах.

Все члены ячейки участвовали. Говорить отдельно о работе ячейки в то время, конечно, не приходится, поскольку не только все члены партии, но и все рабочие принимали активное участие.

М. Иванова.

ЖЕНЩИНЫ В ОКТЯБРЕ.

(Воспоминания работницы ф-ки „Дукат“.)

Подходит февраль 1917 г.

В этот момент я работала на электро-механическом заводе «Сельсоюз».

Наступает всеобщая забастовка. Все мы, рабочие, беспартийные, ходим по улице и радуемся, что свергли самодержавие.

16 мая 1917 года я перехожу работать к «Дукату», где еще сидели у власти меньшевики.

Был уже Союз табачников, в который вступила я.

Настает Октябрь. Власть берут большевики, о которых я в то время не имела никакого понятия. Выступали у нас и большевики и меньшевики. Нам, женщинам, разбираться было очень трудно. Ячейки у нас не было. Коммунист был один—Баргамов.

Нам, женщинам, были понятны лозунги, которые выбрасывали большевики. Мы чувствовали всем сердцем, что правда на стороне этих «отчаянных» людей. И, несмотря на то, что меньшевики были уже сильны, мы, женщины, все же пошли за большевиками.

Нестерова.

Работница Шепетильн. трамвайного парка.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ РАНЕНЫМ КРАСНОГВАРДЕЙЦАМ.

Я работала в месткоме Щепетильниковского трамвайного парка г. ж. д. и состояла членом партии ВКП(б). За сентябрь месяц были усиленные заседания членов партии по подготовке к Октябрьскому перевороту. Был намечен план его проведения: в срочном порядке организовать военно-революционные комитеты на предприятиях, а также санитарные отряды. В нашем предприятии был выделен председателем Ревкома т. Тропин. Он немедленно стал организовывать Красную гвардию и женщин для участия в санитарном отряде. Работа шла очень успешно. В комитете непрерывно шло дежурство и заседания, готовились к бою.

Наш первый отряд был послан к Никитским воротам. Нача-

лись бои. Нужно было немедленно выпустить санитарные машины, которые находились против парка, в гараже. Заведующий гаражем (не помню его фамилии) очень долго препятствовал. По приказу реввоенкома т. Тропина гараж был взят в наши руки. Первыми выехали на санитарной машине шофер Быков—отец, и его сын Быков, Родионов, Ипполитов, Горохов, Нестеров, Ваня Андреев.

Первая санитарная машина была подана на Арбатскую площадь к б. Александровскому военному училищу, где была встречена пулеметами. На машине был выброшен флаг Красного креста. Перевозка раненых производилась нашим отрядом на Лесную улицу, в дом Страхового об-ва «Россия», в военный госпиталь. Всего было перевезено только в вышеуказанный госпиталь свыше 700 человек раненых. Некоторые машины возили в другие пункты. Потом наши машины были переброшены к Кремлю. Все время работали усиленным темпом до окончания боя.

Я работала в летучем отряде у Никитских ворот. Нами оказывалась первая помощь нашей Красной гвардии. Мы были снабжены предметами первой помощи. Как только наших ребят ранили, а их были сотни, мы сейчас же старались оказать им на месте первую помощь, а потом на первой попавшейся машине старались увозить в медицинский пункт.

Хочется отметить необычайную стойкость нашей Красной гвардии. Хочется вспомнить и заслуги т. Тропина (покойного), хорошего, стойкого товарища, крепкого руководителя беспартийной массой.

Е. Астафьева.

Работница ф-ки „Дукат“.

КАК Я СДЕЛАЛАСЬ КОММУНИСТКОЙ.

(Воспоминания.)

В 1917 году меня от папиросно-набивного отделения выбрали членом фабкома. Когда первоначально разогнали у нас комитет меньшевиков,—я была беспартийной. Видя, как трудно коммунистам приходилось работать, так как их работа проходила на моих глазах, я стала помогать им и часто задумывалась над тем, как бы и мне быть членом партии. Тогда я стала часто беседовать с т. Ефремовой. Она была секретарем. Она растолковала в свободную минуту, чего хотят добиться коммунисты для рабочих, и мне этого тоже хотелось, ведь и я—пролетарий.

Вот я и записалась в члены партии. Стала работать, всей душой отдаваясь партии. На партработе меня застала и революция.

В 1919 г. я была избрана помощником коменданта в рабо-

чем доме коммуны. Занималась уплотнением, водворяя рабочих на свободную площадь. Работы с уплотнением было несказанно много. Мелкая буржуазия всячески хитрила, не желая уплотняться. Но эта работа была выполнена.

Я была отправлена с отрядом «помгола» в Поволжье. Там я видела весь ужас голода и муки умирающих... «И все виноваты интервенты»,—думала я, и желании быть крепкой коммунисткой стало еще более.

М. Зиновьева.

Член бюро райкома ВКП (б) Красно-пресненского района.

ЗАБОТА О РАНЕНЫХ РАБОЧИХ.

Работая на фабрике «Дукат», помню, нас призвали к забастовке меньшевики во время правления Керенского.

Рабочие согласились. Пробастовали три недели. Меньшевики говорили, что не сдадимся, товарищи, будем стоять твердо на своем.

Помню, однажды собрали все табачные фабрики и говорят: «Придется выходить на работу». Фабриканты не идут на уступки рабочим. После 3-недельной забастовки вышли на работу голодные, холодные, а фабрику не открывают в назначенное время. Помариновали нас немного, и администрация ходит, посмеивается над нами. Потом открыли фабрику и стали работать на старых условиях. Работницам за 3 недели не заплатили, а механикам заплатили.

Так о нас заботились меньшевики. Провокация была на каждом шагу. Только несколько товарищей из большевиков стояли упорно и призывали нас к единению. В таком неверии к меньшевикам нас застала Октябрьская революция. В Октябрьские дни мы, женщины, первыми пошли за большевиками.

Никогда не забуду, как мы в дни Октября в госпитали приносили раненым рабочим папирос в подарок от работниц фабрики «Дукат». Рабочие с радостью нас встречали. Часто приходилось дежурить в штабе отряда особого назначения. Там же был районный комитет партии. Дежурили еще при ячейке фабрики. Словом, при вступлении в партию дня не хватало. Жизнь кипела «ключом». Мы не отставали в своей работе от мужчин, завоевывая себе право на равенство. Нужно было организовать, строить. Для этого много было веры в силу труда. Она не обманула.

А. Морозова.

ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ САД.

Весной 1918 года к нам, в местком кондукторов и вожатых Миусского трамвайного парка, заявились первые ласточки-дошкольницы, т. е. работники детских садов. Это была, кажется, товарищ Орлова, которая и сейчас работает в МОНО по дошкольному воспитанию, и еще какая-то старушка. Эти товарищи предложили нашему месткому организовать детский сад. Местком согласился на это и поручил всю эту работу мне. Я тогда работала кондуктором, была освобожденным членом месткома и несла обязанность товарища секретаря и члена конфликтной комиссии.

Первые собрания работниц внизу, в ожидальне кондукторов парка, были малочисленны. Нам рассказывали о значении детского сада и о возможности его организации. Работницы слушали доклад внимательно. Сами говорили мало. Много спрашивали. Боялись отдавать своих детей кому-то чужому на воспитание. В конце концов согласились организовать сад и даже вносить оплату по 12 рублей. Первое время детей было мало. Записали и приводили первыми своих детей одиночки и так называемые «солдатки», у которых дети были безнадзорные. Потом набралось до 30 человек.

Организовать-то решили, а помещения нет. После долгих поисков нам Совет дал особнячок бывшей графини Орловой-Давыдовой на Александровской площади. Этот особнячок не был приспособлен под детский сад, но он был хорош тем, что имел много комнат и усадьбу с большим садом из старых лип, акаций, дубов и фруктовых деревьев. Дети были изолированы от городского шума, и большинство впервые получило возможность пользоваться такими прекрасными условиями. Дети были в восторге: ловили бабочек, рвали цветы и позже—земляничку. Мебель для детей мы переделали из столов и скамей бывшего у нас лазарета. Конечно, эта мебель не была хорошо отделана и окрашена, но нужно было видеть радость детей, когда они впервые садились на эти стульчики и табуреточки, сделанные по их росту. На первое время мебели для всех нехватало. Дети ссорились и не хотели садиться за большие столы. Но это было первые дни. Потом мебель сделали для всех.

Сами матери шили им фартучки из мануфактуры, отпущенной месткомом. Для каждого ребенка было по 2 полотенца. Стирку этих фартучков и полотенцев взяли на себя матери. Организовали дежурства из матерей в помощь руководительницам. С мая 1918 года наш сад рабочих и служащих Миусского трамвайного парка, за № 1 Сущево-марьинского района начал свою работу. Косо

посмотрели на наш детский сад обыватели из «буржуев» соседнего дома. Не хотели признавать нас за хозяев в усадьбе бывшей «графини». Все меры принимали, чтобы выжить нас оттуда. Своих детей не пускали близко к нашим. При возможности дразнили наших ребят большевиками, цап-царап. Но выжить нас им не пришлось,—мы постепенно крепли. Трудно было проложить этот первый путь: побороть косность родителей и вражду соседей—«бывших людей», но очень скоро работницы района поняли пользу этих учреждений и покончили с предрассудками и «бывшими людьми».

К 1921 году по Красно-пресненскому району уже было 64 детских сада и 5 детских домов, которые организовались силами самих работниц и делегаток. В апреле 1919 года МОНО организовало первые курсы дошкольниц из работниц на Мясницкой, в Зачатьевском переулке с шестинедельным курсом, где обучалось до 50 человек делегаток.

Конечно, за 6 недель много не узнаешь, но и все то, что мы узнали, для нас было ново, интересно и полезно. Так вырос наш первый сад для рабочих детей, в Красно-пресненском районе, а с ним вместе выросли и руководители-работницы.

Яржембковский

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Я узнал о Февральской революции, будучи солдатом-чертежником управления авиации юго-западного фронта, подслушав разговор двух начальников. Лишь через несколько дней стало известно официальное отречение Николая. В полку сразу же вспыхнула новая радостная жизнь, но говорить об этом как-то боялись.

Перед выборами в Учредительное собрание были предвыборные собрания солдат, на которых долго говорили за список № 12 (большевиков) и все как будто соглашались. Потом сейчас же выйдет украинец и скажет: «Товарищи, голосуйте на перши идущий за всих», и опять аплодисменты, и опять соглашаются, и так несколько раз. Это обстоятельство как нельзя лучше доказывало, что солдаты были плохо политически развиты.

Вот как я стал коммунистом. Работая председателем ротного комитета, однажды другой член полкового комитета стал меня стыдить, почему я беспартийный. Для ознакомления с партией посоветовал ходить на собрания с.-р. в Пушкинский дом, в городе Каменец-Подольске.

Когда я пришел на собрание, то увидел большинство офицеров и чиновников. После этого я задумался и понял, что партия большевиков—это не та, которая руководится офицерами и барскими сынками. В той партии нам, солдатам, делать нечего. Через неделю я имел билет ВКП(б).

Ярко остались в памяти моменты фронтовой жизни. Перед глазами проходят воспоминания об иностранцах, преимущественно рабочих, переходивших к нам в плен. Они были радостные, пели революционные песни, и многие из них выражали желание остаться на фронте и сражаться в рядах Красной армии. Восставший и перешедший к нам русский полк с батареей и вспомогательными частями всего онежского направления тотчас же повернул штыки и вместе с Красной армией продолжал борьбу. Нет возможности описать той радостной дружеской встречи красноармейцев и солдат, только что бывших в белой армии.

Сразу же после начала хозяйствования северного правительства Марушевского и иностранцев, на Красную армию все рабочие

и крестьяне смотрели как на освободительницу и избавительницу от гнета русской и иностранной буржуазии.

Буржуазия севера, под напором масс и надеясь избавиться от нежелательного элемента, разрешила записываться желающим для отправления на советскую территорию. Записавшихся было несколько тысяч, разрешение получили лишь около 300 человек. После издевательства их отправили через позиции и вот каким образом: вблизи разъезда Емцы, едва только стали подходить они к своим позициям, по ним был открыт ураганный артиллерийский огонь, и давлением воздуха их отбросило под

Революционный Комитет б. Александровской жел. дороги.

откос, где к их благополучию оказался как раз железнодорожный мостик, под которым им и удалось спастись, отделавшись лишь некоторыми слабыми контузиями, после чего высланные парламентеры не были приняты. Обойдя окопы и возвратясь в штаб бригады, беседуя с комиссаром бригады т. Мендельштамом, сообщают с боевого участка, что белогвардейцы выгнали на нейтральную зону толпу и предупредили, что, ежели большевики вас в полчаса не уберут, мы артиллерией вас расстреляем. Мы немедленно были на позиции и пропустили по ж.-д. полотну 280 или 380 человек (не помню точно) на разъезд Емцы в приго-

товленный позд. Не могу описать восторга и радости принятых. Местное население всюду окружало поезд и с негодованием слушало об издевательствах белогвардейцев над мирным населением.

Т.т. Романов (Лапотко), Егоров П. С.
Зуев Е. В., Самарин А. И., Розанов Е. Н.,
Лебедев Е. Ф., Герасимов, Тихонов Н.,
Богачев Л., Яремин С.

Участники захвата Александровской ж. д.

ОКТЯБРЬ НА БЫВШЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ Ж. Д.

В месяцы, непосредственно предшествовавшие Октябрю, когда эсеровщина захлестывала страну, вся административная власть на Александровской ж. д. фактически находилась в руках эсеров и меньшевиков. «Революционная» власть мирно уживалась с махрово-черносотенными элементами управления дороги, которые хотя и не мирились с падением царизма, но поддерживали эсеров в целях сохранения своего положения.

Существовавшая в железнодорожных мастерских до июля месяца организация большевиков частью была арестована, частью выброшена с дороги, а оставшаяся группа была терроризована, находясь на полулегальном положении. Несмотря на все эти трудности, рабочие-большевики продолжали неустанно вести работу по разъяснению политики эсеров и меньшевиков, разоблачая их подлинную сущность—прислужников буржуазии. Результаты начали сказываться. Росли симпатии к большевикам, группа численно увеличивалась, в то время как подрывались авторитет и доверие рабочих к эсерам и меньшевикам.

Когда в первой половине октября на собрании партийного актива московской организации решено было немедленно приступить к созданию революционных комитетов в районах и на местах, большевики Александровской дороги выбрали революционную пятерку: тт. Романова (Лапотко), Егорова, Баклунова, Кураева и Константинова.

Для придания авторитета пятерке как органу революционной власти 24 октября созвано было общее собрание рабочих в сборном цехе. На собрании, выступившие большевики, тт. Егоров, Романов, Баклунов, ознакомили рабочих со создавшимся серьезным для советов положением в связи с выступлением генерала Каледина на юге и с готовящимся контрреволюционным пе-

реворотом в Петрограде. Революционная пятерка была утверждена собранием рабочих, как руководящая политическая организация. С первого же дня создания ревпятерки были приняты меры к усилению влияния большевиков на рабочие массы и на руководящие организации дороги.

Наиболее сильными массовыми организациями являлись Главный дорожный комитет профсоюзов в Москве и районные комитеты на линии дороги, руководимые меньшевиками и эсерами. Для завоевания большевистского влияния в Главном дорожном комитете необходимо было влить революционную пятерку в состав последнего. Соглашательский комитет после бурного заседания, на котором ревпятерка потребовала своего включения и решающих прав, принужден был выдать мандаты.

События в Москве быстро назревали. В ночь с 24 на 25 октября начались уличные бои. Александровская дорога в то время имела особое значение для исхода развивающихся в Москве событий, так как она могла послужить предметом связи и продвижения контрреволюционных сил с западного фронта. При таких условиях ревпятерке пришлось ориентироваться быстро, принимая решительные меры. Необходимо было захватить во что бы то ни стало власть на дороге и встать во главе управления. Задача была нелегкая. Оружия не было, в распоряжении пятерки имелись два нагана и два браунинга. Для приобретения оружия член ревпятерки т. Романов (Лапотко) отправился в Моссовет. Однако оружия получить не удалось, так как белогвардейцы начали наступление на Моссовет, и оружие было роздано рабочим, пришедшим защищать совет. В тот же день ревпятерка совместно с рабочими-партийцами и беспартийными, сочувствующими большевикам, решили захватить вокзал при помощи наличного оружия. Группа направилась в комендантское управление. Начальником милиции дороги был тогда эсер Беднов, успевший бежать до начала событий. Находящемуся в комендантском управлении начальнику милиции эсеру Жуку предъявлено было требование выдать имеющееся в его распоряжении оружие, сложить полномочия и освободить помещение. Недоумевая, Жук принял заявление ревпятерки за шутку. Тогда ему было предложено в категорической форме выполнить требование. Находившиеся в помещении два милиционера отнеслись к этому безучастно. Убедившись в серьезности этого ультиматума, Жук направился в подвальное помещение, где хранилось оружие. Там было около 130 штук винтовок, из коих 70 без затворов. (Как потом выяснилось, эсер Беднов успел выдать оружие, имевшееся на вокзале, главным образом, револьверы, членам своей организации.) По возвращении в помещение комендатуры, Жук, улучив момент, сбежал. Революционная группа продолжала захват вокзала: заняли канцелярию начальника передвижения войск и цен-

тральный телеграф, где был поставлен контроль для проверки проходящих телеграмм. На утро 25 октября по всей линии Александровской дороги был дан телеграфный приказ-сообщение: «Дорога находится в руках большевиков, во главе управления находится революционная пятерка, старые распоряжения считать недействительными и к обязательному исполнению подлежат распоряжения ревкома». Вслед дано было второе распоряжение: «Закрепить созданные по линии ревкомы, а где их нет—таковые организовать». Таким путем была захвачена большевиками власть на Александровской железной дороге.

Теперь появилась необходимость в расширении ревпятерки для большего охвата работы на дороге. В ночь с 26 на 27 октября был созван революционный актив (большевики и отдельные беспартийные рабочие), на котором революционный комитет был расширен. В состав оформленного ревкома вошла старая пятерка и тт.: Тихонов, Волков, Полонский, Богачев, Алексеев-Владимиров и Михайлов.

Захват одной дороги силами одной пятерки был бы невозможен, если бы в дни боев вокруг пятерки не начали группироваться не только рабочие-партийцы, но и беспартийные. К моменту оформления революционного комитета эта группа насчитывала 45 человек. Революционным комитетом был организован штаб Красной гвардии, в который вошли тт.: Волков, Краснов, Самарин, Горохов и Зуев. Красногвардейцами ж. д. были следующие товарищи: Тихонов Н. Ф., Волков П. П., Зуев Е. В., Самарин А. И., Уваров Ф., Баклунов И. А., Егоров П. С., Николаев-Розанов Е. И., Бакунов П. А., Алексеев-Владимиров И. А., Герасимов, Ушатинский Н., Широков Н., Константинов, Кураев В., Артемов С., Богачев Л. В., Романов (Лапотко), Михайлов Н., Полонский В. М., Полонская Е. И., Товстыко, Ильичев, Гунько, Краснов-Ракчеев, Демин В., Лебедев Г., Евстигнеев П., Жуков В., Крылов, Столяров, Дианов В. Г., Гололобов, Горохов, Судаков, Лисовский, Еремин, Прибитковский, Афанасьев, Клемошов, Силаев, Баскаков, Куликов, Каеткин, Карлов и Кубишев.

Ревком работал под непосредственным руководством Центрального революционного штаба при Моссовете. Тесная связь поддерживалась с другими районными комитетами: Сущевско-Марьинским, Московско-Киево-Воронежской ж. д. и другими. Благодаря этой связи удавалось доставать оружие: так, Сущевско-Марьинский комитет несколько раз присылал отряды красногвардейцев. 27 октября для вооружения Красной гвардии ревком получил 100 винтовок. До сих пор вооружение было случайное—у многих либо вовсе не было оружия, либо не было патронов. Во время раздачи винтовок красногвардейцам произошел следующий эпизод: группа белогвардейцев ворвалась в помещение вокзала и начала обстрел красногвардейцев, последние бросились

раскрывать патронные ящики, но патроны оказались «нагановские». Произошло некоторое замешательство, но вскоре нападение было отбито.

В тот же день ревком получил сведения, что с западного фронта генералом Духониным направлены в Москву 16 эшелонов войск для подкрепления юнкеров. Необходимо было во что бы то ни стало не допустить ни одного эшелона в Москву. Положение сделалось тревожно-опасным, когда ревком станции Вязьмы стал забрасывать телеграммами, сущность которых сводилась к следующему: «К станции Вязьма стягиваются значительные силы противника, прибыло 7 (в последующих извещениях 11—12) эшелонов хорошо вооруженных улан и казаков. Есть артиллерия. Все двигаются на Москву. Настроение враждебное. Просьба принять срочные меры».

Ревком вошел в телеграфную связь с представителями воинского комитета, прибывших в Вязьму частей, но к аппарату подходили офицеры, которые отвечали уклончиво и двусмысленно: «Мы едем в Москву, чтобы внести успокоение». Что было делать? Дать при наличии 100 винтовок бой—означало бы заранее предоставить возможность войскам войти в Москву. Революционный комитет, учитывая создавшееся положение, потребовал от Викжеля (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), игравшего в то время большую роль как руководящий орган железнодорожников, дать распоряжение о недопущении эшелонов в Москву. После продолжительных переговоров ревкому удалось сломить «нейтральность» Викжеля. Викжель выразил согласие не допускать эшелонов в город, но допустить до станции Одинцово, находящейся в 23 верстах, что равносильно было пропуску эшелонов в Москву (лишнее доказательство «нейтральности» Викжеля). Не доверяя Викжелю, необходимо было выиграть время, т. е. разобрать пути. По телефону ревком отдает приказ Можайскому ревкому разобрать пути возможно дальше от Можайска и на возможно большем протяжении. И одновременно командирует представителей для переговоров с частями. По приезде в Можайск представители ревкома выяснили, что т. Лебедев, предревкома Можайска, уже принял меры к разборке путей. На значительном расстоянии пути были разобраны, и для пропуска поезда ревкома пришлось снова восстановить и снова разобрать.

Встреча с эшелонами произошла на станции Гжатск. На созванном собрании комитета воинских частей выяснилось, что войска были обмануты командным составом. Решено было послать делегацию в Москву, а частям ждать ответа в Гжатске. Когда делегация, состоявшая из офицеров и солдат, прибыла в Москву, ревком обезоружил офицеров и направил их совместно с солдатами в распоряжение т. Муралова, который офицеров арестовал,

а солдат, ознакомив с происходящими событиями в Москве, снабдил литературой и отправил обратно в Гжатск. Оставшиеся в Гжатске части рассеялись по деревням в окрестностях Гжатска— Вязьма, а частью возвратились на фронт. Только один эшелон, состоящий из мортирного казачьего дивизиона с пулеметами, решил прорваться в Москву. Ревком узнал об этом, когда эшелон приближался к станции Москва-товарная. Под видом маневров удалось задержать эшелон на товарной станции, и лишь к 1-му часу ночи он был пропущен на пассажирскую станцию, где был встречен красногвардейцами и матросским отрядом, присланными из центрального штаба, окружен и разоружен без сопротивления. Казаков отправили в Московский ревком. Так революционные рабочие Александровской железной дороги встретили казаков и уланов, направленных генералом Духониным для расправы с пролетариатом Москвы.

Несмотря на все трудности в работе Военревкома, он сумел сплотить вокруг себя активных и преданных революции бойцов— рабочих Александровской ж. д., сумел создать Красную гвардию, при помощи которой удалось захватить один из наиболее важных стратегических пунктов.

Баклунов

„НАШ ПАРОВОЗ ЛЕТИТ ВПЕРЕД...“

(Воспоминания рабочего Александровской ж. д.)

Помню, как после июльских дней началось брожение в умах рабочих московских ж.-д. мастерских Александровской ж. д. чтобы быть готовыми к великой борьбе. Я был в это время членом батальонного комитета и членом месткома.

24 числа у нас был громаднейший митинг на всех паровозах. Со всех участков, охватывающих этот район, были собраны рабочие. Тут были и стрелочники, и машинисты, и кочегары, и другие. Вопрос был поставлен ребром. Выступали Ломов, Зимин. Мы говорили: «Кто не с нами, тот против нас». Положили выбрать революционную пятерку. Сначала масса долго вела среднюю линию. Выступали меньшевики и эсеры. В конце концов победа была за нами.

Наша революционная пятерка зашевелилась как следует. Мы получили по револьверу и сейчас же бросились разоружать милицию. Беда была в том, что ребята наши не умели стрелять. Притащили винтовки, стали учиться. Достали несколько маузеров, затем патроны. В это время бой разгорелся. Открылся огонь, и наши красногвардейцы стали отступать, а потом пошли цепью, и наступление кончилось.

К нам стали прибывать солдаты, мы давали им винтовки без всякой боязни. Затем связались с Московским революционным комитетом и все время наблюдали за движением телефонного и

телеграфного сообщения. Всюду мы поставили вооруженные силы. Помимо этого мы связались с Можайским исполкомом и по всей линии расставили своих товарищей, с которыми мы договорились секретными знаками. Большую работу мы делали в сохранении транспорта. Здесь была работа очень трудной, так как подвозилось очень много взрывчатых веществ и опасность всегда была велика.

Александров.

Вагоновожатый Миусского парка

ЗА ВИНТОВКАМИ.

Это было 25 октября 1917 года ночью. Я возвратился из армии, где я был на службе в первом запасном телеграфном батальоне, и уже работал при Миусском парке, как вожатый № 27. В эту ночь по постановлению местного комитета, я, Варфоломеев, вожатый Павлушин И. И. и покойный ныне т. Тропинин должны были отправиться в совет на Скобелевской площади для получения винтовок для обороны Сущевско-Марьинского района. Взяли мы мотор № 463 Миусского парка, и около 11 часов ночи поехали. Кругом все было тихо. Варфоломеев вел вагон, я с Павлушиным стояли на передней площадке.

Когда мы подъехали к Страстной площади, нас остановил какой-то человек в форме солдата и спрашивает:

— Куда мы едем?

Я ему ответил.

— За винтовками в совет—к Столешникову переулку.

Человек нам сказал:

— Вы туда не проедете, так как там уже стоит броневик с юнкерами.

Варфоломеев поехал на Дмитровку, а я с т. Павлушиным пошли по Тверской в совет за винтовками. Пришли. Предъявили свои мандаты.

Товарищ, выдававший из цейхгауза винтовки, спрашивает нас:

— На чем же вы повезете винтовки?

Я ему сказал о вагоне.

Я вышел из совета и пошел вниз по Столешникову переулку, где увидел стоящий броневик и вокруг него цепь юнкеров. Я был в солдатской шинели, меня один из юнкеров спрашивает:

— Откуда?

— Из школы прапорщиков,—ответил я не робея.

— Иди в Кремль, там всем дают обязанности и назначения,— заявил он.

Я прошел мимо броневика на Дмитровку и потом через Кузнецкий переулок снова на Тверскую в совет. Пришлось согласиться, что вагон пройти не может и винтовки везти нельзя. Когда я вернулся в совет и сообщил об этом товарищу, выдававшему винтовки, он предложил мне подождать до утра. Часов около 12 ночи из Александровских казарм к совету прибыл Двинский полк. У них была стычка в штыковую с юнкерами на Москворецком мосту и вплоть до храма Василия Блаженного, где обе стороны имели потери. Все штыки были в крови.

С их прибытием началась лихорадочная работа по формированию отрядов. Мне было предложено организовать боевую единицу Красной гвардии и занять Никитскую улицу. Я выбрал 100 человек. Ребята все здоровые. Большинство из них боевые. Получился отряд Красной гвардии. Заняли всю Никитскую улицу и простояли всю ночь, не подпуская близко юнкеров. Утром со стороны Тверской до нас донеслась пальба. Из совета прибежал бывший прапорщик т. Вяземский и повел нас в совет. Так как броневик обстреливал совет, то у нас завязалась перестрелка и броневик разбил все окна и карниз. В это время к нам на подмогу явилась наша артиллерия. Был дан залп по броневику, и броневик моментально прекратил стрельбу и удрал через Столешников переулок. С артиллерией настроение стало совсем другое, обсмотрелись, расставили кругом караул, выслали разведку и начали держать связь с другими отрядами Красной гвардии, оперировавшими в других частях Москвы. Дальше военные события пошли своим чередом, события, которые, я полагаю, опишут другие товарищи, участники боев Великой Октябрьской Революции.

В. Павлушин.

Вагоновожатый Щепетиловского парка.

ДОСТАЛИ ОРУЖИЕ.

Меня и Кабанкова из Московского совета направили для связи в Сокольнический район. Нам дали задание узнать настроение масс, о вооружении и численности боевых дружин и поручили просить Сокольнический совет, если имеется в их распоряжении какое оружие, то направлять в распоряжение Московского военного революционного Комитета. Мы отправились по назначению. Вечером моросил дождичек. Было темно. Проходим через Страстную площадь,—наши трехдюймовки обстреливают Никитские ворота. Словом, когда пришли в Сокольнический совет, то председателю (фамилию его не помню) обрисовали то положение, которое

было в центре. Он тоже в свою очередь рассказал нам, как у них идут дела. Главная наша вадача была—просить оружия. Он был очень рад нашему приходу и вкратце обрисовал взятие ими у юнкеров рязанской товарной станции 8 вагонов винтовок, патронов и др. рода оружия. Тут же были два грузовика, которые взяли и поехали грузить винтовки и патроны. Снабдил прспусками и людьми 10-15 человек. Погрузивши патроны и винтовки, мы направились через Каланчевскую площадь и по Садовой через Сухаревскую площадь. На Каретно-Садовой из большого 9-этажного дома нас обстреляли, но к счастью никого не убили. Один был легко ранен в руку. Когда приехали в совет, то тут же роздали всем красногвардейцам винтовки и патроны. Все отряды были направлены на Тверской бульвар. Разместившись частью по бульвару и на тротуарах левой стороны от Страстной площади, мы пробыли так до утра, отстреливаясь от наседавших юнкеров. На другой день загорелся от снарядов дом быв. Коробкова. Брат заболел воспалением легких, и мне пришлось вести его в лазарет.

КАК МЫ ВСТУПИЛИ В РЕВОЛЮЦИЮ

В. Петрокас.

Бывш. кладовщик завода „Самоточка“,

В ОГНЕ СНАРЯДОВ.

Февральский переворот нашим заводом, бывш. Тильманса, был встречен с большим воодушевлением. Весь завод высыпал на улицу под руководством нашего рабочего т. Иванова, и мы направились останавливать заводы. Первым мы остановили сахарный завод. Затем направились в бывш. завод Всероссийского земского союза, где рабочие также бросили работу и присоединились к нам. Третьим был остановлен завод бывш. Мамонтова.

Моментально были организованы почти ничем не вооруженные группы рабочих, которые пошли разоружать полицию. Полиция отдавала оружие без всякого сопротивления.

Мы понемногу стали вооружаться, кто шашкой, кто револьвером. Еще больше нас ободрили вести, что солдаты переходят на сторону восставших. Наши товарищи с завода разбились по разным группам. Некоторые ходили на Ходынку, мне же пришлось быть в группе, которая направилась к Спасским казармам.

Спустя несколько дней мы приступили опять к работе. Так как наш завод был революционный, то мы должны были нести караул, т. е. охранять его по ночам. Шли слухи, что завод хотят взорвать. На нашем заводе, на одном из первых по всей Пресне, был избран заводский комитет, куда вошли тт. Иванов, Шапочкин и др.

После ряда митингов, на которых представители партий пытались завербовать рабочих себе, был последний митинг, после которого рабочие пошли за большевиками, и сразу же записалось в партию около 50 человек.

Были намечены от каждого десятка представители в районный комитет. В числе выбранных был и я. Работа у нас была самая оживленная. Мы выступали везде против займа свободы.

Большая работа проделана нами была по выбору в думу. На мою долю выпало быть представителем в избирательный комитет от большевиков в районе (Тестов пос.) Ермаковской рощи, Черноградской слободы и поселка Студенец.

Все товарищи работали, как можно выразиться, до пота лица. Не было ни одного собрания в нашем районе, где бы мы, узнав,

что есть митинг, не принимали бы активного участия. Мы постепенно стали завоевывать у рабочих симпатии и наша партия стала постепенно расти. Уже в первомайском празднике мы имели много заводов, которые шли под нашим лозунгом.

В районном комитете стали организовывать Красную гвардию, в которую почти все товарищи вступили, как один. Активное участие проявили в организации Красной гвардии тт. Попов, Жаров и много других товарищей.

Время становилось все напряженнее и мы все чего-то ждали.

Октябрьский переворот нас не застал врасплох. Помню, когда мы пришли на завод утром и не приступили к работе, нам объявили, чтобы мы направились в Московский совет—там юнкера выступили. Моментально мы большой группой, под руководством т. Щепочина, направились в Московский совет, где уже работа кипела. Когда мы вошли туда, то нас встретили товарищи возгласами «наконец тильманцы пришли». Получив оружие, моментально нас разбили по группам. Мне пришлось попасть в группу т. Щепочина и мы заняли охрану совета на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки. Здесь у нас была первая стычка с юнкерами. Они подошли к нам со стороны Страстного бульвара и начали нас обстреливать, но, так как мы все почти были вооружены берданками, мы открыли по ним огонь. Артиллеристы, стоявшие на бывш. Скобелевской площади у орудий, не разобрав в чем дело, начали стрелять вдоль Столешникова пер. по нас и мы очутились в перекрестном огне. После разобрались в чем дело. Мы ругали артиллеристов, а они нас—зачем мы их не предупредили.

Простояв до темноты, нас сменили, но отдыхать не пришлось, так как нас послали охранять, т. е. сидеть на крыше (б. гостиницы Дрезден). Утром чуть свет нас сняли. Оттуда мы пошли к Большому театру.

Дойдя до театра мы разбились на две группы: одна пошла занимать Мюр и Мерилиз, а мы в Большой театр.

Устроив себе баррикады из дров между Большим театром и театром Незлобина, мы начали обстреливать Метрополь и Китай-город, а главное—церковь, где был установлен пулемет.

Мы были очень голодны. Мы послали двух товарищей просить нас заменить, и нам через несколько времени дали смену. Придя в совет, я не нашел там наших товарищей с завода. Оказалось, что они все постепенно ушли на Пресню, где уже шли сильные бои. Случайно я нашел одного товарища с нашего завода, и мы решили тоже итти на Пресню.

Получив пропуска, мы пошли по Тверской. Но, дойдя до Страстной площади, мы узнали, что у Никитских ворот идут бои, и мы направились туда.

Придя туда, мы узнали, что юнкера сидят в редакции «Газета

для всех» и в кино «Унион», а наши сидят в аптеке и переулке. Тогда я посоветовался с некоторыми товарищами и решил сбегать на Страстную пл., где стояла артиллерия и попросить их выпустить из орудий по редакции несколько снарядов, чтобы выбить оттуда юнкеров.

После переговоров один артиллерист согласился. Когда он выпустил первый снаряд по редакции, то оказалось, что он не попал куда метил, а попал в аптеку, где сидели наши и оттуда хлынул дым. Оказалось, что аптека загорелась. Придя к Никитским воротам, я застал горящую аптеку. Здесь нужно сказать, что некоторые рабочие проявили себя очень храбро; надев на рукава красный крест, под обстрелом рабочие выносили на носилках раненых и нераненых. Им таким образом удалось вынести из аптеки пулеметы и всех товарищей.

Мы должны были отступить на площадь. Но так как к нам прибыло подкрепление, то дело изменилось. Мы стали постепенно выбивать из домов юнкеров и занимать эти улицы. Наше наступление было прервано, так как со стороны Новинского бульвара подкатил броневой автомобиль, и мы попрятались. Но он не дошел до Кудринской площади. Мы опять собрались и решили сделать баррикады по Новинскому бульвару. Наши силы постепенно увеличивались. К нам все больше и больше стало прибывать рабочих и солдат. Нас разбили на три группы. Одни пошли по Никитской, другие с Поварской, а третьи, к которым я попал, по Новинскому бульвару. Дойдя до Арбата, мы не встретили никакого сопротивления. На Арбате в нас стал палить броневик. Из окон по нас тоже стали стрелять. Ворота везде были закрыты, и нам негде было укрыться. Я очутился на дворе какого-то дома, откуда через забор мне удалось перелезть в соседний двор и тем самым спастись.

Придя в штаб, я так устал, что снопом свалился и лег в углу. Я уснул так крепко, что меня насилу разбудил т. Демкин, с нашего завода. Когда мы с ним вышли на двор, то уже стали водить юнкеров, которые уже начали сдаваться. Оказалось, что мир был заключен.

И. Шевченко.

Токарь завода „Самоточка".

СОЛДАТЫ И КАЗАКИ С НАМИ.

(Воспоминания рабочего.)

Ранняя весна. Природа еще не проснулась после долгой зимней спячки, а среди учащейся молодежи уже чувствовалось что-то новое, задорное. Всеми что-то ожидалось.

Я в это время занимался в чертежном кружке при универ-

ситете имени Шанявского. Вечером, придя на занятия, я увидел, что в коридорах, в аудиториях—всюду было очень много молодежи, но никто не занимался, а как-то особенно весело шумели, и в глазах блестело что-то новое, радостное. Я сразу догадался, что что-то случилось. Вдруг по рукам пошла бумажка. Смотрю, и глазам не верю: сообщение от Петроградского комитета партии, что в городе восстание, почта в руках рабочих, войско переходит на сторону народа, выбраны депутаты от рабочих.

Я долго пробыл в тот вечер в университете. На собрании решено было утром следующего дня поднять Москву.

Утром я раньше, чем следует, пришел на свой завод «Самоточка» и все рассказал товарищам рабочим и мы прочитали полученную мною в университете бумажку с сообщением о Петрограде.

Решено было итти на Воскресенскую площадь. В мгновение ока все собрались, выкинули, у кого имелись, красные носовые платки вместо флагов и с пением революционных песен двинулись к патронному заводу, на котором нас встретили рабочие, бросившие тоже работу и намеревающиеся итти в центр. Мы слились и вместе пошли.

Подошли к Тихвинской улице. Здесь нас встретил наряд полиции и заставил убрать красные платки и разойтись. Пришлось уступить силе. Но мы не разошлись, а поодиночке решили итти. В центре у городской думы уже шло обсуждение, что нужно сделать.

Результаты совещания объявили: Спасские казармы—самые надежные; на Ходынке артиллерийская бригада—тоже с нами, и решено было итти к ним. Собравшиеся разделились на две партии и пошли: одна на Ходынку, а другая—на Сухаревку. Я тоже пошел на Сухаревку. На Сретенке во все время нашего пути нам кричали из окон, с балконов: «Да здравствует народ»., «Долой кровавого Николая»... Улица была украшена красными флагами. Пришли на площадь.

Ворота казарменного двора были открыты. Происходило учение солдат. На дворе солдаты учились с винтовками. На винтовках штыки. В казармах ничего не знали. Мы вошли в ворота и смешались с солдатами. Учение прекратилось. Начальство стало протестовать. Мы объяснили в чем дело. Казармы тотчас же были заперты на замок. Стали требовать, чтобы мы очистили двор, но никто не слушал. Мальчишки моментально по деревьям взялись за передачу литературы солдатам в окна. Многие студенты через окна проникли в казармы.

Казармы зашумели. С верхних этажей солдаты спускали веревки, а на эти веревки внизу навязывали листовки и передавали вверх солдатам.

Вдруг раздался крик: «Что там... смотрите...»

В глубине двора показались солдаты с винтовками, с офицером во главе.

Народ дрогнул, но стоял. Солдаты тоже стали. Приготовились. Толпа стихла, но не бежит. Раздался залп... Мы легли. Задние ряды побежали... Опять залп. «Товарищи, стойте,—кричит солдат, высунувшись до половины в окно,—стреляют холостыми. У нас ни у кого нет ни одного патрона». Толпа опять стала приливать. Отперли казармы, и солдаты вышли на двор с винтовками.

Появился седой старик в офицерском мундире. Он что-то говорил долго, восторженно. Ему отвечали: «Умрем за народ».

Я расслышал только конец его речи: «Да здравствует народная армия».

По его команде солдаты выстроились с винтовками и штыками и вышли со двора на площадь. Мы тоже построились в ряды и пошли за солдатами по направлению к Красным воротам. Шли недолго, как раздался крик: «Казаки!»

Толпа насторожилась, так как от Красных ворот скакали казаки на лошадях. Мы замерли. Наш седой герой остановил солдат, приготовился встретить конницу и обратился к нам с призывом не отступать. Мы стали готовиться. Мигом была разобрана мостовая, и все вооружились камнями.

Вдруг... казаки, не доезжая шагов десяти, лихо осадили коней и кричат «да здравствует народ!»

Камни из рук сами выпали, штыки опустились. Толпа онемела. Только кровь в висках сильно стучала. Наш старик кричит: «товарищи, они с нами, значит, за народ!»

Казаков обступили, любовно гладят их коней. Они слезли с коней и жмут руки рабочих и целуются.

При воспоминании этих незабываемых минут и сейчас сердце замирает от восторга.

Одно мгновение—и казаки опять на конях. Солдаты в ряд. Дружно, без песен и разговора пришли мы к думе.

И. Приходский.

КАК МЫ ВСТРЕТИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ.

(Воспоминания быв. солдата.)

Это было 4 марта 1917 года в Турции в г. Эрзинджане.

Около 10 часов утра в небольшой комнате строевого отдела штаба одного из корпусов кавказской армии внезапно поднялась суматоха: толпились возле дежурного писаря разных отделов штаба, вестовые, денщики, и солдаты маршевых рот. Дежурный

Группа активных участников Октябрьской революции на Красной Пресне. Фабрика Трехгорная м-ра.

торопливо и волнуясь, читал им телеграмму о том, что в России совершилась революция.

Как только содержание телеграммы стало известно находившимся в комнате солдатам, оглушительное «ура» волною пронеслось по всем комнатам здания.

Усиливалась суматоха. «Ура» кричали, не смолкая, целовались друг с другом солдаты, а те из них, которые получили коекакую революционную шлифовку во время войны, и заброшенные судьбою среди них старые революционеры, как один, призывали своих товарищей к оружию для защиты революции.

Один из писарских учеников, рядовой солдат, по фамилии Жуков, в порыве радости вскочил на стоявший у стены стол и, протянувши руки кверху, схватил портрет царя и с невероятной силой швырнул его на пол в толпу солдат.

Звон стекла и треск деревянных золоченых рам прорвались сквозь радостные крики солдатской толпы, и все на минуту замерло. В приоткрытых дверях комнаты показалась фигура штабс-капитана Дымова.

Это был ярый приверженец царского строя, настоящий царский лакей саженного роста.

— «Эй, ты, болван»... «Тебе говорят, скотина»... «Как стоишь»... «Стать смирно, сволочь»...—таков обычный тон и форма обращения были у Дымова к солдатам. Самодурствам Дымова не было конца, и его очень боялись.

Очутившись среди солдат, кричавших «ура» не по приказу начальства, приветствовавших революционеров, Дымов похолодел от ярости. Он готов был принять крайние меры к подавлению «мятежа», но холопская трусость перед огнем народного гнева сразу дала себя знать.

Он смутно угадывал, что разыгравшийся при нем пожар ему не потушить. Ему казалось, что находившиеся с ним солдаты слились в одно целое,—громоздкое, ревущее чудовище.

И офицер опомнился. Вместо поднявшихся было, а затем опустившихся по швам, сжатых кулаков, зазвучал липкий, слащавый голос: «Братцы, братцы, что вы делаете? Может быть все сведения о революции—одна провокация злодеев. Сегодня вы кричите «ура»..., «долой царя», «да здравствует революция», а завтра скрючат по рукам и ногам вас и меня; и выведут нас с вами и расстреляют или повесят на одном из этих бугров, что видны за окном».

Здесь Дымов кивком головы указал на окно, в раме которого, синея, уходили вдаль три горы, сливавшихся дальше с хребтом, уходившим в горизонт.

Солдаты невольно взглянули на окно, о котором говорил Дымов и сквозь него увидели десятка два красных знамен, развевавшихся по ветру, и шеренги солдат, взявшихся под руки.

Окно мигом было раскрыто настежь и в помещение ворвались вместе со струей свежего воздуха мощные звуки марсельезы.

Все, кроме Дымова, выбежали из закоптелой и душной комнаты на улицу и влились в ряды революционного шествия.

На площади наскоро из разного ящичного хлама соорудили трибуну, с высоты которой полился революционный энтузиазм.

Волков.

Литейщик завода „Самоточка"

КАК Я СДЕЛАЛСЯ КОММУНАРОМ.

В 1903 г. я работал на заводе Доброва и Набгольц в качестве ученика в литейной мастерской.

Помню, в начале японской войны устраивались патриотические манифестации с царскими портретами, пением «боже царя храни». Как совершенно несознательный, будучи еще ребенком, и я попадал на эти манифестации. Вдруг среди музыки и пения гимна я услышал новую песню, которую запели студенты из толпы. Студентов кто-то схватил, песня оборвалась. А в толпе слышу говор: «пели они Марсельезу, потому их и арестовали».

Этот эпизод врезался острым клином в мою детскую голову, и эта «Марсельеза» не давала мне покоя. Придя на завод, я стал расспрашивать многих товарищей старше меня: что это за Марсельеза? Но узнать не пришлось,—не говорили мне, думали, наверное, что ребенку об этом знать незачем.

И вот настал 1905 год. Спустя несколько дней после расстрела рабочих 9 января, рабочие с завода «Бромлей» пришли на наш завод в литейную с криком «бросай работать»! Работа была остановлена и рабочие вместе с рабочими завода «Бромлей» отправились на Ивановку останавливать фабрики и заводы. Здесь второй раз в жизни я услышал мощные звуки этой прекрасной песни, но и ей суждено было оборваться; появились казаки и городовые, постегали нагайками, некоторых забрали, а остальные разбежались.

После этого на заводе стали появляться прокламации.

Мы занимали вчетвером одну комнату. Как-то пришла к нам женщина под кличкой «Таня». Она много говорила нам об аграрном вопросе, о косвенных налогах. Во всем этом я очень плохо разбирался.

Потом устраивались тайные собрания в Орловой роще. Заканчивались собрания всегда пением революционных песен. Вот здесь-то я окончательно узнал весь смысл и значение Марсельезы и Варшавянки. Произошло это оттого, что я сделался крупицей революционного движения; я стал бывать на собраниях, проносить листовки в завод, собирал кружки, читал книжки из Дон-

ской речи, Шишко и др., стал разбираться в партиях, узнал— кто большевики, меньшевики, эсеры, о чем у них возникают споры.

Однажды, помню, было устроено собрание в Межевом институте, где выступали эсеры и эсдеки. После собрания, когда мы хотели итти домой, институт оказался оцепленным городовыми. Здесь некоторых колотили, некоторых поранили холодным оружием, так что пришлось вернуться опять и сделать перевязки раненым.

Пришло время и нужно было нам остановить завод, чтобы своей забастовкой поддержать петроградских рабочих. К нам пришел организатор «Сергей», которого необходимо было провести на завод. Мне пришлось дать ему свою одежду и номер, а самому одеться в его куртку. Завод мы остановили, и все рабочие получили расчет. Для работы же вновь набирали рабочих, но уже «благонадежных». В число неблагонадежных попал и я. На работу не был принят.

Черная сотня орудовала вовсю. Устраивались собрания на углах улиц, заводились разговоры о Николае, кто против, кто за него. И всех, высказывающихся против Николая, царские шпионы не щадили. Мясники Охотного ряда стаскивали с извозчиков учащихся, всех, кто был в студенческой форме, и избивали. В это время был убит т. Бауман. Похороны т. Баумана ознаменовались пролитием крови. Казаки, карауля в манеже, много побили людей, возвращавшихся с похорон. Я сам видел, как нагружали телеги окровавленною грязною одеждою и куда-то отправляли. Эти первые гражданские похороны, в которых принимали участие десятки тысяч человек, помнит вся Москва.

После этого я поступил на завод Дангауер, работал там около года, был избран делегатом от завода в правление союза металлистов.

Во время вооруженного восстания участвовал в постройке баррикад на Пречистенке.

Расстрел люберецких рабочих производился семеновцами.

Реакция победила. Наступило затишье. Начались преследования рабочих, обыски. От Дангауера меня уволили. Поступил к Гоперу. Работал около года. Занимался передачей листовок, но об этом кто-то донес мастеру, который меня уволил, и начали меня еще больше преследовать. Не один раз прямо с завода брали в участок.

Работал на заводе Кнот. Однажды производившие у меня на квартире обыск полицейские нашли книгу «Мать» Горького. Забрали и меня и книгу.

В 1914 году я работал на заводе Устрицына. Начали опять возникать забастовки. Отсюда же я был взят на войну.

В 1915 г. попал в плен к немцам в местечко Вишники в

Восточной Пруссии. Взявши в плен, нас загнали в русскую церковь, набили так полно, что не только сесть, даже не было возможности стоять. Били нас палками, прикладами, кормили так плохо, что хуже и нельзя придумать. Пленные рылись в помойных ямах, собирали очистки от кожи, разные отбросы. За получение лишнего черпака бульона наказывали: выстраивали на улице с чашкой в руках при 20° мороза на 2 часа.

Пленные дошли до того, что некоторые стали лишать себя жизни, увечили себя, подкладывали под вагонетки с грузом ноги и руки.

Потом мы партией попали в Италию.

Здесь сначала было хуже, чем в Австрии и Германии. Так же колотили и плохо питали.

Нас отправили на остров Азинар—держали здесь вместе с уголовными ссыльными для того, чтобы мы после этого согласились на все, чтобы можно было бы лучше использовать нас для бывшей царской армии, Колчака, Деникина, Петлюры, Юденича, Врангеля. Русские князья являлись к нам (первый—князь Волконский) и соболезнующе расспрашивали о нашем житье-бытье. Когда узнавали, что нам живется очень плохо, князья давали обещания хлопотать перед итальянским правительством, чтобы улучшить наше положение. Мы, замученные, голодные, попадались на эту удочку—верили сначала, что нам будет лучше от княжеских обещаний.

Потом князья стали привозить с собой попов. Попы начинали рассказывать нам, что делается в России. Большевиков охарактеризовали, как банду грабителей и убийц, расстрелявших много духовенства, разграбивших именья, забравших фабрики и заводы—все это говорилось с крестом в руках и со слезами на глазах.

Видя, что речи попов производят впечатление, князья начинали действовать напрямик; они начинали записывать: кто куда хочет—кто к Петлюре, кто к Деникину, к Колчаку. Пленные стали записываться, но в то же время расспрашивали у своих благотворителей, а кто это «большевики»?

Те отвечают им: «рабочие и крестьяне». Тогда пленные задают такие вопросы: «а может быть там мой отец или брат и тоже большевик, а как же я записался в армию к Врангелю—против своего же отца или брата?».

Тогда «благодетели», видя отпор, отвечали сомневающимся: «ты должен пойти туда, против кого тебя поставят... Мы и собираем добровольцев защищать нас, и нужны нам только те, которые охотно пойдут, а те, которые не хотят—нам не нужны. Пусть погибают здесь, заботиться о них не будем. Завтра позовем священника и опросим всех».

Приехал поп, опять с крестом в руках. Собирали всех пленных. Поп расплакался, рассказал, сколько убито, сколько сидят в тюрь-

мах. И все, которые хотят защищать веру и отечество, должны встать одесную, а кто против—тот должен встать ошую. Расстановились на два порядка. «Одесную» встало много, а «ошую» стало мало. Начался допрос вставших «ошую»: почему не хотят защищать веру и родину от бандитов. Обещали все: и одежду, и обувь, и обеспечение семьи и даже хорошее жалованье, лишь бы только встали на защиту веры и родины. Но ставшие «ошую» держались стойко.

Затем начали производить запись тех, кто хочет поехать к Колчаку. 1 200 человек (из 6 000 пленных) удалось отправить; остальные же стали переходить в противоположный лагерь. Впоследствии перешли все, и офицерам пришлось убраться.

Через несколько времени к нам приехал т. Водовозов с итальянской комиссией по здравоохранению.

Им получены полномочия от советской власти на отправку нас в Россию. Вскоре нас отправили на родину.

Возможно, что у некоторых явится вопрос, как же это вышло. Я попал в плен на германском фронте, а очутился в Италии?

Вышло просто—я дезертировал. И за дезертирство отбывал тяжелое наказание, так называемое «бивуак».

На провинившегося надевали деревянные колодки, в одном нижнем белье и в легоньком летнем пиджачишке отправляли на плац. Плац этот имел 50 кв. саж., загорожен в 3 ряда проволочным заграждением, 4-аршинной вышины наружной стеной. На этом плацу находился наказанный под открытым небом день и ночь. Пища—воды вдоволь и хлеба 20 грамм. Да еще втечение недели устраивали постный день, называемый по немецки «фестунг». В этот день хлеба совсем не давали, а заменяли его одним черпаком водянистого супа. За побег сажают на этот плац от 14 до 30 суток.

Посаженный в наказание на этот бивуак дней на десять выходил оттуда совершенно больным.

Так, изведав на своей шее, всю тяжесть русского и иностранного гнета царизма, я из маленького мальчика, ходившего с царским портретом, превратился в коммунара. Всему толчок дала «Марсельеза».

М. Осипенков.

В ШКОЛЕ СПОРОВ.

Во время Февральской революции хорошо врезались в память бесконечные споры рабочих между собою. Правые эсеры сражались с большевиками. Особенно старался эсер Евграфов, призывавший рабочих вести войну с немцами до победного конца.

Евграфову давали хороший отпор рабочие во главе с котельщиком Ильиным. Воевали с Евграфовым рабочие Мочалкин, Поляков, Терешин, Бабкин и др. Эти споры и слово «большевик» клином врезались мне в память, сделав из меня впоследствии партийца.

Румянцев.

КАК МЫ ВОССТАВАЛИ.

Перед днями Октябрьской революции среди рабочих нашего завода происходили горячие прения, нужно ли вооруженное восстание, и хотя большинство рабочих было на стороне большевиков, но вооруженного восстания как-то боялись. Толчком к необходимости восстания послужило сообщение Бабкина на собрании в литейной о том, что юнкера открыто выступили против большевиков. Вооружение нашлось в завкоме: несколько винтовок и сабель. Часть рабочих была командирована на охрану железной дороги в районе ст. «Подмосковной».

Белов.

ТРУДНЫМ ПУТЕМ.

Как только к нам пришло известие о революционном движении в Февральские дни в Петрограде, к нам на завод приехал из Петрограда директор завода, которого мы сразу арестовали, отобрав у него ключи. После этого мы избрали свой рабочий комитет и стали выставлять часовых по охране завода. Многие товарищи ходили рыть окопы к Октябрьскому вокзалу. Однажды их за рытьем застала конная полиция. Она бросилась избивать и топтать лошадьми людей: многих искалечили, а некоторых убили. Так трудно мы подвигались к Октябрю.

Эллер.

КАК МЫ СПАСЛИ БУХГАЛТЕРИЮ ЗАВОДА.

После Февральской революции 1917 года на нашем заводе начались митинги. Я помню хорошо один из них,—когда приехали меньшевики и начали проводить приказ Временного правительства о расстреле солдат за измену при наступлении. При голосовании этой резолюции дело дошло чуть не до драки. После этого, какой ни приедет меньшевик, мы не давали ему выступать. 1917 год в октябре м-це наш технический персонал стал чувствовать, что будет переворот. Начали делать тайные собрания, на которых выносили резолюции, что нужно забастовать и уничтожить весь архив бухгалтерии. Это им не пришлось, так как мы узнали об этом и приняли соответствующие меры. Накануне

забастовки служащих мы отобрали все ключи завода. На второй день выбрали комиссию, так называемую тройку—тт. Терехина, Полякова и Ильина. Мне вручили охрану мастерских.

У меня был написан раньше дневник, но я его потерял, когда ездил за мукой в Самарскую губернию,—а теперь многое выпало из памяти.

Т. Корень.

НА ПОСТУ У ТЕЛЕФОНА.

Февральскую революцию наши рабочие, как и все трудящиеся, встретили сначала радостно, ходили на демонстрацию, пели революционные песни и т. д. Но скоро раскусили, в чем дело, и стали поговаривать о другой революции. Первыми организаторами были у нас на заводе тт. Бабкин, Тихомиров, Мочалкин, Терехин и др. Личное мое участие выразилось в следующем: дежурил на заводе у телефона, чтобы заводская администрация не передавала в Москву сведений о нашей работе.

Скачков.

Модельщик, чл. ВКП (б).

РЕВОЛЮЦИЯ В ДЕРЕВНЕ.

Я во время Февральской революции работал в Баумановском районе в Введенском народном доме. Начались выборы в завкомы и контроль над производством. Завкомы строго следили за приемом и увольнением рабочих; я в то время перешел работать на завод Меньшикова. Когда начались стычки с юнкерами в Лефортове, рабочим были выданы винтовки, и мы осаждали корпуса 4 дня. После Октября я уехал на родину, и здесь впервые приступил к организации волостных и уездных советов. Мы приступили к выселению помещиков, стали отбирать у них скот, инвентарь и передавать беднейшему крестьянству, организовывать комитеты бедноты и распределять помещичьи и церковные земли крестьянам.

А. Леттер.

КАК МЫ СПАСЛИ ЗАВОД.

В 1917 году завод «Комбинат» находился в ведении Московской городской управы. Здесь начались частые собрания: наезжали ораторы от эсеров, кадетов, меньшевиков, большевиков. Каждый привлекал на свою сторону, но рабочие активно стояли за большевистскую партию.

В октябре после Октябрьского переворота, когда отношения между служащими и рабочими обострились, председатель заводского комитета т. Ильин заявил служащим, кто не будет с нами работать, чтобы его через три дня не было бы на заводе, а так как служащие были все от городской управы, то настроены они были антибольшевистски. Они через три дня покинули завод. Таким образом завод остался без инженеров, техников и конторского персонала—с одними рабочими. Руководителем завода стал заводской комитет, состоящий из 12 человек. Работы комитету была уйма, так как, помимо административных обязанностей, на нем лежало снабжение завода материалами.

Самое скверное было с топливом; надо литье делать, а топлива нет, формовка сделана, а заливать нечем и т. д. Так протянули всю зиму; положение было тяжелое, но завод не закрыли. Не падали духом и шли все время вперед.

Давыдов.

В КРАСНУЮ ГВАРДИЮ.

Работая на заводе обрубщиком, в июне 1917 года я вступил членом партии большевиков и к Октябрьскому перевороту был уже председателем заводской ячейки. Помню один памятный для меня день—я получил извещение из Бутырского района, что сегодня после работы состоится собрание всех членов партии Краснопресненского района, на Масловке. Я объявил сбор партийцев Всехсвятского района в детской столовой, откуда отправились на Масловку. Здесь к нашему приходу была организована пятерка, в ее распоряжение мы и поступили. Нам были даны задания по организации отрядов Красной гвардии, во время боевых Октябрьских дней.

А. Серафимович.

СЕНЬКА.

(Из октябрьских дней.)

Октябрьское небо серо и низко, и промозглые серые сумерки затягивают дома, улицы. В этих сумерках то и дело вспыхивают огоньки и глухо разносятся винтовочные выстрелы.

По широкой улице, пригибаясь, перебегает цепь отряда рабочих от столба к столбу, от подъезда к подъезду, перебегают, вскидывают винтовки и стреляют вон по тому огромному дому, что в конце улицы, в котором засели юнкера. Как они жарят оттуда! Пули поминутно цокают о мостовую, о стены домов, о водосточные трубы, или дзинькают в окна, оставляя звездообразные дырки в стекле, или молча впиваются в дерево дверей, косяков.

«Товарищи, вперед!.. Близко..»—громко разносится голос молодого командира.

Перебегает цепь...

Ох, как они оттуда сыпят!.. дзи-н.. дзи-н... цмок.. цмок!.. Упал один, другой... Эх, сердяш!.. Товарищи подхватывают, в подъезд. Один недвижим—конец. Другой—в грудь пуля, кроваво пузырится пена на губах. Цепь залегла и стреляет, командир стоит во весь рост—ведь немного и не добежали...

Ничего, надо дать ребятам передохнуть. Но он стоит во весь рост, чего доброго, чтоб не попятились. А пули веют кругом:

«Дзи-н... дзи-н...

Он достает папиросу, не спеша закуривает, и вдруг из сорного, что возле тротуара, ящика подымается голова в клочковатом треухе с превеселыми заячьими глазами, и выпрыгивает на мостовую разбитной мальченок в рваной рубашенке лет одиннадцати.

— ...Дзи-н... дзи-н... цмок.

Подбегает к командиру, торопливо шарит у себя за пазухой, вытаскивает окурок, становится на цыпочки и говорит цыплячьим голосом:

— Товарищ, дай-ка прикурить.

— ...Дзи-н... дзи-н...

Прикурим и снова в бой.

Командир улыбается, протягивает.

— ...Дзи-н...

Вся цепь замерла и с изумлением глядит на маленького. Да вдруг срываются, и как один, несутся без прикрытий, без

выстрела, и вся улица под самые под крыши бешено заполняется: урра-а-а! И в этом «ура» вплетается тоненький голосок.

Он отчаянно бежит за цепью, стараясь не отстать, и в восторге помахивает окурком.

С. Малинкин.

Трехгорная мануфактура.

ПОСТУЧАЛИСЬ.

(Из воспоминаний прохоровца).

Началась революция в октябрьские дни. Я помню, как мы установили дежурство в заводском комитете. В комитете было большинство эсеров. Когда мы им предложили совместно выступить, они отказались. Нам они сказали, что будут только охранять лавки от воровства, а активно выступать не будут.

Первый вопрос у нас стоял: взять участки. Был я назначен расследовать в первом участке, есть ли там юнкера и как смотрит милиция, если придет дружина занимать участок. Мы дежурили в фабкоме. У нас у ворот стоял пост. В это время приходили юнкера и хотели разоружить нашего постового, но он прибежал в фабком. Мы тут же погасили огни и рассыпались по углам, приготовляясь стрелять. Юнкера к нам не пошли, а прошли дальше. Мы немного подождали, потом стали выходить. Вышли, видим—уже никого нет, только на гуляньи идет стрельба. Это шли с Ходынки солдаты и стреляли. Мы думали, что это стреляют юнкера, и открыли стрельбу. Скоро недоразумение выяснилось.

Мы с этими солдатами соединились и пошли к нам в фабком. Разбились на десятки.

Шел я раз со своим десятком по Средней Пресне и задумал зайти в клуб к эсерам. Клуб их был в доме № 15 по Трехгорному переулку. Я пошел к воротам, у ворот изнутри стоял часовой с винтовкой. Ворота были заперты на замок.

Мы постучались. Я просил часового пропустить нас в клуб. Часовой сказал, что ему не велено никого пускать. Я сказал: «Ты сходи в клуб и скажи, что это просит Малинкин из фабкома». Дежурный пошел в клуб доложить эсерам о нашем приходе. Постовой возвратился из клуба и говорит: «Вас впустить не могу. Ворота не отопру». Мы ушли в фабком и доложили об этом штабу.

Это все было в первые дни, когда штаб находился в нашем комитете. Потом мы переправились во второй участок, куда и перевели свой штаб. Оттуда началась настоящая война.

Штаб был из девяти человек. У нас были распределены функции, кто чем должен ведать. Мне и Емельянову было поручено

снабжение продовольствием. Мы во всех лавках давали расписки, клали штемпеля штаба. Помню еще один случай: нам разведка сообщила, что около Кудрина по Грузинской в одной булочной выдают хлеб задним ходом. Хлеба там много. Мы с Емельяновым поехали на автомобиле и взяли с собой одного красногвардейца. Мы подъехали с переулка и забрали весь хлеб. Но когда мы стали отъезжать, то в этот момент в нас начали стрелять со всех сторон. Мы стали отстреливаться. Я был контужен в руку, а Емельянов после этого лег в лазарет—ушиб ногу.

Белогвардейцы несколько раз наступали на наш штаб. Нам пришлось отступать. Но вскоре его взяли обратно.

В это время было несколько раненых.

Шевченко.

Токарь.

ВО ВРЕМЯ БОЕВ НА ПОСТУ.

(Воспоминания рабочего завода б. Филиппова.)

Когда начались октябрьские бои, по всем заводам организовались красногвардейские отряды. На нашем заводе Филиппова тоже под руководством т. Иванович создался отряд.

Несмотря на то, что заводы, во время боев, продолжали работать, рабочие были готовы в случае надобности все, как один, взяться за винтовки.

О ходе боев на улицах нам каждый вечер сообщалось.

Мы работали под грохот снарядов.

Наконец, нам сообщили, что Кремль взят. Радости не было границ. Все, ликующими, вышли на демонстрацию. На улицах было так много народа, все с такими радостными лицами. Громко и победоносно звучало: «Вся власть советам». Ничего подобного, мне кажется, никогда мир не видывал.

Петрокас.

Пролетарский Труд.

НА ЮНКЕРОВ.

(Из воспоминаний.)

„На заводе Тильманса".

Февральский переворот был встречен «тильманцами» с большим воодушевлением.

Как только по заводу пронеслась весть о событиях в Петрограде, как под руководством умершего рабочего т. Иванова все высыпали на улицу и направились останавливать заводы. Первым был остановлен Сахарный завод, где, после небольших речей, все рабочие бросили работу.

Затем направились в бывш. завод Всероссийского земского союза, где рабочие также бросили работу и присоединились к нам. Третьим был остановлен завод Мамонтова.

Моментально были организованы почти ничем не вооруженные группы рабочих, и мы пошли разоружать первым долгом полицию.

Наши товарищи с завода разбились по разным группам. Некоторые ходили на Ходынку; мне же пришлось быть в группе, которая направилась к Спасским казармам. Когда мы приехали на грузовике к казармам, то там уже собралось много народа и делегация вела переговоры. Нам так и не удалось быть в помещении. Во время переговоров ворота раскрылись, и солдаты начали выходить на улицу.

Спустя несколько дней мы приступили опять к работе.

Наш завод стал центром внимания всех партий. Здесь пошла борьба за вербовку в члены той или иной партии. Самой ретивой была партия с.-д. меньшевиков. Не помню фамилии меньшевистского представителя, который почти каждый день бывал и все добивался, чтобы наши рабочие записались в партию меньшевиков. Но скоро был положен конец этому. Произошло это так: был последний митинг, где мы разбирали программу каждой партии, и почти все рабочие пошли за большевиками. Сразу записалось в партиию около 50 человек.

Были намечены от каждого десятка представители в районный комитет. Работа у нас была самая оживленная. Мы выступали везде почти до ручных боев против займа свободы.

Большая работа проделана нами была по выбору в думу. На мою долю выпало быть представителем в избирательный комитет от большевиков в районах Тестова поселка, Ермаковской рощи, Черноградской слободы и поселка Студенец.

Работу самой думы описать очень трудно, ибо она состояла только почти из фракционной борьбы по каждому вопросу.

Все товарищи работали, как можно выразиться, до пота лица. Не было ни одного собрания в нашем районе, где бы мы, узнав, что есть митинг, не принимали бы активного участия. Мы постепенно стали завоевывать у рабочих симпатии, и наша партия стала постепенно расти. Уже в первом майском празднике мы имели много заводов, которые шли под нашим лозунгом.

В районном комитете стали организовывать Красную гвардию, в которую почти все товарищи вступили, как один. Активное участие проявили в организации Красной гвардии тт. Попов, Жаров и много других товарищей, где вели разные беседы на тему, как в 1905 г. строили баррикады.

Время становилось все напряженнее, и мы все чего-то ждали.

Октябрьский переворот нас не застал врасплох. Помню, мы пришли на завод утром работать и не приступили к работе. Нам объявили, чтобы мы направились в Московский совет—там юнкера выступили. Моментально мы большой группой под руководством т. Щепочина направились в Московский совет, где уже

работа кипела. Когда мы вошли туда, то нас встретили товарищи возгласами: «наконец, тильманцы пришли». Выдав оружие, моментально нас разбили по группам. Мне пришлось попасть в группу т. Щепочина, и мы заняли охрану совета на углу Столешникова переулка и Большой Дмитровки. Здесь нам пришлось иметь первую стычку с юнкерами. Они подошли к нам со стороны Страстного бульвара и начали нас обстреливать, но, так как мы все почти были вооружены берданками, мы все-таки открыли по ним огонь, и завязалась перестрелка. Артиллеристы, стоявшие на бывшей Скобелевской площади у орудий, не разобрав в чем дело, начали стрелять вдоль Столешникова переулка по нас, и мы очутились в перекрестном огне. Пришлось спасаться. В результате—у нас ни одного раненого. У юнкеров было двое. Так как мы разбежались, то они успели убрать своих раненых. После разобралось, в чем дело. Мы ругали артиллеристов, а они нас—почему мы их не предупредили. Простояли до темноты,—нас сменили. Отдыхать не пришлось, так как нас послали охранять, т. е. сидеть на крыше бывшей гостиницы Дрезден. Утром чуть свет нас сняли.

Оттуда мы пошли под руководством какого-то двинца цепью по Петровке к Большому театру. Когда дошли до Кузнецкого моста, раздались два выстрела. Неизвестно—откуда. Не разобрав в чем дело, мы стали обстреливать госпиталь, который находился на углу Петровки и Кузнецкого моста. Когда мы ворвались туда, то все больные были в панике и объявили, что от них никто не стрелял. Не найдя ничего подозрительного, мы ушли и стали итти с большей осторожностью к Большому театру. Дойдя до театра, мы разбились на две группы: одна пошла занимать бывший Мюр-Мерилиз, а мы—Большой театр.

Устроив себе баррикады из дров между Большим театром и театром Незлобина, мы начали обстреливать «Метрополь» и Китай-город, а главное—церковь, где был установлен пулемет. Стрельба была промежуточная, но отчасти очень меткая. Пулемет перестал стрелять с церкви по нас, зато стали обстреливать с бомбометов, но они стреляли по Большому театру,- думали что там главная сила наша.

К вечеру нам стали сообщать, что нас окружили. Но когда мы послали разведку, то слухи не оправдались. Мы были очень голодны. Послали двух товарищей просить нас заменить, а те пропали. Тогда мы опять послали еще двух товарищей, и нам через несколько времени дали смену. Придя в Совет, я не нашел там наших товарищей с завода. Оказалось, что они все постепенно ушли на Пресню, где шли сильные бои. Случайно я нашел одного товарища с нашего завода, и мы решили тоже итти на Пресню.

Получив пропуска, мы пошли по Тверской. Но, дойдя до Страстной площади, мы узнали, что у Никитских ворот идут бои, и мы направились туда. Придя туда, мы узнали, что юнкера сидят в редакции «Газеты для всех» и в «Унионе», а наши сидят в аптеке и в переулке, так что их выбить было трудно. Тогда я посоветовался с некоторыми товарищами, решил сбегать на Страстную площадь, где стояла артиллерия и попросить их начать стрелять из орудий. Придя на площадь, я стал уговаривать артиллеристов, чтобы они выпустили по редакции несколько снарядов.

После переговоров один артиллерист согласился. Когда он выпустил первый снаряд по редакции, то оказалось, что он не попал, куда метился, а попал в аптеку, где наши сидели, и оттуда моментально хлынула большая куча дыма. Оказалось, что аптека загорелась и мне пришлось бежать с площади, так как некоторые артиллеристы хотели меня избить за то, что я настаивал на стрельбе. Придя к Никитским воротам, я увидел, что аптека горела. Здесь нужно сказать, что некоторые работники проявили себя очень храбро. Санитары отказались под обстрелом выносить раненых из аптеки. Служащие сами, надев на рукава красный крест, с носилками, под обстрелом стали выносить раненых. Так благодаря им удалось вынести оттуда пулеметы и всех товарищей.

Когда стрельба утихла, мы пошли на Пресню. Там оказалось, что штаб переведен к бывш. полицейскому участку на Кудринской площади. Бои начались на Поварской и Никитской.

На этих улицах нельзя было показаться. Шел сильный обстрел со стороны юнкеров. С прибытием к нам группы солдат дело пошло веселее. Мы стали постепенно выбивать юнкеров из домов и занимать эти улицы. Наше наступление было прервано, так как со стороны Новинского бульвара подкатился бронированный автомобиль, и мы в панике попрятались. Но он не дошел до Кудринской площади. Мы опять собрались и решили сделать баррикады по Новинскому бульвару. Уже приступили к работе. В это время прибыли к нам орудия и стали обстреливать Арбат. Так как наши силы постепенно увеличивались, то нас разбили на три группы. Одни пошли по Никитской, другие по Поварской, а третьи, к которым я попал, по Новинскому бульвару. Здесь, не доходя Смоленского рынка, мы наткнулись на маленькую группу вооруженных гимназистов. Они моментально были разбиты, оставив на улице одного убитым. Дойдя до Арбата мы не встретили никакого сопротивления. На Арбате на нас нагнал «жару» снова броневик. Здесь уже кто мог, стал спасаться. Броневик стрелял по нас из пулеметов.

Стали стрелять в нас и из окон. Ворота везде были закрыты, и нам некуда было спасаться. Я очутился на дворе какого-то дома. Мы спаслись через забор. Некоторые товарищи попали к юнкерам в плен.

Придя в штаб, я решил во что бы то ни стало отдохнуть. В штабе народу было очень много. Были раненые. Чрез несколько часов после этого было заключено перемирие.

Я был отпущен домой, где меня считали уже погибшими.

Мартынов.

Участник Октября на Пресне.

ЭПИЗОДЫ ШЕСТИДНЕВНОЙ БОРЬБЫ.

Помня кровавый 1905 год, пролетарская Красная Пресня готовилась в Октябре дать реванш.

26 появился первый приказ военно-революционного комитета, который объявил себя революционной властью и аннулировал приказы Временного правительства. Ходынка, фабзавкомы: Тильманса, Прохорова, Мамонтова, Грачева и другие вооружаются к бою. Зная, что готовится переворот, я бегу, вопреки запрещению старшего врача, на Прохоровку. Там 70—80 рабочих. Члены завкома тт. Волков, Емельянов и Малинкин лихорадочно раздают винтовки, вынимая их из пирамид. Получил винтовку и я, записавшись в Красную гвардию. К вечеру пришли делегаты от пехотных полков 1-й запасной артиллерийской бригады, которые предоставили всю вооруженную силу Ходынки для защиты советов. На 27 Пресня представляла из себя боевой лагерь. Рабочие дружины—роты солдат, все подходили, заполняя помещение. Пришли руководители района тт. Меркулов и Златоверов. Началось заседание военной секции. Уже кое-где шла перестрелка и строились баррикады. Вот принесли первую жертву: был убит сыщик Богатырчик.

Вскоре пошли занимать первый и третий пресненские комиссариаты, которые были взяты без боя, так как милиционеры были пьяные и ждали прихода большевиков. Приехала 1-я запасная бригада, часть с пушками проехала к Моссовету, а часть к Зоологическому саду и стала наводить на Кремль. Вдруг со стороны Кудринской площади появились убегающие красногвардейцы. Артиллеристы дают пробный выстрел по большому дому Кудринской площади, снаряд попадает в 3-й этаж дома. Среди белых паника. Мы пробираемся дальше. Наш десяток засел во «вдовьем доме». Обстреливаем Никитскую и Поварскую. На колокольне церкви «Бориса и Глеба» засела белая разведка. Артиллерия ударила по церкви и отшибла целую колонну.

Помню, наш десяток ночью стоял в секретах на Поварской улице. Забыли нас сменить. Вдруг, с нашей стороны появляются несколько человек; думаем: разведка или смена. Приняв нас за белых, разведка дает по нас залп. Пароль заставляет их прекратить огонь; оказывается—забыли предупредить о нашем секрете.

Доходят первые известия, что юнкера прорвались в Кремль, обезоружили и расстреляли солдат 56-го пехотного полка, который находился в Кремле. Расстреляно несколько солдат «двинцев». Мы продолжаем наступать по Поварской. Решаем на полугрузовике прорваться к Арбатским Воротам. Сели человек тридцать. Двинулись по Поварской, стреляя беспорядочно по обеим сторонам. Однако, белогвардейцы встречают нас пулеметным и ружейным огнем. Наступление наше отбито.

К вечеру белых начали теснить. В городе артиллерийская и пулеметная стрельба. Центральный штаб отдает приказ по районам прислать для подкрепления бойцов в Моссовет.

Едем на грузовике туда, везем консервы. На Скобелевской площади почему-то одни патрули, у гостиницы «Дрезден»—пушка. Подъезжаем к Моссовету, откуда-то из домов нас обстреливают. Раздается команда: «заходи скорей в совет». Входим в совет,—кругом рабочие и солдаты, офицеров не видно. Одни спят, другие идут на смену охранять свои позиции. Вдруг неожиданно на площади появляется белогвардейский броневик, производит несколько выстрелов по окнам совета и скрывается.

Моментально с бомбами в руках выскакивают «двинцы», раздается команда и роты солдат и рабочих уходят на баррикады.

Бабкин.

ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК.

Сейчас же после одержанной большевиками победы нами (членами партии большевиков) был организован ревком, в состав которого вошли: Шляпников, Бабкин, Бученков, Белоусов и Шегаев. Это было 26 октября. Задачей ревкома было сейчас же приступить к организации Красной гвардии, для борьбы с юнкерами и поддержания революционного порядка.

Тут же в Красную гвардию записалось свыше тридцати человек и с каждым днем вливались все новые и новые силы. И перед ревкомом встал вопрос о снабжении.

Все, что можно было назвать оружием, было собрано и роздано красногвардейцам, но все-таки всем оружия нехватило.

Вспоминая сейчас, на десятом году революции, когда власть советов настолько крепка, что иностранная буржуазия, почти вся, ее признала, нельзя без смеха представить первую картину нашего военного обучения: товарищи рабочие, вооруженные палками, проделывают приемы стрельбы, идут в атаку и проч., у нас в ходу для обучения были: берданки без затвора и патронов, чуть не детские пугачи и сломанные шашки.

Подъем и энтузиазм тогда были велики среди рабочих, чтобы победить. Они не останавливались ни перед какими преградами.

Так, рабочие завода «Кертинг» и «Изолятор», находясь без всякой связи, не получая никаких сообщений о событиях, творящихся в центре, рвались в город, для оказания помощи. Поэтому первым делом ревкома было установление связи с ближайшими районами, Бутырским и Пресненским, а также расквартирование неподалеку Тульской запасной дружины.

Вечером первого же дня нами была направлена часть товарищей из нашего отряда в Бутырский район, а остальная часть красногвардейцев осталась в районе, для охраны штаба и заводов.

Установив связь с Бутырским районом, мы получили немного оружия, что дало возможность лучше вооружить наш отряд. Часть оружия была нами получена из Тульской дружины. Таким образом наш отряд был уже прилично вооружен.

Однако, отдаленность от центра и отсутствие распоряжения главного штаба лишили нас возможности принять участие в московских боях, так как на нас были возложены задания приостановить ожидаемые подкрепления юнкерам из Клина. Об этих подкреплениях мы узнали вечером, на третьи сутки. Нами быстро был собран отряд, и человек тридцать отправились к шлагбауму. Расположившись в канавах с обеих сторон дороги, мы чутко прислушивались к звукам и напряженно вглядывались в темноту. Все были напряжены. Всю ночь прождали, но напрасно, к утру получили сообщение, что белогвардейцы изменили маршрут и направились в Москву через Дорогомиловскую заставу.

Впоследствии наш отряд вошел в подчинение московскому штабу Красной гвардии и с этого момента отряд принял характер воинской части. Оттуда красногвардейцам выплачивали жалованье и выдавали пайки, а также получено было очень хорошее вооружение. К этому моменту отряд насчитывал до 100 человек. Были введены правильные военные занятия и учебная стрельба.

В дальнейшем нам неоднократно приходилось принимать участие в подготовлении различных выступлений и ликвидировать целый ряд банд, так, например, довольно значительной банды, за Петровским дворцом, которая терроризировала местное население.

В начале 1918 года, с изданием приказа об организации Красной армии, наш отряд красногвардейцев целиком перешел в Красную армию.

Морозов.

1917 ГОД.

Работал я в это время на кондитерской фабрике «Цейлон» на Бахметьевской улице.

Помню, как сейчас—это было в субботу—после собрания выносим резолюцию о необходимости поддержки большевиков. Ярый защитник «керенщины» гр. Галкин С. потерпел поражение: его никто и слушать не хотел. Накануне этого дня—в пятницу—я встретил одного рабочего, который убеждал меня вступить в Красную гвардию. Я согласился, и мы вместе записались в штаб гвардии (театр «Олимпия» по Александровской ул.), где и пробыли всю ночь. С утра следующего дня раздавались орудийные выстрелы, кажется, с Воробьевых гор, и ничто, как будто, не предвещало событий, но к вечеру уже стало известно, что большевики хотят взять власть. Как взять и что собственно за власть—еще никто толком не знал. Лишь немногие посвященные знали, что готовится совершиться то, чего никто не знал еще несколько дней назад.

В ночь на воскресенье уже стрельба усилилась. Над городом яростно трещали пулеметы и орудийные выстрелы. В центре творилось что-то ужасное. Штаб Красной гвардии на Александровской улице был окружен проволочными заграждениями. Всюду окопы, патрули, отряды рабочих. Стрельба не утихала. Нельзя было понять, где свои и где белогвардейцы. Опасность грозила из каждого угла дома и все же, несмотря на такие условия, была одна мысль: как бы взять власть. Трудно было думать, что будет завтра. И так изо дня в день: день... ночь... стрельба... кровь. Все путалось в голове.

Расстрел рабочих в июльские дни и многие другие издевательства и вдруг... власть рабочих... мы победили... Читаем экстренные воззвания: к спокойствию. Рабочие победили.

Все по заводам, на места, но опасность еще не миновала. Будьте на-чеку—так говорило воззвание.

Новожилов.

Вагоновожатый № 139

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОКТЯБРЬСКОМ ВОССТАНИИ.

Я и т. Петров получили винтовки из Ходынских казарм. Отправили нас совместно с солдатами, разбив на две группы. Наша группа отправилась по Малой Бронной. Бой у нас завязался у дома б. Гирша. Мы отбили нападение неприятеля. Второй бой завязался у Никитских Ворот. Тут пало много наших. На вторые

сутки нам удалось подтащить пулемет. Неприятель бил по нас с дома Коробкова, из дома Гагарина и из театра «Унион». Ночью мы его выбили со всех этих мест. Но с дома Романова обливали наших красногвардейцев серной кислотой и стреляли из окон. Пришлось этому дому предъявить ультиматум и сообщить на Ходынку. После некоторого времени ударила артиллерия по четырем местам: по домам Коробкова, Гагарина, которые загорелись, по театру «Унион». В дом Романова снаряд упал, пробил крышу и остался на чердаке, не разорвавшись. Мы в это время открыли сильную пулеметную и ружейную стрельбу. Неприятель со всех этих мест был отбит, тогда юнкера засели на Спиридоновке в особняке. Бой шел целую ночь. Когда мы его выбили, то неприятель сгруппировал все свои силы в военном училище. Тогда к нам подошло тоже много силы. Мы били со всех трех сторон. Через трое суток часть из засевших убежала, а часть сдалась. После этого часть наших перебросили к Лефортовским казармам. Много потом пришлось вынести борьбы с товарищами по парку, не понимавшими задач советской власти. Когда, наконец, многие убедились в правоте, меня прозвали Чичериным.

Макаркин и Лебедев.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ ЗАВОДА ЦИНДЕЛЯ В ДНИ ОКТЯБРЯ.

Отряд красногвардейцев на ситценабивной фабрике Цинделя организовался ночью на 25 октября, и этой же ночью работы фабрики, так называемого гранатного отделения, были приостановлены в момент производства смен в 12 часов ночи. С приостановкой работ фабрики перед дежурными членами фабкома стал вопрос об охране фабрики. Это и было началом организации красной гвардии. Началась вербовка молодежи.. Отзывчивее оказались рабочие, работавшие на металлургическом производстве (гранатное отделение). С организацией охраны потребовалось оружие, которое быстро было получено от Замоскворецкого райсовета (ревкома) на Калужской площади. Всего было получено 15 берданок со штыками. Из организованной охраны был выделен караульный начальник и введен свой пароль. Всем часовым отдано строжайшее распоряжение в ячейку без особого пропуска за подписями дежурных членов фабкома и караульного начальника никого не пропускать. На более ответственные посты было поставлено по два часовых. Связь с райсоветом кроме телефона поддерживалась через специально назначенных для этой цели членов фабкома и активных членов партии большевиков. У фабричного телефонного коммутатора был установлен контроль рабочих.

Теперь несколько слов о том, как мы встречали Октябрь. Итак, в ночь на 25 октября мы прекратили работы.

Имевшиеся автомобили были выведены из гаража и взяты в распоряжение дежурных членов фабкома. На утро заведующему фабрикой А. И. Таирову автомобиль подан к дому не был, и на его телефонный протест дежурный член фабкома ответил, если он желает приехать на фабрику, то может приехать на извозчике, а если не желает, то и вовсе может не приезжать, так как работы на фабрике производиться не будут. Конечно, властелин фабрики был немало поражен такими ответами ему подчиненного рабочего; все-таки ему пришлось приехать на извозчике, и каково же было его удивление, когда он, намереваясь войти в ворота фабрики, был остановлен часовыми и не пропу-

щен на фабрику, а при попытке пройти, не считаясь ни с чем, он был остановлен наведенным на него оружием часового с предупреждением, что при насильственной попытке, оружие будет применено вплоть до выстрела. Такое действие часового облагоразумило Таирова, и ему пришлось сначала получить пропуск у дежурного члена фабкома, чтобы войти в контору фабрики.

Выше я упомянул об организации красногвардейского отряда. Организационная часть этого отряда и дальнейшее его руководство фабкомом было поручено товарищу Макаркину Г. М., потом активная часть этого отряда возглавлялась помимо Макаркина Коротковым, Делюсиным, Лебедевым, Бахромкиным, Макаровым Ильей, Грозным (матрос), который большую часть находился при совете, Бушуевым, Кашириной Анисьей и еще несколькими женщинами, которые, кроме Кашириной, несли обязанности санитарок, Афанасьевым, Кореньковым, Деминым, Шлеминым, Козловым, Смирновым, Посохиным, Чадиными, Царевым, Бубновым и многими другими, фамилии которых установить трудно: списки красногвардейцев куда-то исчезли. Был еще старый большевик Павлов (как он себя называл), но активного участия как старик не принимал, все время находился в фабкоме.

Желающих участвовать в боевом отряде было так много, что не хватало оружия, и мы были вынуждены обращаться к Симоновскому совету за оружием, каковой нам дал оружие и бомбы, но в очень ограниченном количестве.

Запомнились некоторые моменты боевой работы. Однажды ночью на фабрику Цинделя из 2-го участка милиции звонятся по телефону и просят помощи, так как вооруженные люди грабят магазины на Зацепе. Эта помощь было оказана, грабеж силами отряда был прекращен, часть разграбленного у изловленных тут же была отобрана.

Обычно в райсовете все рабочие разбивались на вооруженные десятки и под командой направлялись через Крымский мост на баррикады. В моменты перерыва сражений и перестрелок приходилось греться в чайной на углу Лесного переулка и Остоженки. Как-то с Малой Серпуховки на грузовых автомобилях были привезены кипы шерсти. Под огнем привезенные кипы разгружались с автомобилей и были применены как надежная защита от юнкерских пуль, которыми они осыпали, не жалея патронов. В общем место боя представляло пеструю картину, а особенно пестрота была заметна в рядах красногвардейцев: здесь перемешивались пиджаки, пальто с шинелями солдат. Помню эта шерсть на автомобилях нам сослужила службу. Она явилась подвижной баррикадой. Кипы переворачивались в сторону окопов юнкеров, сокращая расстояние между окопами юнкеров и красногвардейцами. Теснимые юнкера отступали в центр, к своим.

Хорошо помнится, что среди красногвардейцев слышались веселые остроты по адресу «юнкеров». Отдельные вёселые эпизоды вдохновляли и закаляли бойцов, ни капли не было заметно ни трусости, ни паники.

Наши разведки очень часто попадались в лапы юнкеров. Юнкера и белогвардейские студенты, пользуясь темнотой ночи, шмыгали по всем направлениям.

В штабе Замоскворецкого района бывал т. Муралов и Мышкин, Волков, Файдыш и Фельдман.

Театр «Великан» на Серпуховской площади служил складом снарядов и усиленно охранялся снаружи и внутри.

Взятые в плен юнкера направлялись в Александровские казармы.

Мартынов.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ 1917—1918 ГГ. НА ФРОНТЕ.

После Октябрьской революции, когда пролетариат захватил власть в свои руки, он начал создавать новую опору революции—Красную гвардию. Контрреволюция в лице царских генералов, забыв свой патриотизм и лозунг «война до победы», соединилась со своими «врагами»—немцами и стала наступать общими силами на только что оформлявшуюся республику советов. Были заняты Украина, Ростов, на севере белые полчища с немцами уже подкатывались к Пскову. Большевики бросили клич: «Республика в опасности» и выпущены были агитационные листки, которые призывали к революционной борьбе. Пролетариат Москвы с энтузиазмом взялся за оружие. Рабочие дружины с разных фабрик и заводов целыми цехами приходили на Знаменку, в штаб Красной гвардии, чтобы записаться и итти на фронт. Красногвардейцы со всех районов все подходили и подходили, заполняя двор штаба. Штаб Красной гвардии лихорадочно работает, он каждый час формирует роты, отряды, полки и отправляет на фронт. Внушительные десять броневиков вереницей стояли у штаба, придавая бодрость уходящим бойцам. Начальник штаба т. Пече с т. Ведерниковым осматривают стальные твердыни и делают пометки их назначения. Наш полк уже был в боевой готовности и ждал распоряжений. Он состоял исключительно из рабочих дружин заводов Тильманса, Прохорова, Михельсона и других.

Получив приказ о выступлении на фронт против Каледина, мы выстроились в полном вооружении, и полк наш получил звание «3-го Революционного Московского отряда».

Начальником отряда был назначен т. Пессин, который тут же обратился с призывом, произнеся яркую революционную речь.

Голос его нервно звучал, призывая к защите революции. Под

звуки громового марша, распростившись со штабом, мы тронулись в поход. На Курском вокзале эшелон погрузился, красногвардейцы затягивали песни и, махая шапками, отдавали последний привет революционной Москве.

Поезд наш двигался медленно, хотя был скорого назначения, и только дней через 5—6 он прибыл в Никитовку. Тут находился главный штаб всех вооруженных сил по борьбе с контрреволюцией, во главе которого стоял старый революционер-большевик Антонов-Овсеенко.

Бледный, худой, с впалыми глазами, он вышел к нам с двумя матросами и произнес речь, указав наши задачи.

Тут пришлось опять задержаться, так как весь путь был забит рабочими дружинами, отрядами красногвардейцев, подъезжавших со всех городов необъятной республики.

Пролетарская рать рвалась в бой.

Командиры отрядов наперебой ходили к начальнику станции, требуя отправки.

Через два дня наш эшелон тронулся по направлению на Ростов. Но не долго ехали. Под «Матвеевым курганом» пришлось задержаться, так как белые, отступая, взорвали железнодорожный мост. Тысячи балок были положены в несколько часов, мост был восстановлен, и мы поехали дальше. Кругом степь, ни души, лишь редко-редко появится белая разведка, да и то от забавы пулеметчика Пчелкина быстро рассеивалась и отступала вглубь.

Наступаем дальше, поездом по железной дороге, без всякого фронта. Недалеко от линии показалось большое греческое село, где белые наблюдали за нами с колокольни церкви. Пришлось остановить поезд и итти в наступление. Пошли цепью на село, произведя несколько выстрелов. Белые, не приняв боя, отступили.

Заняли село. Уже темнело. Выставив сторожевое охранение и секреты, тут же заночевали. Как только стало светать, выделили разведку, пошли дальше. Был сильный туман. Разведка наша в упор натолкнулась на конный разъезд белых и дала по нему залп. Белые отступили, оставив нам в трофеи полковническую фуражку с красным околышем.

К вечеру заняли хутор Адыбашев.

Вот приехал гонец из штаба т. Антонова и сообщил, что мы зашли глубоко в тыл белым, но приказано держаться, так как вышло подкрепление. Тут же мы узнали, что Каледин застрелился, и группа Петрова после взятия Киева пошла в наступление на Новочеркасск. Эти сведения еще больше внесли бодрости в отряд, и мы решили заночевать на хуторе, а на утро итти в наступление на Ростов.

Простояв несколько часов в охране пулемета, после смены я

прилег заснуть в штабе. Вдруг подходит ко мне один матрос и будит:

— Вставай,—говорит,—«дракона» привели.

Я стремглав полетел в комнату, где заседал штаб, чтобы посмотреть, что такое за «дракон». Прихожу, смотрю, стоит молодой офицер, в погонах, с черной повязкой на руке, где нарисован череп—смерть, с надписью «корниловцы». Он сперва что-то неясно плел, но вскоре речь его развязалась, сообщил, что он тоже москвич, и что у него там отец и мать и он их давно не видал, так как на войне уже 4 года. Просил, чтобы его отправили в Москву. Сообщил также, что сегодня утром в 5 часов на нас будет наступать корниловский полк в 1000 человек, при одной батарее. Эти сведения заставили нас притти в боевую готовность и ждать врага. Нас было всего 600 человек при 16 пулеметах. На утро, только что стало светать, уже показались цепи белых, которые наступали фронтом, тут же на прямой выстрел начала бить их батарея. Так как наши пулеметы были на возвышенных местах, то белые били без промаха. Первым был взорван пулемет Пчелкина, которого ударом снаряда ранило в нескольких местах, и он, обливаясь кровью, упал без чувств. Это был самый смелый и хороший пулеметчик всего отряда.

Наши цепи, залегшие на земле, продолжали обстреливать наступающие цепи белых. Но белые под прикрытием батареи продолжали наступать. Вот один снаряд влетел в штаб, пробил насквозь самовар, писавшему на машинке красногвардейцу Смирнову Алексею отрезал полплеча, полетел дальше. Из штаба все выскочили, произошло маленькое смятение, да еще офицер этот мешает. Его под конвоем отправляют в тыл. Цепь наша, не выдержав артиллерийской стрельбы, дрогнула и побежала, и началось беспорядочное отступление. Но отступать было некуда, кругом на сотни верст голая степь. Белые, видя панику, стали бить шрапнелью, а кавалерия их уже неслась с шашками наголо по обоим флангам, огибая нас в кольцо. Уже без всякого сомнения, видя определенную гибель, часть красногвардейцев из старых солдат стала группироваться против кавалерии, чтобы залпом отразить ее. Но что это? С тыла еще появилась кавалерия и также шла на нас. Ну теперь совсем в кольце! Верная смерть. Уже на поле появилось много раненых. Вдруг в кавалерии белых произошло какое-то смятение, стрельба, и они повернули обратно. Смотрим, с тыла еще идет пехота, а затем показывается тяжелая артиллерия. Наша цепь была остановлена. Оказывается, в самую трудную минуту к нам на помощь пришли 1-й и 2-й латышские полки, которые перешли в контрнаступление. При нескольких выстрелах тяжелой артиллерии батарея белых замолкла, и они начали быстрое отступление. Вновь мы заняли хутор Адыбашев. Тут белые учинили расправу: оставшиеся раненые были

все добиты штыками. Их было человек пятнадцать. Как сейчас помню двух австрийцев, взятых нами у помещика, которые лежали, как змеи, изогнувшись от штыковых ран, с открытым ртом и стеклянными глазами, запечатлев на своих лицах пытки и страдание.

Похоронив убитых и отправив раненых в г. Таганрог, пошли в наступление на Сенявку, этот последний подступ к Ростову. Всю ночь шел дождь, а под утро подул морозный сильный ветер. Цепи стрелков совершенно примерзли к земле. Многие замерзали и просили помощи, и только прожектора белых, ощупывающие свою добычу, заставляли их просыпаться и держаться до утра.

Отступавшие белые случайно наткнулись на отряд Миронова и были разбиты на-голову. Латышские полки пошли наступать на Ростов, а нашему отряду было приказано итти в Таганрог на пополнение.

Тут мы узнали, что наши раненые лежат вместе с белыми, которые и просили забрать их.

Тут же умер от ран и пулеметчик Пчелкин, рабочий от Михельсона. На другой день мы узнали, что Ростов взят.

Советская власть на юге России была восстановлена.

Израилев.

Участник Октября, солдат 1-й запасной артбригады

ХОДЫНКА.

К октябрьским дням артиллерийская бригада, стоявшая на Ходынке, была «разложена». Когда организовался Московский военно-революционный комитет, бригадный совет решил созвать пленарное заседание для окончательного выяснения, за кем пойдет бригада—останется ли верна Временному правительству или встанет на защиту военно-революционного комитета. Собралось около 3 000 солдат. Выступали большей частью меньшевики и эсеры, большевикам слова не давали. Председательствовал эсер поручик Струков, который умело отводил выступления большевиков. Артиллеристы затребовали докладчика из центра, но почему-то он не явился. После бурных прений приступили к голосованию. Большинство высказалось за военно-революционный комитет. Меньшевистский совет должен был покинуть трибуну, и тут же был организован ревком в составе 11 человек. Назначены были уполномоченные по всем батареям. Вся власть была сосредоточена в руках тройки, весь командный состав был отстранен от командования. Для связи с Красно-пресненским районом был выдвинут т. Осипов.

Началась подготовка к выступлению. Батареи предложили офицерам немедленно покинуть бригаду или же сражаться за

военно-революционный комитет. Все офицеры, кроме дежурного по бригаде ушли. Из Пресненского райкома для установления связи приходил т. Меркулов. От Московского военно-революционного комитета явились тт. Мандельштам, Аросев и Усиевич и потребовали послать артиллерию в город для защиты ревкома. Бригада выступила. Одна батарея через Александровский мост отправилась на Пресню, другая—по Петроградскому шоссе и Тверской по направлению к Страстной площади. Когда вторая батарея проезжала между Триумфальными воротами и Страстной площадью, из переулка появился отряд казаков. Отбив нападение казаков, батарея начала обстрел аптеки на Страстной площади, где засел отряд юнкеров. Несмотря на попытки юнкеров, которые шли со стороны Арбата (по линии «А»), захватить два орудия, батарее удалось достичь Скобелевской площади и стать на защиту военно-революционного комитета.

Втечение двух суток батарея охраняла военно-революционный комитет. На третий день батарея получила распоряжение выступить на обстрел Кремля. Получив в прикрытие 15 красногвардейцев, батарея, миновав Петровку, мимо Малого театра, по Третьяковскому проезду вступила в Китай-город и остановилась у ресторана Мартьяныча, где раньше находились юнкера, засевшие теперь в Кремле. Обстрел Кремля продолжался с 8 до 12 часов ночи с перерывами то легких орудий, то 42-линейных и прекратился по получении распоряжения военно-революционного комитета. Однако через час пришлось снова возобновить обстрел, так как со стороны Кремля стреляли по батарее и был убит артиллерист. Стрельба окончательно прекратилась после того как военно-революционный комитет сообщил о сдаче юнкерами Кремля. На утро батарея вошла в Кремль, охраняемый солдатами 56-го полка.

Емельянов, Кондратьева-Златоверова, Александров, Жаров и Дугачев.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ НА ПРЕСНЕ.

В августе 1917 года Пресненский партийный райком выделил в качестве организатора подпольной Красной гвардии т. Слесарева и заведующего оружием Жарова. Рабочие-партийцы фабрик и заводов Пресни сорганизовывались по предприятиям в вооруженные отряды. К предоктябрьским дням были следующие отряды: на заводе Тильманса—около 20 рабочих (организаторы тт. Шеногин и Ниборт), на Прохоровке—14 (организатор т. Слесарев), на фабрике «Свет и лампа»—6 (организатор т. Андриянов), на фабрике Сиу—25 (организаторы тт. Васильева, Волгина и Нойсин), на заводе «Водомер»—3, на Мамонтовке—2, Машистова—5, Артман-

Клячко—2. Таким образом, в районе насчитывалось около 80 вооруженных рабочих-коммунистов.

В ночь на 27 октября, после заседания районных дум в Сухаревском народном доме, когда политическое положение определилось с полной ясностью, Пресненский райком ВКП(б), совместно с активными работниками выделил военно-революционный комитет в составе тт. Слесарева, Беленького, Шеногина, Зубкова и Калачева. Этому комитету было передано все руководство событиями, а для непосредственного руководства боевыми действиями комитет выделил т. Слесарева начальником штаба Красной гвардии и т. Шеногина—начальником оперативной части. С утра 27 октября рабочие стали стягиваться в Военно-революционный комитет, и т. Слесаревым были расставлены патрули по району и заняты 1-й, 2-й и 3-й пресненские комиссариаты милиции. Большая часть отряда под руководством т. Шеногина была направлена в распоряжение Московского ревкома. В целях соблюдения мер предосторожности за время боев, Пресненский военно-революционный комитет три раза менял свое местопребывание: дача Студенец, завод Тильманс и фабрика Прохорова. Ко времени пребывания штаба на Прохоровке относится переконструирование состава военно-революционного комитета, куда вошли тт. Меркулов, Александров, Рыкунов, Беленький, Емельянов и секретарь Н. Штерн. С прибытием из Московского военно-революционного комитета тт. Златоверова и Шеногина организован был штаб Красной гвардии в следующем составе: начальник штаба т. Златоверов, начальник Красной гвардии т. Шеногин и секретарь т. Штерн. Состав ревкома, который оставался до создания советского аппарата, был следующий: тт. Меркулов, Александров, Беленький, Емельянов, Слесарев и секретарь Кондратьева-Златоверова.

О работе ревкома в те дни характеризует протокол заседания ревкома в ночь на 29 октября.

Вынесено было следующее постановление: т. Златоверову составить карту оперативного состояния района, т. Меркулову с отрядом красногвардейцев отправиться на Ходынку и привезти артиллерию, т. Осипову, члену военно-революционного комитета артиллерийской бригады Ходынки, выделить представителей для связи со штабом; штаб Красной гвардии перенести в район боевых действий. Во исполнение этого постановления ревком переехал на Кудринскую ул., 4 и присланы были представители 1 запасн. артиллерийской бригады тт. Олейников и Рудниченко, которые вошли в состав штаба: Олейников—командиром артиллерийской группы, а Рудниченко—командиром артиллерии правого сектора (Горбатый мост, Смоленский рынок) и начальником артиллерийской разведки.

После октябрьских боев часть Красной гвардии Пресни была отправлена на Дон, часть на Украину и остальные—в центральный штаб гвардии для несения гарнизонной службы и охраны ревкома.

Златоверов, Богачева., Горшков Вл. и Селезнев.
Участники Октября на Пресне.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ПРЕСНИ.

В первые два дня октябрьских боев в Москве красная гвардия Пресни принуждена была обороняться; большая часть сформированных отрядов красной гвардии находилась в центре, защищая Московский совет. Красная гвардия занимала отдельными сторожевыми постами и мелкими отрядами Большую Грузинскую, Георгиевскую площадь и Горбатый мост. Связь с войсками Ходынки была слабая и часто прерывалась набегами юнкеров.

На третий день боев, когда в центре красные перешли в наступление, красногвардейцы Пресненского района, охранявшие Московский военно-революционный комитет, возвратились на Пресню. С их прибытием были усилены патрули и установлена связь с Ходынкой. Часть красногвардейцев была направлена на Александровскую железную дорогу для проверки вагонов и захвата оружия, патронов и гранат. Через час в штаб Красной гвардии на Прохоровку были доставлены 60 винтовок, 10 маузеров, гранаты и 10 000 патронов. Вооружив всех красногвардейцев, в ту же ночь перешли в наступление. Удар был направлен в центр укрепления белогвардейцев—на Кудринскую площадь. Штаб красной гвардии с Прохоровки был переведен на Кудринскую площадь, в помещение пожарной команды. Отсюда начинают развертываться главные бои.

Белые пытаются через Горбатый мост, с одной стороны, и Владимиро-Долгоруковскую улицу, с другой, отрезать Большую Пресню и изолировать ее от Ходынки и центра. Одновременно пытаются захватить Александровский и Брянский вокзалы. В это время на поддержку основного кадра красногвардейцев Пресни, состоящих из рабочих завода Тильманса, подходят красногвардейцы заводов Мамонтова, «Свет и лампа», Сиу и «Габай». Быстро разбив прибывших рабочих на небольшие отряды и вооружив их чем попало, красногвардейцы мощным ударом выбивают белых с Кудринской площади, забирая оставленные последними 1 пулемет и 40 винтовок.

На следующий день утром получено было оружие из центра, с Александровской дороги и Ходынки. От белогвардейцев очи-

Группа участников Октябрьских событий на Пресне, входивших в состав 1-го и 2-го ревкомов и штаба Красной гвардии.

щаются: Сенная площадь, Владимиро-Долгоруковская улица, Садово-Кудринская до Тверской и устанавливается связь с центром. От маленьких групп юнкеров очищается Новинский бульвар до Смоленского рынка и Горбатый мост. Отдельными отрядами занимаются Александровский, Брянский вокзалы и Дорогомиловский мост после стычки со Смоленской школой прапорщиков. С Ходынки прибывают 2 батареи под прикрытием солдат из Хамовнических казарм.

30 октября боевые действия прекращаются из-за начавшихся переговоров о перемирии. В ночь на 31 октября белые, воспользовавшись перемирием и перегруппировавшись, ведут наступление по всему фронту, выставляя на каждой улице и переулке по пулемету. Под натиском белых, Красная гвардия Пресни отходит на первоначальные свои позиции, удержавшись только на Кудринской улице.

Под прикрытием сильного пулеметного огня белые ведут наступление по двум направлениям: по Владимиро-Долгоруковской через Сенную площадь, Трындинским и Тишинским переулками к Александровскому вокзалу, и по Кудринской площади, Новинскому бульвару, Смоленскому рынку, Горбатому мосту, по Прудовой и прилегающим к ней переулкам на Большую Пресню к местонахождению штаба красной гвардии. Штаб гвардии обстреливается ружейным и пулеметным огнем, и не исключена была возможность его захвата белыми. После короткого совещания штаб решает перейти в наступление.

К 4 часам утра 31 октября удалось сосредоточить части красной гвардии на Трындинском и Тишинском переулках в районе Камер-коллежского вала. Отряд в 30 человек посылается через Москву-реку к Дорогомиловскому мосту для защиты Брянского вокзала и разоружения прибывших ударных отрядов. Штаб охраняется небольшим отрядом. На рассвете решено было предпринять наступление по всему фронту. На Кудринской площади и Горбатом мосту переходят в рукопашную, одолевая переулок за переулком, дом за домом.

В предпоследний день боев, после совещания Центрального штаба Красной гвардии, все районы Москвы одновременно переходят в наступление. В Центральном районе, Замоскворечьи, Рогожско-Симоновском и Лефортовском красные вплотную подходят к передовым линиям противника. Белогвардейцы в поисках выхода решают снова атаковать Пресню. Имея перевес в огневой силе, белые продвигаются по Тверской, Никитской, захватывают весь Арбат и при поддержке броневого автомобиля продвигаются к Новинскому бульвару и Кудринской площади. На рассвете в последний день боя, несмотря на усиленный огонь со стороны красных и громадные потери, белые продолжают атаковывать Пресненский район. В разгар боя у красных испортилось орудие,

и противник, воспользовавшись временным ослаблением, захватывает баррикады на Новинском бульваре и врывается броневиком на Кудринскую площадь. Рота юнкеров и часть Смоленской школы прапорщиков занимают окопы по Поварской, открывают сильный огонь в тыл отступающим красногвардейцам к «вдовьему дому» и Кудринской улице.

Красная гвардия не растерялась.

Группа юных красногвардейцев забрасывает броневик гранатами, и весь резерв Красной гвардии во главе с военно-революционным комитетом бросается в атаку. На баррикадах Новинского бульвара происходит жестокий рукопашный бой, окопы на Поварской, занятые белогвардейцами, забрасываются гранатами, красногвардейцы по Скорятинскому, Ржевскому и Трубниковскому переулкам устремляются к Новинскому бульвару и Смоленскому рынку наперерез отступающим юнкерам, уничтожая и захватывая их в плен. Через некоторое время Арбат очищается, красногвардейцы направляются к Александровскому училищу и изолируют Смоленскую школу прапорщиков у Дорогомиловского моста. Со стороны Брянского вокзала, при поддержке артиллерии с набережной Москвы-реки Красная гвардия атаковывает Смоленскую школу прапорщиков, которая после короткого боя сдается. После трехчасового боя в районе Арбатской площади сдается Александровское военное училище, где красная гвардия Пресни соединяется с красной гвардией Замоскворецкого и Городского районов.

Семенов.

Мастер завода „Самоточка“.

ПРИЕЗД ТОВ. ЛЕНИНА.

(По его путям.)

До приезда т. Ленина в Россию после Февральской революции, то есть до 16 апреля 1917 г., всюду распространялся обывательский слух, что большевистская организация работает на германские деньги.

Я был очень счастлив, что мне пришлось быть при встрече т. Ленина. Тов. Ленин, выйдя из вагона, тотчас обратился к петроградскому пролетариату с горячим призывом к захвату власти и напоминая о тех ошибках, которые были сделаны рабочими в 1906 году.

Никогда не забуду замечательного дня. Дворец Кшесинской. Тов. Ленин с балкона заряжает своей гениальной речью толпу. Каждому из слушающих были настолько близки слова т. Ленина, и площадь, заполненная народом, была так тиха, что даже нечаянно сказанное слово могло вызвать негодование.

28 февраля с нашего завода «Вестингауз» было выделено в милицию Александро-невского района 50 товарищей, в числе которых находился и я.

Первые три дня мы находились в ведении наших заводских организаций, к сожалению, меньшевистско-эсеровских, так как на нашем заводе они были в большинстве. Большевиков было не более 15 человек. Затем к нам присоединились еще с Большой бумагопрядильной фабрики, завода Сан-Галли и электростанции «1886 года», что на Обводном канале.

В это время большевистские организации имелись в каждом районе.

Однажды на одном из собраний на Лиговской ул., д. 130, к нам пришел т. Сергеев и сообщил, что буржуазия организует крестные ходы. Мы же должны устроить 3 июля демонстрацию.

3 июля демонстрацию мы устроили. Эта демонстрация, как известно, ознаменовалась пролитием рабочей крови.

После июля настала суровая реакция. Комендантом города был назначен прапорщик Мазуренко, который тотчас же сумел проявить себя: разгромил редакцию «Правды», издал распоряжение разоружить рабочих.

Молодежь Красной Пресни 1-го мая 1919 г. в ожидании Ильича.

После перевыборов в думу нам в милиции было предложено избрать комиссара. Мы выставили две кандидатуры: т. Нахимсона, который был убит в 1918 г., и т. Меркулова. Прошел т. Нахимсон, но его не утвердил Зеленко.

В августе сгорел наш завод «Вестингауз» и после этого меня, как ненадежного красногвардейца, хотя я был мастером, уволили. После этого я работал на заводе «Промет» в Полюстрове. Организация большевиков на заводе «Промет» состояла из 25 человек. Районный комитет находился на Большеохтенском прос. Подготовка к Октябрю была более оживленная: по вечерам после работ занимались с винтовкой, изучали гранаты.

24 октября в 7 часов вечера, идя на работу, я дошел до Охтенского моста, но пройти по нему не мог, он был разведен. Все мосты с 24 на 25 октября были разведены и находились под охраной юнкеров. Домой обратно я не пошел, а отправился на завод Вестингауз, где нашел всех товарищей вооруженными. Предложили и мне взяться за винтовку. Я не отказался.

25 октября утром с крейсера «Аврора» было дано два выстрела по городу. Один снаряд попал на Мещанскую ул. В полдень по городу слышны были уже выстрелы. К нам из района пришел товарищ, кажется, Рааренов или Брызгин, который сообщил приказ ревтройки выделить 15 товарищей с боевыми патронами и направить к Зимнему дворцу, а остальных для охраны района. Придя на угол Морской и Невского проспекта, мы увидели группу невооруженных людей, которые двигались по направлению к Морской ул. На Морской стоял караул, не пропускавший без пароля никого к Зимнему дворцу. Выяснилось, что это шел городской голова с гласными просить воздержаться на некоторое время с восстановлением власти советов. Конечно, его попросили убраться подобру, поздорову. Нас же, после переговоров нашего начальника отряда т. Юсиса, пропустили к Зимнему дворцу, из которого уже юнкера на наши выстрелы не отвечали. Несколько человек матросов и красногвардейцев открыли ворота Зимнего дворца и оттуда с белыми флагами стал выходить женский батальон и юнкера, которых стали разоружать. Женщин отпускали, а юнкеров направляли в рядом находящийся штаб округа.

Огня нам открывать не пришлось, но трофеи в коллектив были нам принесены в количестве 6 винтовок и 180 патронов.

После этого нас сменили 181-й пулеметный полк и матросы. Мы же получили команду: разойтись по домам.

Остальное время мы находились в охране района 1-го Городского до 7 ноября. 7 ноября был мобилизован против Краснова на Пулково.

Конечно, героем я не был, но скажу, что недаром я жил под руководством т. Ленина.

ПОХОДНЫЕ

М. Афанасьев.

НА КАЛЕДИНА.

(Из воспоминаний.)

Я говорю о событиях еще дооктябрьских в борьбе с Калединым.

Наш 5-й пулеметный полк имел еще с февраля 1917 г. очень крепкую большевистскую организацию, имевшую тайную связь с 58-м полком и Воронежским комитетом РСДРП(б). Мы были готовы в любой момент к активным действиям.

С офицерами мы покончили еще в марте 1917 года. Выгнав большинство из них из наших рядов, оставив только тех, кто действительно был против войны; полковой комитет наш состоял из большевиков, и отношения с командиром полка, полковником Языковым, установились такие, что он в полк не являлся.

Генералы, сидящие в штабе нашей запасной армии, были хорошо осведомлены, что наш полк—сплошной большевик. Генералы чувствовали, что 300-пулеметная единица, большевистски мыслящая, представляет для них серьезную опасность.

Июльские события в Петрограде это им особенно доказали; правда, мы активно не выступали, но на требования нашего командира полка, полковника Языкова, в июльские дни сдать оружие, мы ответили категорическим отказом.

Мы чувствовали и знали, что против нас будет двинута сила для разоружения. Наш полковой комитет взял всю полноту власти в полку.

Смешон на первый взгляд был полковой комитет в своих действиях. Мы все комитетчики—рядовые, в лучшем случае унтер-офицеры должны были руководить пятитысячной массой. Не будучи вообще знакомы со структурой всего аппарата полка, а тем более руководством операциями—все наши действия носили кустарный характер. Распоряжения отдавали все. Военная карта лежала и хотя мы смотрели на нее, но очень мало понимали. Но зато общая спайка—это органическая ненависть к офицерству, нам придавала грандиозную силу и авторитет. Освободившиеся от мордобития солдаты, но еще кругом окруженные офицерством, призывавшим его на предательскую войну с немцем, еще

крепче организовали в этой окружающей обстановке пролетарский костяк.

Солдаты инстинктивно чувствовали, что им надлежит итти только с большевиками, среди общего шума, предательства интересов рабочих и крестьян меньшевиками и эсерами, призывавшими к войне до победы.

Наш голос раздавался мощно, он звучал одиноко, но он находил мощный отклик в душе каждого солдата и рабочего.

Солдаты рвались покончить сразу с режимом Керенского, но мы удержали их от рискованных действий, тем более, что мы ожидали напора на нас со стороны офицерства. Ждать не пришлось долго, против нас были двинуты с Дона калединские казаки, которые в числе около одной тысячи пятьсот человек были частью уничтожены, частью перешли на нашу сторону.

Первая победа нас ободрила, к нам стали примыкать другие части, квартировавшие в Воронеже и стоявшие на точке зрения против войны.

Сильно встревожило генералов известие о положении в Воронеже, и против нас были брошены отборные части казаков для обезоружения, но и на юге шло лихорадочное формирование рабочей гвардии.

Керенский потерял всякий авторитет, слишком явна была опасность реставрации монархии.

По постановлению Воронежского комитета РСДРП(б) и Воронежского совета, состоявшего преимущественно из большевиков, наш полк совместно с другими частями, перешедшими на нашу сторону, выступил на ст. Лиски. По дороге нам приходилось принимать бои с отдельными казачьими частями, коих генералы посылали для обезоружения «взбунтовавшейся черни».

Но слишком самоуверенны были офицеры. Они смеялись над нашим упорством, называя это шуткой безумных.

Да, но безумными оказались не мы, а они. Мы знали, что наше дело правое, что нам предстоит в будущем выполнить задачу освобождения трудящихся, мы знали, что за нами пойдут тысячи, и эта уверенность нам придавала силы в столь неравной на первых порах борьбе.

Наши ряды были пестры: тут и крестьянин в лаптях, тут и рабочий от станка, и солдат, и растерявшийся офицер, но не страшны были никто. Стремления были так широки, что были готовы завоевать весь мир.

Почти без боя мы заняли ст. Лиски, где часть казаков перешла на нашу сторону. С Лисок мы двинулись дальше по направлению к ст. Чертково.

Против нас были брошены Калединым все лучшие силы и мы начали откатываться назад. Наша 2-я группа, которая двигалась на Лихую, при которой находился я и штаб, потерпела

тяжелое поражение. Геройски дрались наши красногвардейцы. Очень мало нас осталось. Один из наших товарищей Шелаев падает замертво в момент увлечения его стрельбой против белых. Как уверен он был в нашей победе. Рабочий, старый партиец, он являл собою пример героизма. «Генерал по фронту»—такова должность тов. Шелаева. Он передавал все приказания на передовую линию, совершенно не считаясь со своей жизнью, и так же легко он умер.

Расстреляв до последнего патрона, наша группа целиком попала в плен. Правда, нас осталось очень мало, всего около 200 человек, но для озверевших юнкеров и казаков это было достаточно, чтобы поиздеваться.

Нас повели и заперли в вагоны. Вечером началась обычная инквизиция.

Поодиночке истязали, а потом расстреливали. Но наши красногвардейцы были не только героями—они были также верными товарищами. Ни один не сказал, что среди них находится командующий и штаб... несмотря на зверские истязания.

Инквизиция происходила тут же у вагона, а расстреливали у опушки леса. У меня в кармане в ватных брюках сохранился маленький браунинг. Я им убил 2-х стоявших у дверей юнкеров и наши красногвардейцы посыпали из вагона, отбирая у юнкеров винтовки и стреляя в них. Рота расстреливавшая наших, услышав стрельбу у вагонов, начала стрелять по вагонам, но офицеры скомандовали прекратить стрельбу, ибо солдаты-белогвардейцы стреляли по своим офицерам. Много наших успело убежать со мною. Бежали 35 верст до Каменского, где прибыли к своим.

В это время командование принял командир Луганской группы тов. Петров, который продолжал наступление на Новочеркасск. Я находился тут же и был ранен на ст. Персиановка в 6 верстах от Новочеркасска, откуда уехал в Калугу.

В это время были первые дни октябрьского переворота. Там я услышал о том, что Каледин застрелился под напором наших сил.

Так прошло мое первое пребывание в первые дни Красной гвардии, так славно покончившей с Калединым. Всего пережитого не передать словами, ибо оно было слишком глубоко, слишком напряженно, события разворачивались так молниеносно, а мы были предоставлены самим себе.

А. Серафимович.

ДВА ЛИТЕРАТОРА.

Стоял зной. Степь дрожала. Где-то за лиловым маревом ухали орудия.

Мы въехали в деревню, прошли в штаб.

— Ну, все готово!

Прошли в конец деревни, а там—сад. Обломанные ветви, затоптанная трава, разоренные плетни.

Отовсюду подъезжали бойцы охлюпью. Лошади бодрые, а сами с босыми черными от пыли и загара полопавшимися ногами. Тело тоже почернелое, и все наружу—от гимнастерок одни лохмотья, и руки голые черные—от рукавов и помину нету. Маленько на бандитов смахивают. И казаки, когда сходятся в бою, кричат:

— Голоштанная войска!.. Беспартошная гвардия, растакую вас!..

А эти:

— Зараз с вас портки сымем... совсем с лошадьми... и Денику вашего без порток сделаем...

И кидались в шашки.

А теперь их оттянули несколько в тыл—дать передохнуть. Меня попросили прочитать бойцам рассказ.

Живо стали слезать с лошадей, и привязывать их к яблоням, к грушам. Грудились, нажимая друг на друга огромной круговой толпой,—штаб и я были посередине.

Чтобы лучше слышать залезали на деревья и чернели среди веток, как тетерева.

Я достал книжку и стал читать. Как будто люди не дышали,—слышно было, как цепляясь падала веточка.

Я читал, подмываемый нараставшей тишиной, и думал:

«Хороший я рассказ написал,—ишь как слушают».

Когда кончил, все зашевелились и глядели на меня.

И опять пронеслось у меня в голове:

«Хороший рассказ—просто, ярко, и впечатление на всех произвел».

Начальник одного из эскадронов подошел и пожал мне руку.

— Теперь, товарищи,—прокричал товарищ из политотдела,—вам будет читать свои стихи рабочий московский, из Москвы приехал с завода. Ну слушайте. Да тише там. Что вы, как куры на насести.

И опять все смолкло, и по яблоням, по грушам неподвижно чернели тетерева, а толпа, наваливаясь и потея, тесно нас сдавливала. Товарищ рабочий из Москвы в потрепанной облупленной кожанке, сдвинув кепку назад, откашлянулся, достал листок и разгладил на

коленке. А лицо у него было корявое, и, когда начал читать, и голос был корявый с хрипотцой, и стихи были нескладные, корявые. А толпа слушала, и на деревьях чернели глухари.

Вот кончил. Все молчали. И в неподвижной налитой зноем тишине гукали в фиолетовом мареве орудия.

И вдруг толпа шатнулась, подалась вперед—назад, смыла всех, кто был в середине, и с деревьев кубарем посыпались наземь глухари.

— Уррра-а-а!.. стояло ревом оглушительным, неслыханным, и перестало быть слышно в фиолетовом мареве орудийное гуканье.

— Во, во!.. аккурат так... во!..

— У мэни як раз так!..

— Ды так, аккурат так и у мене!..

А один почти совершенно голый—одни лохмотья, потрясая кулаками в ту сторону, где уже не слышно было заглушенных орудийных ударов, и неистово ругаясь, ревел:

— Мы ему дади-им!.. Мы ему пока-ажем... так, так... расперетак его!!.

А товарищ в облупленной кожанке, раскорячив ноги и руки взлетал выше яблонь и орал истошно:

— Бра-атцы... бра-атцы, отпустите душу на покаяние!.. В Москве жена... дети... бра-атцы!!.

— Уррра-а!..

Сотни рук подхватывали и опять кидали его к синему сухому горячему небу.

Через три дня заведующий политотделом говорил мне:

— А знаете, бойцы-то наши. После литературного дня в саду в бой ходили. Так в атаку, как звери. Пехоту искрошили; два орудия отняли, половина их только вернулась.

Я уезжал и думал: «Да, рассказ-то у меня по всем правилам написан, а зажег сердца бойцов тот корявыми стихами. За самое за нутро задел, а у меня хоть чистенько и аккуратно, да мертво было для них.»

Да, задача писателя—найти живую дорогу в сердце своего читателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

V. НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЯХ.

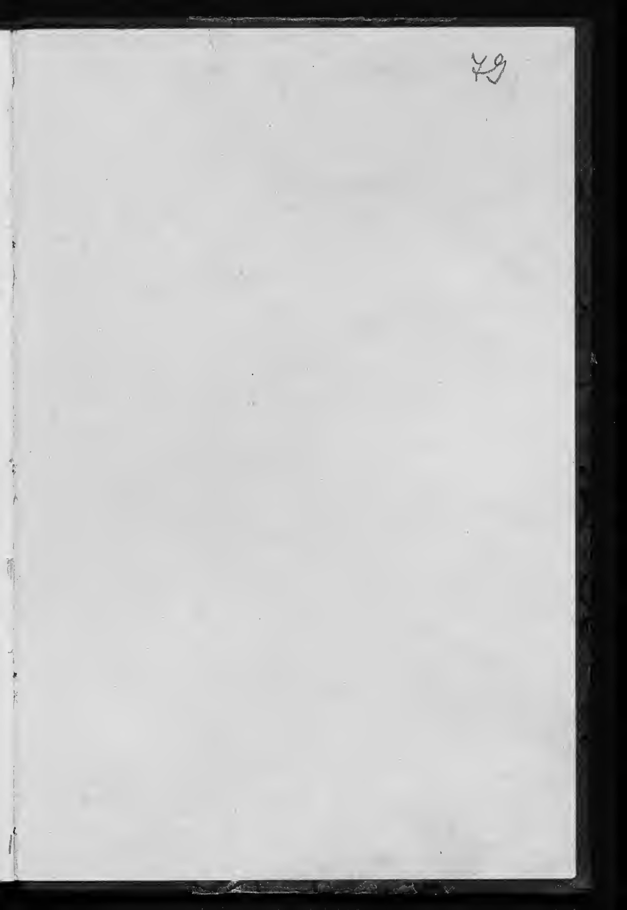
VI. КАК МЫ ВСТУПИЛИ В РЕВОЛЮЦИЮ.

VII. ЭПИЗОДЫ БОРЬБЫ.

VIII. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ,

IX. ПРИЕЗД ЛЕНИНА В ПЕТРОГРАД.

X. ПОХОДНЫЕ.

79

